

ISSN 2072-0831

**В мире
научных
открытий**

№ 5.5(65), 2015
Социально-гуманитарные науки
Научный журнал

Электронная версия
журнала размещена
на сайте
www.nkras.ru/vmno/

Журнал включен
в Перечень ВАК
ведущих рецензируемых
научных журналов

Журнал основан в 2008 г.
ISSN 2072-0831
Импакт-фактор
РИНЦ 2014 = 0,312

Главный редактор – **Я.А. Максимов**

Ответственный секретарь редакции – **К.А. Коробцева**

Технический редактор, администратор сайта – **Ю.В. Бяков**

Компьютерная верстка – **Р.В. Орлов, Л.И. Иосипенко**

**In the World
of Scientific
Discoveries**

No. 5.5(65), 2015
Humanities & Social Sciences
Scientific Journal

The electronic version
takes place
on a site
www.nkras.ru/vmno/

The journal is in the list of leading
peer-reviewed scientific journals
and editions, approved by Higher
Attestation Commission

Founded 2008
ISSN 2072-0831
RSCI IF (2014) = 0,312

Editor-in-Chief – **Ya.A. Maksimov**

Executive Secretary – **K.A. Korobtseva**

Support Contact – **Yu.V. Byakov**

Imposers – **R.V. Orlov, L.I. Iosipenko**

Красноярск, 2015

Научно-Инновационный Центр

Кrasnoyarsk, 2015

Publishing House Science and Innovation Center

12+

Издательство «Научно-инновационный центр»

ISSN 2072-0831

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР)

ПИ № ФС 77-39604 от 26 апреля 2010 г.

В мире научных открытий. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2015. №5.5(65) (Социально-гуманитарные науки). 460 с.

Периодичность – 12 выпусков в год по сериям.

Журнал включен в Реферативный журнал и Базы данных ВИНТИ РАН:
<http://catalog.viniti.ru/>

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России журнал «В мире научных открытий» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals directory» в целях информирования мировой научной общественности.

Журнал представлен в ведущих библиотеках страны, в Научной Электронной Библиотеке (НЭБ) – головном исполнителе проекта по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и имеет импакт-фактор Российского индекса научного цитирования (ИФ РИНЦ).

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Правила для авторов доступны на сайте журнала: <http://www.nkras.ru/vmno/guidelines.html>

Адрес редакции, издателя и для корреспонденции:

660127, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192

E-mail: open@nkras.ru

<http://www.nkras.ru/vmno/>

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 94089

Учредитель и издатель: Издательство ООО «Научно-инновационный центр»

Свободная цена

© Научно-инновационный центр, 2015

Члены редакционной коллегии

А.П. Анисимов, д-р мед. наук, профессор (Государственный научный центр прикладной микробиологии и биотехнологии Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека)

Н.А. Шнайдер, д-р мед. наук, профессор (Красноярский государственный медицинский университет им. В.Ф. Войно-Ясенецкого Министерства здравоохранения Российской Федерации)

Л.В. Музурова, д-р мед. наук, профессор (Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского Министерства здравоохранения Российской Федерации)

А.С. Пуликов, д-р мед. наук, профессор (Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Научно-исследовательский институт медицинских проблем Севера»)

А.С. Казакова, д-р биол. наук, профессор (Азово-Черноморская государственная агроинженерная академия)

Т.В. Рожко, к-т биол. наук, доцент (Сибирский федеральный университет)

О.Л. Москаленко, к-т биол. наук (Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Научно-исследовательский институт медицинских проблем Севера»)

С.Е. Батырбекова, д-р хим. наук (Казахский национальный университет им. аль-Фараби)

А.И. Рахимов, д-р хим. наук, профессор (Волгоградский государственный технический университет)

Н.А. Рахимова, д-р хим. наук, профессор (Волгоградский государственный технический университет)

В.Е. Бахрушин, д-р физ.-мат. наук, профессор (Классический частный университет)

Н.П. Шаталова, к-т физ.-мат. наук, профессор (Новосибирский государственный педагогический университет)

В.Н. Василенко, д-р техн. наук, доцент (Воронежский государственный университет инженерных технологий)

Д.И. Прошин, к-т техн. наук, доцент (Пензенский государственный технологический университет)

Е.А. Тыщенко, к-т техн. наук, доцент (Кемеровский технологический институт пищевой промышленности)

Д.В. Покрищук, к-т полит. наук

З.П. Оказова, д-р сел.-хоз. наук, доцент (Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова)

А.А. Лисняк, к-т сел.-хоз. наук, доцент

И.Д. Тургель, д-р экон. наук, профессор (Уральский институт – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы)

М.П. Придачук, д-р экон. наук, профессор (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации Волгоградский филиал)

Г.В. Ившина, д-р пед. наук, профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет)

С.Д. Якушева, к-т пед. наук, доцент (Московский городской педагогический университет)

Т.П. Грасс, к-т пед. наук, доцент (Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева)

В.Н. Абросимов, к-т пед. наук, профессор (Высшая школа социальных отношений)

Ф.Н. Денисенко, к-т пед. наук, доцент (Филиал КГПУ имени В.П. Астафьева в г. Железногорске)

О.Н. Финогенова, к-т психол. наук, доцент (Филиал КГПУ имени В.П. Астафьева в г. Железногорске)

П.Ю. Наумов, к-т пед. наук (Новосибирский военный институт внутренних войск им. генерала армии И.К. Яковлева МВД России)

О.В. Евтихов, к-т психол. наук, доцент (Сибирский юридический институт Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков)

Ф.Г. Галиева, д-р филол. наук, к-т ист. наук, доцент (Уфимский научный центр Российской академии наук)

А.Г. Готовцева, д-р филол. наук, доцент (Российский государственный гуманитарный университет)

Т.А. Магсумов, к-т ист. наук, доцент (Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов)

И.В. Корнилова, д-р ист. наук, доцент (Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов)

Г.С. Широкалова, д-р соц. наук, профессор (Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия)

Editorial Board Members

Medical and Pharmaceutical Sciences

A.P. Anisimov (Federal Service for Supervision in the Sphere of Customers Rights and Human Well-Being Federal State Institution of Science State Research Center for Applied Microbiology and Biotechnology, Obolensk, Russian Federation)

N.A. Shnaider (Krasnoyarsk State Medical University, Krasnoyarsk, Russian Federation)

L.V. Muzurova (Saratov State Medical University named after V.I. Razumovsky, Saratov, Russian Federation)

A.S. Pulikov (Federal State Budgetary Scientific Institution «Scientific Research Institute of medical problems of the North», Krasnoyarsk, Russian Federation)

Biology

A.S. Kazakova (Azov-Black Sea State Agroengineering Academy, Zernograd, Russian Federation)

T.V. Rozhko (Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation)

O.L. Moskalenko (Federal State Budgetary Scientific Institution «Scientific Research Institute of medical problems of the North», Krasnoyarsk, Russian Federation)

Chemistry

S.E. Batyrbekova (al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan)

A.I. Rakhimov (Volgograd State Technical University, Volgograd,

Russian Federation)

N.A. Rakhimova (Volgograd State Technical University, Volgograd, Russian Federation)

Physical and Mathematical Sciences

V.E. Bakhrushin (Classic Private University, Zaporozhe, Ukraine)

N.P. Shatalova (Novosibirsk State Pedagogical University, Kuybyshev, Russian Federation)

Engineering Science

V.N. Vasilenko (Voronezh State University of Engineering Technologies, Voronezh, Russian Federation)

D.I. Proshin (Penza State Technological University, Penza, Russian Federation)

E.A. Tyshchenko (Kemerovo Institute of Food Science and Technology, Kemerovo, Russian Federation)

Political Science

D.V. Pokrishchuk (Moscow, Russian Federation)

Agricultural Sciences

Z.P. Okazova (North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russian Federation)

A.A. Lisnyak (Kharkov, Ukraine)

Economics

I.D. Turgel (Urals Academy of Public Administration, Ekaterinburg, Russian Federation)

M.P. Pridachuk (Volgograd branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation)

Pedagogics

G.V. Ivshina (Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation)

S.D. Yakusheva (Moscow City Teacher Training University, Moscow, Russian Federation)

T.P. Grass (Krasnoyarsk State Pedagogical University, Krasnoyarsk, Russian Federation)

V.N. Abrosimov (Higher school of social attitudes, Minusinsk, Russian Federation)

F.N. Denisenko (Branch of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev in Zheleznogorsk, Krasnoyarsk, Russian Federation)

P.Yu. Naumov (Novosibirsk Military Institute of the Internal Troops named after general of the Army I.K. Yakovlev of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Novosibirsk, Russian Federation)

Psychology

O.N. Finogenova (Branch of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev in Zheleznogorsk, Zheleznogorsk, Russian Federation)

O.V. Evtikhov (Siberian Law Institute of the Federal Drug Control Service of the Russian Federation, Krasnoyarsk, Russian Federation)

Philology and Linguistics

F.G. Galieva (Ufa Branch of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation)

A.G. Gotovtseva (Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation)

Historical Studies and Archeology

F.G. Galieva (Ufa Branch of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation)

T.A. Magsumov (Naberezhnochelninsky Institute of socio-pedagogical technologies and resources, Naberezhnye Chelny, Russian Federation)

I.V. Kornilova (Naberezhnochelninsky Institute of socio-pedagogical technologies and resources, Naberezhnye Chelny, Russian Federation)

Sociology

G.S. Shirokalova (Nizhny Novgorod State Agricultural Academy, Nizhny Novgorod, Russian Federation)

*Материалы IX Международной
научно-практической конференции
студентов, аспирантов и молодых ученых
«Научное творчество XXI века»
(18 апреля 2015 г.)*

**ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ,
СОЦИОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ
(HISTORY, PHILOSOPHY, SOCIOLOGY
AND CULTURAL STUDIES)**

**ОБРАЗ РУССКОГО НАЦИОНАЛИСТА
КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО
ИМИДЖА РОССИИ В 1990Х ГОДАХ: ПО МАТЕРИАЛАМ
ПЕЧАТНЫХ СМИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ГЕРМАНИИ**

Афанасьев М.В.

*Санкт-Петербургский Государственный Университет,
СанктПетербург, Россия*

**THE RUSSIAN NATIONALIST'S PORTRAIT
AS A FORMATION FACTOR OF RUSSIA'S
INTERNATIONAL IMAGE IN 1990S.
ACCORDING TO THE BRITISH AND GERMAN
PRINT MEDIA RESOURCES**

Afanasyeva M.V.

Saint Petersburg State University,

St. Petersburg, Russia

Статья посвящена информационному освещению деятельности русских националистов в европейской прессе и его влиянию на формирование международного имиджа Российской Федерации в 1990-х годах. Предпринимается попытка на основе сообщений ведущих британских и немецких печатных СМИ воссоздать динамику и выявить основные тенденции в изображении русского националистического течения и его основных лидеров как неотъемлемой части политической системы России. Комплексных исследований, посвященных проблеме на данный момент не существует, что обуславливает актуальность и новизну представленного исследования.

Ключевые слова: *русский националист; европейские СМИ; правая оппозиция; радикальный национализм; общественное мнение; международный имидж политической партии; международный имидж государства.*

The article considers information coverage of Russian nationalists in the European press and its influence on the formation of the international image of Russian Federation in the 1990s. The attempt to recreate the dynamic and the basic tendencies in the image of Russian nationalists as an integral part of the political system of Russia is the main goal of this work. This explains the specific choice of the bibliography, which is

based on leading publications of Great Britain and Germany. Comprehensive study of the problem does not exist, and that fact makes this research relevant.

Keywords: *Russian nationalist; European Media; right opposition; radical nationalism; public opinion; international image of a political party; international image of a country.*

Русский национализм как идеология и политическая практика, основанная на тезисе об особой роли русского народа в государственнообразующем процессе, представляет собой многогранное явление, на разных исторических промежутках воспринимавшееся неоднозначно как в самой России, так и за ее пределами. При этом европейское восприятие русских националистов постперестроечного периода, складывавшееся, с одной стороны, на фоне углубления процессов глобализации и евроинтеграции, с другой – в условиях формирования новых международных отношений и внешней политики Российской Федерации, оказывало значительное влияние на международных имидж этнически русских и «новой» России в целом.

Масштабные реформы, начатые во время перестройки, способствовали возрождению идей, связанных с русским национализмом и особым интересом к дореволюционной повестке дня. Так, постепенно к началу 1990-х гг. в националистическом движении России сформировалось два основных направления: традиционалистически-почвенническое, в основу которого лег этнонационализм, и этатистское («державническое», «государственническое»), связанное как с советской, итак и с имперской ностальгией, наряду с партиями либерально-демократическо-

го толка, ставшие важными элементами политической системы постсоветской России.

Первые клубы и сообщества «почвенников» появились еще в 1980-х годах. В политическую организацию первым было преобразовано общество «Память», на основе которого позднее были созданы такие известные национал-патриотические объединения как Национально-республиканская партия России, Русское национальное единство и другие. Однако, несмотря на идейное разнообразие, представленное многочисленными организациями, национал-патриотическое течение в целом не получило достаточно широкой поддержки населения. Сами объединения оставались весьма малочисленными, и зачастую членство в них измерялось единицами. С другой стороны, парадигмальные противоречия в установках, а также личные амбиции лидеров организаций не позволили национал-патриотам слиться в более масштабное единое политическое течение.

Политические организации этатистов возникли несколько позже, чем объединения традиционалистов-почвенников. При этом базой для них стало не неформальное течение, а соответствующие движения внутри КПСС и партии демократической направленности. При этом стоит отметить Либерально-демократическую партию России (ЛДПР), программные ориентиры которой находятся в перманентной зависимости от личных пристрастий лидера Владимира Жириновского, пересматривающего свою риторику в соответствии с изменениями политической конъюнктуры. Так произошел переход от демократической программы к державническому популизму, позволивший Жириновскому значительно расширить свой электорат.

«Державнические» организации, в отличие от объединений национал-патриотов, имели гораздо более широкую социальную базу. К примеру, в выборах в Государственную Думу второго созыва участвовала только Национал-республиканская партия Николая Лысенко, остальные избирательные блоки не смогли набрать достаточного количества подписей. Этагисты, в свою очередь, на парламентских выборах 1995 г. были представлены ЛДПР, СПД «Держава», Российским общенародным движением, «Блоком Станислава Говорухина», Конгрессом русских общин, партиями «Власть народу» и «За Родину». Более того, ЛДПР получила 11,18% голосов, став второй после Коммунистической партии Российской Федерации [18].

Начало 1990-х гг. характеризуется фактическим отсутствием особого интереса со стороны европейских СМИ к деятельности большинства радикальных русских националистов. Во-первых, имея достаточно слабую политическую позицию и узкую социальную базу, разрозненное движение национал-патриотов первой половины 1990-х гг. оказалось неспособным к проведению масштабных акций, получивших бы широкий общественный резонанс в Европе. Во-вторых, несмотря на то, что крайние-правые русские националисты выступали против распространения западных культурных и политических ценностей, данный протест, выраженный в одиозной форме призыва к борьбе с «жидомасонами», не вызывал опасений относительно перспектив развития демократии в России и сохранения ее внешнеполитической ориентации на Запад. С другой стороны, основная агрессия радикалов была направлена преимущественно на нерусский элемент внутри страны, а внешний враг представлялся достаточно абстрактным.

Поэтому, даже наиболее яркие и известные русские праворадикалы привлекали внимание как британских, так и немецких печатных СМИ достаточно редко.

Схожая информационная ситуация сложилась вокруг многих «державнических» партий. Безусловно, такие элементы программ как пересмотр внешнеполитических ориентиров, экономический протекционизм и некоторые территориальные претензии могли вызвать определенную настороженность. Тем не менее, вероятно, по причине низкой популярности и слабой активности их деятельность практически не обсуждалась в европейских СМИ.

В данном контексте исключением составила ЛДПР, и прежде всего, В. Жириновский, посредством эпатажного поведения и популистских высказываний ставший предметом особого интереса западноевропейской прессы. Когда партия одержала победу в парламентских выборах 1993 г., ряд ведущих газет Германии вне зависимости от своей политической принадлежности выразили опасения в связи с ростом популярности национально-патриотических идей и имперских настроений, представляя это в качестве угрозы свободе и демократии в России.

Уже с начала 1990-х гг. немецкая пресса активно цитировала смелые публичные высказывания Жириновского, носившие анти-семитский и националистический характер; к примеру, о том, что он видит «миссию русских» в защите «белого населения Европы» [9]. Параллельно внимание уделялось тесным контактам лидера Либерально-демократической партии с виднейшими представителями националистических течений Европы, в частности с Герхардом Фреем, главой Немецкого Народного Союза, и Жаном Мари Ле Пенем, лидером французской ультраправой партии На-

циональный Фронт. В то же время подчеркивалась маргинальность и крайне радикальный настрой электората Жириновского и русских националистов, называвших себя «патриотами» [5]. Так, например, журнал Spiegel в феврале 1992 г. писал: «Евреи сидят в Кремле, патриоты за решеткой», недавно скандировали его последователи из московского СИЗО № 4» [10].

Зачастую росту популярности «шовиниста» Жириновского в России особый общеевропейский характер придавался более открыто: в январе 1994 г. вышеупомянутый Spiegel был издан под заголовком «Националист Жириновский. Провокатор. Угроза из России», на обложке журнала лидер ЛДПР изображался на фоне портрета Адольфа Гитлера.

После резких высказываний относительно событий Боснийской войны, в частности, заявления о том, что он ответил бы на удары НАТО по боснийским сербам авиаударами ВВС России по военным базам Североатлантического альянса в Италии, выдворения из Болгарии, запрета на въезд в Германию в 1993 г. немецкая пресса представляла В.В. Жириновского как «неистового» ультраправого националиста, одиозного демагога, сеющего «страх и гнев» [1]. Британские печатные СМИ, со своей стороны, концентрировали внимание на том, что политик, позиционирующий свою партию как либерал-демократическую, выступает с «экстремистскими», «шовинистскими» и «империалистскими» идеями.

К президентским выборам 1996 г. наблюдается изменение отношения к риторике Жириновского. По-прежнему изображая как радикального националиста, его все меньше представляли в качестве угрозы. Более того, немецкие и британские издания, говори-

ли о «единственной настоящей оппозиции», как называли свою партию представители ЛДПР, как о тщательно культивируемой легенде, параллельно цитируя наиболее экстравагантные высказывания В. Жириновского, к примеру, о предложении отпраздновать первый день выборов «массовым партийным групповым сексом» [12].

Однако после президентских выборов 1996 г., в первом туре которых Жириновский получил 5,76%, заняв 5-е место из 11-ти кандидатов, не попав таким образом во второй тур, британские СМИ сместили акцент с проблемы распространения антидемократических тенденций в России, представляя Жириновского как о политика-шоумена, «театрального ультра-националиста» [13].

В то же время, в середине 1990-х гг. на политическую авансцену выходит неонацизм как одна из наиболее широко известных форм русского национализма, отличающаяся от националистического популизма Жириновского крайней этноксенофобией, граничащей с расизмом, агрессивной пропагандой и, в отдельных случаях, конкретными враждебными действиями против представителей нерусских народов. С другой стороны, произошел значительный приток маргинализованной молодежи в нацистские организации, что в свою очередь, делало движение более конфликтным.

Постепенно внимание европейских СМИ привлекло Русское национальное единство (РНЕ), к концу 1990х гг. представлявшее собой ультраправое движение, основанное на идеологии русского православного национализма, в частности, на положении об «особом предназначении» [14] русского народа перед богом. РНЕ поддерживало идею постепенного возрождения самодержавия

и сословной общественной стратификации [15, с. 124], использовало элементы атрибутики фашистов и национал-социалистов первой половины XX века: правая свастика, приветствие вскидыванием правой руки, черные рубашки и военизированная форма [16].

В первой половине 1990-х гг. данная организация и ее лидер Александр Баркашов упоминались на страницах немецких и британских изданий крайне редко, причем преимущественно во время Боснийской войны 1992-1995 гг. в контексте международных связей сербских националистов [8]. Тем не менее, к концу десятилетия складывается тенденция представлять его европейской аудитории как «общеизвестного поклонника Гитлера» и главного «русского неофашиста» [7].

Пик интереса к деятельности Баркашова можно было наблюдать в 1999 г., когда РНЕ предприняло попытку участия в парламентских выборах в составе избирательного объединения блока «СПАС». Примечательно, что его деятельность не представлялась в качестве «угрозы»: в публикациях подчеркивалось, избирательный блок не носил всероссийский характер и даже в случае допуска к участию в выборах не набрал бы необходимый для получения депутатских мандатов минимум голосов [3]. Впоследствии регистрация движения «Спас» была признана недействительной, что в британской леволиберальной прессе было освещено как победа Российской демократической власти над «фюрером» [6].

Параллельно на страницах британских газет начала обсуждаться деятельность Эдуарда Лимонова, лидера Национал-большевистской партии, в частности, его участие в массовой акции протеста против операции НАТО в Косово. В сообщениях под-

черкивалось, что символика НБП выглядит, как нацистская свастика, сторонники в массе своей представляют собой «подростков в кожаных куртках» [11], а также проводилась четкая параллель с европейскими молодежными группировками неонацистов.

Действительно, во второй половине 1990-х гг. в России резко набрало популярность движение наци-скинхедов, являвшееся не столько идеологическим течением, сколько молодежной субкультурой, тесно связанной со средой футбольных фанатов, неоязычников и «правых рокеров» [17, с. 29]. Однако в конце 1990-х гг. сообщения о преступлениях на почве национальной и расовой ненависти в британских и немецких СМИ появлялись достаточно редко. Интересно, что в данный период в Германии также наблюдалась активизация неонацистского движения, и немецкие СМИ активно публиковали информацию о преступлениях наци-скинхедов как внутри страны, так и за рубежом, однако о погромах в России сообщения встречались нечасто. Причиной такому явлению послужил тот факт, что значительная часть преступлений на национальной почве в РФ скрывалась в рамках статистики «обычных» правонарушений.

Широкую международную огласку получило нападение молодого неонациста «баркашовца» на исполнительного директора Еврейского культурного центра Леопольда Каимановского в одной из главных синагог Москвы в июле 1999 года [4]. В связи с данным сюжетом британские издания также поднимали проблему антисемитских взглядов некоторых представителей различных политических сил России и роста антисемитских настроений в стране в целом. Так, к примеру, в газете The Guardian были опубликованы материалы о призывах российских националистов и

коммунистов к еврейским погромам, цитировалось высказывание члена КППРФ генерала Альберта Макашова, в котором он назвал евреев «жидами» [2]. Параллельно отмечалось нежелание лидера партии Геннадия Зюганова бороться с политическим экстремизмом в виду его опасения потерять популярность среди националистов [2], что в целом способствовало демонизации образа российской коммунистической оппозиции в глазах европейской общественности.

Итак, можно заключить, что на протяжении первой половины 1990 гг. образ русского националиста для европейцев строился, прежде всего, на основе политического имиджа В. Жириновского. С одной стороны, этому способствовала его популярность внутри страны, особенности политической программы в сопоставлении с резкой популистской националистической риторикой и активной международной деятельностью. С другой особенности информационного пространства Западной Европы и слабая активность радикальных русских националистов начала 1990-х годов.

Важно отметить, что негативное восприятие личности Жириновского как лидера одной из ведущих партий России зачастую проецировалось и на остальных представителей политической элиты страны, особенно в виду эпатажного поведения президента Бориса Ельцина. Указанные обстоятельства способствовали формированию общего отрицательного отношения к России и ее гражданам, а также особого скептицизма относительно возможности России развиваться в рамках европейской цивилизации, что в целом неизбежно вело к принятию соответствующих поли-

тических решений и снижению привлекательности РФ в качестве равноправного международного партнера.

С другой стороны, в 1990-х гг. обозначилась четкая тенденция акцентирования антисемитизма, преемственности традиции немецких национал-социалистов и идеологической связи с европейскими неонацистскими движениями. Таким образом, во-первых, демонизировался облик русских националистов различного толка, во-вторых, распространению националистических настроений предавался характер общеевропейской угрозы, и наконец, перспективы развития демократии ставились под сомнение, что в некоторой степени создавало отрицательный образ «Веймарской России» [19, с. 124].

Список литературы

1. Berserker. [Электронный ресурс]: Ziet Online. URL: <http://www.zeit.de/1994/02/berserker> (дата обращения: 20.03.2014).
2. Hearst D. Russian neo-Nazi stabs prominent Jew. [Электронный ресурс]: The Guardian. URL: <http://www.theguardian.com/world/1999/jul/14/davidhearst> (дата обращения: 13.05.2014).
3. Heiße Phase des Wahlkampfes beginnt. Kommunisten haben beste Chancen Rein ins russische Parlament. [Электронный ресурс]: Hamburger Morgenpost. URL: <http://www.mopo.de/news/heisse-phase-des-wahlkampfes-beginnt---kommunisten-haben-beste-chancen-rein-ins-russische-parlament,5066732,6368964.html> (дата обращения: 5.05.2014).
4. Klußmann U. Furchtbarer Feind. [Электронный ресурс]: Spiegel Online. URL: <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-13981247.html> (дата обращения: 13.05.2014).

5. Michnik A. Schirinowski, mon amour. [Электронный ресурс]: Spiegel Online. URL: <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-13683174.html> (дата обращения: 12.03.2014).
6. Move to block neo-Nazis. [Электронный ресурс]: The Guardian. URL: <http://www.theguardian.com/world/1999/nov/05/russia.ameliagentleman> (дата обращения: 15.05.2014).
7. Mrozek G. Wahlkampf in Moskau. Mit Wodka ins russische Parlament. [Электронный ресурс]: Berliner Zeitung. URL: <http://www.berliner-zeitung.de/archiv/wahlkampf-in-moskau-mit-wodka-ins-russische-parlament,10810590,9731886.html> (дата обращения: 25.03.2014).
8. Namen und Nachrichten. [Электронный ресурс]: Berliner Zeitung. URL: <http://www.berliner-zeitung.de/archiv/namen-und-nachrichten,10810590,8798714.html> (дата обращения: 13.04.2014).
9. Neonazis. Erlösende Rolle. [Электронный ресурс]: Spiegel Online. URL: <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-13686513.html> (дата обращения: 12.12.2013).
10. Plattform des Faschismus. [Электронный ресурс]: Spiegel Online. URL: <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-13680553.html> (дата обращения: 12.03.2014).
11. Russia and China lead international protests. [Электронный ресурс]: The Guardian. URL: <http://www.theguardian.com/world/1999/mar/26/balkans5> (дата обращения: 10.05.2014).
12. Uwe P. Rußlands Rechtsaußen Wladimir Schirinowski präsentiert sich als einzig echte Opposition. Einladung zum «Gruppensex am Wahltag». [Электронный ресурс]: Berliner Zeitung. URL: <http://www.berliner-zeitung.de/archiv/russlands-rechtsaussen-wladi>

- mir-schirinowski-praesentiert-sich-als-einzig-echte-opposition-einladung-zum--gruppensex-am-wahltag-,10810590,9135980-.html (дата обращения: 27.03.2014).
13. Yeltsin's speech: Compromise but no controversy? [Электронный ресурс]: BBC. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/world/analysis/57481.stm> (дата обращения: 25.03.2014).
 14. Баркашов А.П. «В чем миссия русского народа?» [Электронный ресурс]: YouTube. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=FGp1TH2qsDw> (дата обращения: 18.05.2014).
 15. Баркашов А.П. Азбука русского националиста. – М., 2012.
 16. Кто есть кто: общие сведения о национал-радикалах. [Электронный ресурс]: Московская Хельсинкская группа. URL: <http://www.mhg.ru/publications/1A748C0> (дата обращения: 18.03.2014).
 17. Митрохин Н. От «Памяти» к скинхедам Лужкова. Идеология русского национализма в 1987-2003 годах // Неприкосновенный запас. № 5(31) 2003.
 18. Результаты выборов депутатов Государственной Думы по общефедеральному округу 12 декабря 1993 года. [Электронный ресурс]: Центральная Избирательная Комиссия Российской Федерации. URL: http://www.cikrf.ru/banners/vib_arhiv/gosduma/1993/1993_itogi_FS_obshefed_okrug.htm (дата обращения: 2.04.2014).
 19. Янов А. После Ельцина. «Веймарская» Россия. – М., 1995.

**ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НЕЗАКОННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
СРЕДСТВ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ
В ГРАЖДАНСКОМ И УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

Батыков В.В.

*Управление имущественных отношений департамента
имущественных отношений Краснодарского края,
Краснодар, Россия*

**PROSPECTS FOR THE SOCIOLOGICAL EVIDENCE
OF ILLEGAL USE OF MEANS OF INDIVIDUALIZATION
IN THE CRIMINAL PROCEDURE**

Batykov V.V.

*Department of state institutions and enterprises in the management
of Property Relations Department of Property Relations
of Krasnodar Region, Krasnodar, Russia*

В статье ставится проблема использования социологических доказательств сходства до степени смешения в гражданском и уголовном процессе. Показывается, что такое использование затруднено из-за относительно слабой проверяемости результатов (типичной для социальных исследований, в отличие от исследований природных объектов). Эти затруднения сочетаются с существованием методической основы для их преодоления. Сформулированы основные исследовательские задачи, которые необ-

ходимо решить, прежде, чем осмысленно говорить о включении социологической экспертизы в уголовный процесс.

Ключевые слова: *социологический опрос; сходство до степени смешения; экспертиза; методические стандарты; верификация; контроль качества; гражданский процесс; уголовный процесс.*

The article raises the problem of using sociological evidence of confusing similarity in the civic and criminal procedure. It is shown that such use is difficult because of the relatively weak testability results (typical for social research, in contrast to studies of natural objects). These difficulties are combined with the existence of a methodological basis for overcoming them. The basic research challenges are formulated that need to be addressed before meaningful talk about the inclusion of sociological expertise into the criminal procedure.

Keywords: *sociological survey; confusion; expertise; methodological standards; verification; quality control; civic procedure; criminal procedure.*

Определение проблемы и объекта исследования

Соответствие юридической процедуры общественным представлениям о справедливости является важным фактором формирования образа государственных структур в сознании населения [1], а последовательное применение юридических процедур может формировать общественную поддержку соответствующих законодательных актов [3]. С этой точки зрения российское законодательство содержит целый ряд проблем, состоящих в рас-

хождении между юридическими и общественными представлениями. Одна из них состоит в криминализации некоторых действий, не являющихся преступлениями с точки зрения «простого обывателя». Так, статья 180 УК РФ определяет, что является уголовным преступлением «незаконное использование чужого товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или *сходных с ними обозначений* (курсив мой – В.Б.) для однородных товаров, если это деяние совершено неоднократно или причинило крупный ущерб» [15]. Очевидно, что и понятие ущерба интеллектуальной собственности, и однородности товаров, и сходства средств индивидуализации до степени смешения выходят за границы повседневного опыта. А в своей совокупности образуют дефиницию преступления, которая заведомо не найдет широкой поддержки и понимания среди населения. Одним из решений этой проблемы может являться строгое соблюдение принципов уголовного процесса, направленное на установление неопровержимых доказательств вины в случае недобросовестного использования обозначений, сходных с чужими средствами индивидуализации. И одним из возможных элементов такого доказательства могла бы стать социологическая экспертиза. Она гораздо более успешно применяется в гражданском, чем в уголовном процессе, и причиной этого, по нашему мнению, может служить относительно слабая верифицируемость результатов.

Обзор состояния проблемы

Социологические исследования средств индивидуализации – широко распространенный инструмент поддержки принятия решений в области регулирования прав интеллектуальной соб-

ственности, активно применяющийся арбитражными судами, Федеральной антимонопольной службой и Роспатентом. Однако его использование в уголовном процессе сильно ограничено, в связи с тем, что данные социологической экспертизы труднее верифицировать, по сравнению с данными «технических» видов экспертиз. Это общая проблема социальных исследований по сравнению с исследованиями природных объектов. Например, в социологических опросах методические ошибки могут возникать в результате нарушения требований теории измерения [10] или различных эффектов формулировки вопросов [6]. Затруднена и прямая верификация, поскольку предоставление контактной информации участников опроса является нарушением всех основных этических и профессиональных стандартов, принятых профессиональным сообществом социологов, и может вести к разрушению практики социологических исследований в результате подрыва доверия населения к ней [13]. Тем не менее, социологические исследования могут проводиться согласно опубликованным методическим нормам и правилам, содержащим описание стандартизированного инструментария, в том числе конкретные формулировки вопросов [5], специально разработанные шкалы [9; 14; 4], детализированное описание процедур выборки [7] и контроля качества [8; 2]. Одним из критериев установления достоверности проведенного исследования может служить статус его исполнителя [12]. Кроме того, существуют и методы объективации результатов, такие как реконструкция уровня сходства обозначений при помощи регрессионного предсказания на основе формальных свойств изображений (некоторой функции их сходства) [11]. Таким образом, созданы все методические предпо-

сылки для введения социологических доказательств незаконного использования средств индивидуализации в уголовный процесс. Но для реализации этих предпосылок требуется осуществить ряд научно-исследовательских разработок, список которых будет обсуждаться ниже.

Основные результаты

Новым для науки результатом наших исследований можно считать план реализации исследовательских работ, необходимых для внедрения социологической экспертизы незаконного использования средств индивидуализации в уголовный процесс. Этот план преследует следующие цели:

- 1) повышение информированности юридического сообщества о возможностях и ограничениях социологической экспертизы в уголовном процессе;
- 2) научное обоснование практики проведения социологической экспертизы в уголовном процессе;
- 3) инициирование конструктивной дискуссии по поводу методических стандартов социологической экспертизы в уголовном процессе.

Для достижения этих целей необходимо решение следующих задач:

- 1) оценка роли социологической экспертизы в защите интеллектуальной собственности в контексте важности интеллектуальной собственности в инновационном развитии экономики;
- 2) исследование проблемы сходства до степени смешения и его опасности (дается дефиниция, приводятся примеры

- смещения, статистика его распространенности в России, оценки связанных финансовых рисков);
- 3) уточнение методов измерения сходства товарных знаков (опросные и лабораторные методы измерения смещения, используемые в российской и зарубежной практике);
 - 4) обоснование пороговых значений смещения (для используемых в России методов обсуждается проблема пороговых значений, после которых имеет смысл говорить о смещении, приводятся разные способы определения этих значений и аргументы в их пользу);
 - 5) формализация и обоснование процедуры отбора экспертов.

В последнем пункте, где речь идет о формализации требований к экспертам, как нам кажется, особенно сильно могут совпадать интересы государственных органов, принимающих решения, правообладателей, юристов и экспертов. Ясно, что основное требование, согласно всем процессуальным кодексам – это наличие специальных знаний. Но как проконтролировать это наличие, и сравнить глубину специальных знаний разных экспертов? Здесь нужна расшифровка до уровня каких-то индикаторов. Допустим, судья хочет назначить экспертизу сходства до степени смещения на основе социологического опроса. И две стороны предлагают каждая своего эксперта. У одной стороны доктор философских наук с большим стажем опросов общественного мнения. У другой – кандидат социологических наук со стажем опросов меньше. Как обоснованно между ними выбрать, и как отсеять тех, кто явно не может быть экспертом? Доктор философских наук, на пер-

вый взгляд, меньше подходит по специализации. Но до 1990 года степени по социологии присваивались в категории философских наук. Так что первый эксперт, скорее всего, просто более опытный. Но что, если он более опытный в области опросов о социально-трудовых отношениях? А второй, менее опытный, специализируется на опросах потребителей? Представляется, что должен быть разработан какой-то набор критериев, не слишком жесткий, но позволяющий принимать решения и государственным органам – кого считать экспертом, и правообладателям и юристам – к кому обращаться, и самим экспертам – какие компетенции развивать. Например, если у человека нет ни одной научной публикации по теме, в которой надо провести экспертизу, очевидно, его трудно считать экспертом. Можно подобрать еще несколько достаточно очевидных и легко контролируемых критериев, и объединить их, например, в виде методических рекомендаций.

Список литературы

1. Бабич Н.С. Типология образов государственных структур в общественном сознании // Государственная служба. 2008. N 2. С. 123-125.
2. Бабич Н.С., Батыков И.В. Достоверность социологических опросов потребителей: проблема получения ретроспективной информации // Теория и практика общественного развития. 2014. N 20. С. 14-18.
3. Бабич Н.С., Батыков И.В. Концептуальные основания измерения общественной поддержки правовых актов // Власть. 2013. N 6. С. 126-129.

4. Бабич Н.С., Батыков И.В. Ординальное шкалирование. – Краснодар: Куб. гос. ун-т, 2004.
5. Бабич Н.С., Батыков И.В. Формулировка вопроса о смешении средств индивидуализации в сознании потребителей: пути повышения качества информации // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2012. № 7. С. 141-149.
6. Бабич Н.С., Власова-Ягодина А.А. Асимметрия в ответах на анкетные вопросы: проверка информационной гипотезы // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 1. С. 148-155.
7. Бабич Н.С., Власова-Ягодина А.А. Методы отбора внутри домохозяйств в репрезентативных исследованиях социальных норм // Теория и практика общественного развития. 2013. № 12. С. 25.
8. Бабич Н.С., Иванов В.В. С точностью до участка: система тотального контроля качества на экзит-поллах // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2011. № 2 [102]. С. 16-23.
9. Бабич Н.С., Хоменко В.И. Логические и практические трудности многомерного подхода к измерению религиозности // Социологический журнал. 2013. № 2. С. 89-96.
10. Бабич Н.С., Хоменко В.И. Типология уровней измерения в социологии: традиционные и альтернативные подходы // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2012. № 2. С. 86-97.
11. Батыков И.В. Автоматизированное определение сходства товарных знаков до степени смешения // Управление мегаполисом. 2013. № 3 (33). С. 92-95.

12. Батыков И.В. Выбор исполнителя производства судебной социологической экспертизы оценки объектов интеллектуальной собственности // Мир юридической науки. 2012. № 10. С. 72-79.
13. Батыков И.В. Социологическая экспертиза объектов интеллектуальной собственности: проблема анонимности // Теория и практика общественного развития. 2012. № 12. С. 569-572.
14. Батыков И.В., Бабич Н.С. Семантическое измерение деловой репутации: проблемы сбора, контроля качества и интерпретации данных // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 1. С. 61-71.
15. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система КонсультантПлюс. 1997-2015. URL: http://www.consultant.ru/popular/ukrf/10_31.html#p2921 (дата обращения: 25.03.2015).

О КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОДХОДАХ К ИССЛЕДОВАНИЮ РОЛИ НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА В РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Бодрова Е.В., Калинов В.В.

*Московский государственный университет информационных
технологий, радиотехники и электроники,
Российский государственный университет
нефти и газа имени И.М. Губкина,
Москва, Россия*

ON CONCEPTUAL APPROACHES TO THE STUDY OF THE ROLE OF OIL AND GAS IN RUSSIA'S MODERNIZATION

Bodrova E.V., Kalinov V.V.

*Moscow State University of Information Technologies,
Radio Engineering and Electronics,
Gubkin Russian State University of Oil and Gas,
Moscow, Russian Federation*

В статье осуществлен теоретико-методологический анализ основных концептуальных подходов к проблеме определения роли нефтегазового фактора в российской модернизации на ее современном этапе. Представлены основные результаты поиска политической элитой, научным и бизнес-сообществом наиболее оптимальной концепции государственной политики в нефтегазовой сфере, причин, обусловивших торможение модернизационных процессов в НГК.

Ключевые слова: *модернизация; государственная политика; нефтегазовый комплекс; эксперты; рынок; топливно-энергетический комплекс.*

The article presents the theoretical and methodological analysis of the main conceptual approaches to the problem of determining the role of oil and gas factor in Russia's modernization of its modern etape. Predstavleny main results of the political elite, scientific and business community the most appropriate concept of public policy in the oil and gas sector; the

reasons for the inhibition of modernization processes in oil and gas.

Keywords: *modernization; public policy; oil and gas; experts; market; fuel and energy complex.*

В настоящее время одним из самых дискуссионных является вопрос об оптимальном соотношении различных секторов экономики, о роли нефтегазовой отрасли в модернизационных стратегиях. В научных трудах М.В. Славкиной обосновывается вывод о том, что нефть и газ в послевоенный и постсоветский периоды развития страны превратились в системообразующий элемент мирового хозяйства, оказывающий прямое воздействие на темпы роста, стабильность экономической ситуации, уровень и качество жизни населения. Более того, исследователь правомерно утверждает, что одной из основных особенностей отечественной модернизации является наличие значительных углеводородных ресурсов. Нефтяной экспорт на всех этапах был тесно взаимосвязан с приоритетными на тот или иной период для страны задачами, которые могли быть преимущественно экономическими (20-е гг.), политическими (резкий рост поставок нефти Третьему Рейху в 1940 г.) или же идеологическими (поставки нефти странам-членам СЭВ) [20, с. 56-64].

В этой связи представляет интерес предложенная автором классификация теоретико-методологических подходов к исследуемой проблеме. Суть первого подхода заключается в следующем: сырьевой сектор является составной частью тяжелой промышленности. На раннеиндустриальном и индустриальном этапах модернизации его развитие отражало объективные устремления

руководства страны к осуществлению форсированной модернизации, независимости от других стран, техническому прогрессу [3, с. 57-60; 10, с. 164]. Сторонники второго подхода утверждают, что на позднеиндустриальной стадии нефтегазовый комплекс (НГК) явился фактором стагнации. Обладая значительными сырьевыми ресурсами, страна реализовывала индустриальную экстенсивную модель экономики [3, с. 159; 6, с. 335]. В настоящее время, полагает другая часть специалистов, нефтегазовый комплекс является препятствием на пути развития современной инновационной экономики [16, с. 11].

Период отечественной истории 1990-х – начала 2000-х гг. в рамках модернизационной теории рассматривается как один из этапов большого модернизационного цикла отечественной истории XX в. (досоветский, советский, постсоветский этапы). Историографический анализ позволяет констатировать наличие неоднозначных его характеристик. Так, В.В. Согрин полагает, что «радикально-либеральный этап современной российской модернизации», обеспечивший переход к рыночным отношениям, прошел относительно быстро, бескровно, удивительно результативно [19, с. 253]. Однако сравнительный анализ итогов реформирования ряда стран с переходной экономикой позволяет не согласиться со столь однозначно позитивными оценками.

Президент одной из крупнейших нефтяных компаний страны ОАО «ЛУКОЙЛ» В.Ю. Алекперов в труде «Нефть России. Прошлое, настоящее и будущее» [2] обоснованно полагает, что нефтегазовый комплекс России на всем протяжении сложного и противоречивого периода экономической, социальной, политической трансформации, начавшегося в 90-х гг. XX в., обеспечил не

только экономическую выживаемость страны, но и заложил основу для последующего устойчивого социально-экономического развития.

И.В. Стародубовская и В.А. Мау находят много общих черт у российской, японской и германской модернизации, но российский путь развития оказался, по их мнению, абсолютно отличным от германской и японской модели. Попытка адаптироваться к потребностям модернизации путем преобразований «сверху» провалилась. Исследователи утверждают, что в конце XX в. в России произошла полномасштабная социальная революция, предпосылки которой сформировались в рамках третьего кризиса экономического роста и определялись противоречиями между новыми, постиндустриальными тенденциями и сложившейся в СССР жесткой институциональной структурой, ориентированной на задачи мобилизации ресурсов. Перераспределение собственности преследовало две основные задачи: привлечение дополнительных денежных средств для финансирования революции и социальное маневрирование с целью удержания старых и привлечения новых союзников. Задачи пополнения бюджета и формирования эффективного собственника были принесены в жертву необходимости поддержания прореволюционной коалиции, выступающей за радикальные реформы, кризис которой проявился уже в апреле 1992 г. К началу 2000 г., по мнению авторов, явно сложились условия для завершения в России революционной эпохи [18].

Между тем, ряд исследователей утверждает, что зарубежный опыт – стран Латинской Америки, например, – убедительно доказывает, что модернизация, отданная на откуп рынку, сопровождающаяся поспешной, слишком сильной либерализацией, не-

достаточной поддержкой инновационной деятельности местных компаний, отсутствием целенаправленных институциональных реформ, приводит к отставанию страны, к неокOLONIALной зависимости [23].

Значительная часть исследователей справедливо, на наш взгляд, сходится во мнении, что проводимые в течение последних лет реформы нацелены на достижение лидерства России на финансовых, а не на машиностроительных мировых рынках, что, собственно, и является основной причиной деградации всего национального промышленно-научно-образовательного комплекса: «Авторы реформ на протяжении уже более чем полутора десятка лет пытаются решить задачу, очевидно не имеющую решения, а именно – заставить работать реальный сектор экономики, науку и образование России с эффективностью финансовых институтов, шоу-бизнеса или потребительского сектора, т.е. в соответствии с принципом «максимальная прибыль за минимальное время» [4, с. 4].

Исследуя теоретические и методологические аспекты развития нефтяного комплекса Российской Федерации в условиях глобализации мирового нефтяного хозяйства, системно связывая наступление постиндустриализма и экономическую реструктуризацию мировой экономики, М.М. Козеняшева, акцентировала внимание на двух аспектах этой проблемы: облегченное приспособление к энергетическому кризису экономик развитых стран и одновременно дополнительное отягощение для других стран, в том числе ресурсобладающих, в силу отсутствия или слабого развития постиндустриальных основ. Это обусловило встраивание подчиненным образом экономических структур, отраслей,

отдельных производств в блоки взаимосвязанных производственных цепочек в качестве носителей индустриальной продукции по отношению к передовым носителям технологических процессов интеллектуально-преобразующего капитала постиндустриальных экономик. Эти процессы встраивания в мировое хозяйство в зависимости от достигнутого уровня развития, направляемые глобальными компаниями с целью формирования единого экономического пространства, и есть процесс глобализации, широко развернувшийся в мировом нефтяном комплексе. Торможение модернизационных процессов в нефтяном комплексе РФ, недостаточность внутренних средств для его финансирования, усиливающаяся глобализация мирового нефтяного хозяйства, нарастание относительной дефицитности углеводородных ресурсов обусловили закономерное и неизбежное развитие широкого взаимодействия его с иностранным капиталом, встраивание в глобализирующееся нефтяное хозяйство. Российская нефтяная отрасль, играя системообразующую и мультипликативную роль в экономике РФ, не демонстрируя, однако, постиндустриальных импульсов, остро нуждалась в придании ей ускоренного инвестиционно-инновационного развития в соответствии с вектором постиндустриальных тенденций. Это могло бы способствовать и изменению ее сырьевого статуса в глобализирующемся энергетическом пространстве [11, с. 16, 19-32].

Член-корреспондент РАН Е.А. Телегина также подтверждает значимость нефтегазового фактора в глобализационных процессах и развитии национальных экономик. По мнению автора, мировая энергетика, играя значительную роль в функционировании и развитии мировой экономики, становится в XX в. «фактором не

только технологического развития, но и важной геополитической составляющей системы международных отношений, определяя, зачастую, основной вектор развития мировой политики и регионального взаимодействия различных государственных интересов... Сегодня углеводородная экономика является основой мирового развития, используя максимально возможное применение нефти и газа в ведущих отраслях промышленного производства» [21, с. 6]. Одновременно энергетический фактор «демонстрирует отнюдь не разумную и опирающуюся на ресурсную мощь прогнозируемую политику, а высокую нестабильность, рост политических рисков и политического противостояния вследствие все более частого использования его как средства политического давления...» [21, с. 10, 38]. События 2014-2015 гг. со всей очевидностью доказали правомерность таких утверждений.

В течение последних лет А.Н. Дмитриевский, академик, директор Института проблем нефти и газа Российской академии наук, признанный лидер российской нефтегазовой науки превратить нефтегазовый комплекс в силу объективных природно-геологических условий в инициатора и важнейшего потребителя высоких технологий XXI в., обеспечивающего финансовые средства для дальнейшей модернизации [7]. По его мнению, «необходим переход от экономики сырьевой, экспортно-ориентированной, к экономике ресурсно-инновационного типа. Не только добывать нефть и газ, но и самим перерабатывать их – такова задача сегодняшнего дня» [7, с. 35]. А.Н. Дмитриевский предлагал следующую характеристику отечественной экономики: сырьевая, экспортно-ориентированная, выдающая по многим направлениям продукты низкой степени передела, что предполагает значитель-

ную зависимость от конъюнктуры мирового рынка, который заинтересован в большей степени именно в сырье. Одним из определяющих эту сложную для страны ситуацию стал фактор исторический: за 1966-1991 гг. в СССР было построено только 7 новых НПЗ, из них 6 – вне России. На территории РСФСР в 1982 г. был построен лишь Ачинский НПЗ. Кроме того, была организована переработка нефти в Нижнекамске для обеспечения потребности в сырье нефтехимического производства.

Рекомендуя использовать для модернизации ресурсно-инновационный вариант, напоминая в этой связи о значении ресурсов «Второго Баку» для послевоенного восстановления народного хозяйства и его обновления, А.Н. Дмитриевский утверждал, что первоочередной отраслью, остро нуждающейся в научных, технологических, технических инновациях является отечественная нефтяная промышленность, так как огромные нефтяные ресурсы не могут быть взяты без мощного потока современного оборудования, развития новых технологий, прежде всего нефтехимии, газохимии. Полученные средства за продукцию следовало бы инвестировать в новые высокие технологии – в машиностроение, энергетическое машиностроение, электронную промышленность, нанотехнологии и др. [7, с. 35-38].

В мае 2013 г. А.Н. Дмитриевский вновь привлек внимание к проблеме использования нефтедолларов: «За 12-13 лет российская нефтяная и газовая промышленность за счет экспорта дали 2,5 триллиона долларов в экономику. ... Главная опасность состоит в том, что мы не вкладываем деньги в промышленность!» [22]. Между тем, достаточно долгое время правительство отказывалось от активной государственной промышленной политики [12].

Академик РАН Н.П. Лавёров также настаивал на необходимости обеспечения условий для максимально эффективной реализации экспортных возможностей отечественного ТЭК, ускоренного решения проблем развития современного отечественного энергетического, электротехнического, нефтегазового и горного машиностроения и транспортных средств, организации расширения их экспорта. С этой целью, по мнению исследователя, следовало способствовать привлечению зарубежных инвестиций для ТЭК и смежных областей, существенно расширить международное сотрудничество в сфере разработки научно-технологических проблем и подготовки научных, инженерных кадров, технического персонала и рабочих высокой квалификации. При этом определяющим должен быть приоритет национальных интересов России, используя симметричные формы участия национального капитала в энергетике других стран. Основным принципом энергетической безопасности должен стать принцип их рационального потребления [15].

Таким образом, осознание глобальных индустриальных вызовов в последние годы стимулировало поиск политической элитой, научным и бизнес-сообществом наиболее оптимального варианта реализации государственной политики в нефтегазовой сфере. Анализ основных методологических и концептуальных подходов к проблеме эволюции государственной промышленной политики, определения роли нефтегазовой отрасли в социально-экономическом развитии страны позволяет констатировать все большее стремление авторов подчеркнуть самобытность российского исторического пути, к специфике которого исследователи правомерно относят и стремление к преодолению отставания от

лидирующих экономик. Во многом отставание зависело от содержания реализуемой государственной промышленной политики. Важным негативным фактором, определившим торможение модернизационных процессов, явилось игнорирование правительством рекомендаций ведущих экспертов.

В 2014 г. дискуссии об итогах ее первых попыток и дальнейшей стратегии достигли особой остроты и безапелляционности в суждениях. Так, в статье-отповеди, посвященной жестким критикам С.Ю. Глазьева, В. Жуковский прямо обвинил Минфин и его руководство в том, что на протяжении последних 11 лет ведомство ежегодно изымало из отечественной деиндустриализированной экономики от 4 до 11% ВВП «под псевдонаучные лозунги о необходимости стерилизации «избыточной» денежной массы и накопления «подушки безопасности». Ориентированные на крайне ограниченный внутренний платёжеспособный спрос отрасли высокотехнологичной обрабатывающей промышленности, АПК, сельского хозяйства и лёгкой промышленности задохнулись от нехватки доступных кредитных ресурсов, сворачивали производство и деградировали. Тогда как крупные сырьевые компании и связанные с ними едиными производственно-технологическими цепочками перерабатывающие производства низких переделов, извлекающие сверхприбыли от эксплуатации природно-сырьевой и монополистической ренты, влезали во внешние займы, закладывая своё имущество международным банкам. Так как процедура оформления залогового имущества иностранным кредиторам существенно упрощается в зарубежных юрисдикциях, это провоцировало рост оффшоризации российской экономики. На деле наблюдался «рост без развития», который за пределами научных

кругов известен как процесс проедания нефтедолларов, паразитирования на наследстве советской эпохи, архаизации производства и технологического упадка» [8].

Значительная часть ученых РАН и других специалистов предлагало не копить деньги и не кредитовать стратегических конкурентов под реально отрицательную с учётом инфляции процентную ставку, а адресно направлять имеющиеся ресурсы на прорывные направления формирующегося технологического уклада, форсировано стимулировать развитие научно-технического потенциала и оказывать поддержку наукоёмким производствам высоких переделов.

Между тем, Я.И. Кузьминов уверен, что проблема экономического спада носит частью внешнеэкономический, частью внутриэкономический характер. Если говорить о внешних событиях, а именно они катализировали негативные процессы в и нашей экономике, то основное – это выход из рецессии экономики США. Как только она начинает подниматься, инвесторы забирают деньги с развивающихся рынков и вкладывают туда. Кроме того, негативным фактором является очень большая доля экономики РФ, которая контролируется государством, «...связана с государством, оглядывается на государство», отсюда – очень низкая конкуренция на рынке; раздутый и неэффективный бюджетный сектор; крайняя слабость нашей инфраструктуры; особенности структуры нашей экономики [13].

Следующий вариант казался более точным директору Института экономики РАН Р. Гринбергу: «Для нас неприемлем вариант ускорения экономики по западному образцу. Нужно делать став-

ку на частно-государственное партнерство, которое необходимо перевести из риторики в практику» [17].

Таким образом, исследование основных теоретических подходов к изучению эволюции государственной экономической политики позволяет утверждать, что большая часть авторов, занимающихся этой проблемой, согласна с необходимостью ее отдельного изучения в силу особой значимости для модернизационных процессов. Но роль страны определяет и конкурентоспособность её экономики, и уровень развития промышленности как сектора экономики, обеспечивающего производство жизненно необходимых благ [5, с. 18]. Следовательно, решение задач модернизации в условиях высоко конкурентной глобальной среды предполагает проведение научно-обоснованной, последовательной промышленной политики [1, с. 26].

Одновременно мы поддерживаем тех из экспертов, кто в числе важнейших, приоритетных направлений, нуждающихся в скорейшей модернизации, выделяют нефтегазовую отрасль [14, с. 194-197]. Для того, чтобы более эффективно вести добычу нефти и газа, осуществлять их переработку, требуется новое оборудование и современные технологии. Мы полагаем возможным превращение этой отрасли в один из локомотивов российской модернизации, так как предприятия отрасли имеют мощный потенциал и встроены в глобализационные экономические процессы.

Список литературы

1. Андрианов К.Н. Формирование государственной промышленной политики России в условиях глобализации: Дис. ... канд. эконом.наук. – М., 2004.

2. Алекперов В.Ю. Нефть России. Прошлое, настоящее и будущее. – М., 2011. 432 с.
3. Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. – М., 2010. 432 с.
4. Велихов Е.П., Бетелин В.Б., Кушниренко А.Г. Промышленность, инновации, образование и наука в России. – М., 2009. 141 с.
5. Грасмик К.И. Промышленная политика государства как фактор модернизации реального сектора экономики России: Дис... канд. эконом.наук. – Омск. 2007.
6. Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. – М., 2005. 656 с.
7. Дмитриевский А.Н. Ресурсно-инновационная экономика: история, проблемы, перспективы // Энергетическая политика. 2011. № 2.
8. Жуковский В. Попытки дискредитировать академика Сергея Глазьева продолжаются [Электронный ресурс] // URL:http://ruskline.ru/analitika/2013/03/05/poputki_diskreditirovat_akademika_sergeya_glazeva_prodolzhayutsya/ (дата обращения: 18.09.2013).
9. Ильин В.В., Панарин А.С., Ахиезер А.С. Реформы и контрреформы в России. Циклы модернизационного процесса. – М., 1996. 400 с.
10. Красильщиков В.А. Вдогонку за прошедшим веком. Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. – М.: РОССПЭН, 1998. 264 с.
11. Козеняшева М.М. Экономическое развитие нефтяного комплекса Российской Федерации в условиях глобализации ми-

- рового нефтяного хозяйства (теоретические и методологические аспекты): Автореф. дис. ... д-ра эконом. наук. – М., 2011.
12. Калинов В.В. Государственная научно-техническая политика (1985-2011 гг.): Монография. – М.: МосГУ, 2011. 456 с.
 13. Кузьминов Я. Кого поддержит слабый рубль // Российская газета, 2014. 9 апреля № 080.
 14. Ленчук Е.Б. Задачи по созданию условий для перехода российской экономики на инновационный путь развития // Модернизация России как условие ее успешного развития в XXI веке / Отв. ред. А.Н. Аринин. – М., 2010.
 15. Лавёров Н.П. Топливо-энергетические ресурсы: состояние, динамика освоения, обеспеченность <http://www.c-o-k.com.ua/content/view/2568/> (дата обращения: 16.01.2013).
 16. Модернизация в России как условие ее успешного развития в XXI веке. – М.: РОСПЭН, 2010. 319 с.
 17. Цит по: Соколовская М. Около ноля // Профиль. 2014. 7 апреля. № 013.
 18. Стародубовская И.В., Мау В.А. Великие революции. От Кромвеля до Путина. – М., 2004. 514 с.
 19. Согрин В.В. Политическая история современной России. 1985-2001: от Горбачева до Путина. – М.: Издательство «Весь Мир», 2001. 262 с.
 20. Славкина М.В. Четыре лика советского нефтяного экспорта: основные тенденции развития в 1922–1990-е годы // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 7 (261). История. Вып. 49.
 21. Телегина Е.А. Углеводородная экономика. Т. 1. – М., 2012. 441 с.

22. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.youtube.com/watch?v=d1GdPC7wjug>) дата обращения: 13.06.2013).
23. Shapiro H. Industrial policy and growth [Электронный ресурс] // URL: http://www.un.org/esa/policy/backgroundpapers/Industrial_policy_growth.pdf (дата обращения: 16.04.2013).

**ТРАДИЦИОННЫЙ КОСТЮМ ЮЖНЫХ (НАРЫМСКИХ)
СЕЛЬКУПОВ В XIX-XX ВВ.**

Бодрова А.Ш.

*Томский государственный педагогический университет,
Томск, Россия*

**TRADITIONAL COSTUME SOUTH (NARYM)
SELKUPS IN XIX-XX CENTURIES**

Bodrova A.Sh.

*Tomsk state pedagogical university,
Tomsk, Russia*

В статье анализируются материалы по традиционному костюму южных селькупов, проживающих на севере Томской области. Выявляются региональные особенности конструкции, технологии изготовления и декорирования одежды. В научный оборот вводятся новые материалы о традиционной одежде южных селькупов, предоставлен-

ные информантами-селькупами из Парабельского района Томской области, что позволит расширить представление о культуре костюма в традиционном обществе южных селькупов.

Ключевые слова: *традиционный костюм; южные селькупы; промысловая; праздничная одежда; меховая одежда; материалы; конструкция; сборный мех; головные уборы.*

The article analyzes the results of research concerning the Middle-traditional costumes, living in the north of the Tomsk region. Revealed regional structural features, technology, manufacturing and decorating clothes. In the scientific revolution introduced new materials on the Middle-traditional clothes provided by informants-Selkups of Parabel district of Tomsk region, which will enhance the understanding of the culture of the suit in the Middle-traditional society.

Keywords: *traditional costume; The Southern Selkup; fishing and occasional clothes; fur clothing; materials; structures; prefabricated fur hats.*

Традиционная одежда как часть традиционной культуры неотделима от внешнего облика человека, как продукт национальной культуры является своеобразным источником информации о культуре того или иного народа.

Традиционный костюм южных селькупов тесно связан с традиционным бытовым укладом рыбаков, охотников, ведущих кочевой образ жизни, проживающих в суровых климатических

условиях. Вся одежда селькупов делилась на промысловую и праздничную. Некоторые виды промысловой одежды сохранились до сих пор, а праздничная перешла в разряд концертной на основе стилизации исходных форм одежды. Исследователи традиционной культуры селькупов XIX-XX вв. (М.А. Кастрен, Н.А. Костров, Г.И. Пелих и др.) выражали мнение о том, что многие элементы традиционной культуры, в том числе костюма и орнамента, утрачены. М.А. Кастрен и Н.А. Костров отмечали русификацию одежды Томских самоедов. Г.И. Пелих на основе материала, собранного ею во время экспедиций к нарымским селькупам, так же получила весьма неопределенную картину. В своем исследовании она отмечала, что «некоторые детали одежды известны нам только по устным рассказам и старинным фотографиям», которые использовались в качестве источника. В настоящее время в быту у южных селькупов не существует национального типа одежды. Следует отметить, что уже к концу XIX в. традиционный селькупский наряд вышел из употребления. Информация о фактурных, конструктивно-технологических и декоративных элементах одежды в этнографических источниках представлена слабо. «В целом сведения о старинной традиционной одежде носят фрагментарный характер» [9, с. 191].

Тем не менее, некоторые черты традиционного народного костюма, в том числе и декоративные, сохранились в памяти многих представителей селькупской культуры. В данной работе, наряду с анализом литературы по традиционной одежде южных селькупов, в качестве источника используются сведения, полученные от информантов-селькупов, уроженков обских селькупских поселков.

Основным видом промысловой одежды селькупов в XIX – начале XX веков была легкая короткая парка, общим селькупским термином для обозначения которой является слово – *porg*, означающее «кроить», «скоблить», «резать». Первое краткое описание меховой одежды «томских самоедов» в виде парки под русским названием «*кырняжка*» сделал в 1846 г. М.А. Кастрен [4, с. 308]. В 1970-е гг. Г.И. Пелих к исследованиям М.А. Кастрена были добавлены дополнительные сведения о конструктивных линиях данного вида одежды [5, с. 41]. По данным исследования выделены конструктивные и фактурные элементы *кырняжки*. Плечевая одежда в виде кырняжки выполнялась из целой шкуры оленя мехом наружу, при этом полочки и спинка были цельновыкроенными и различными по длине, конструктивные швы располагались только в плечевой части изделия, на пройме и рукавах. Кырняжка имела сходящиеся встык полочки (без выраженного запаха бортов полочек), соединяющиеся между собой при помощи кожаных завязок и прямые втачные рукава до кистей рук. Такой вид одежды имел конкретную промысловую функцию – «в кырняжке ходили на охоту» [10, с. 85]. Выполнялась кырняжка из оленьего, заячьего или собачьего меха. М.А. Кастреном засвидетельствована дифференциация мужской и женской кырняжки посредством расположения в области спинки женской кырняжки нескольких складок [4, с. 308]. По нашему мнению, существует параллель между способом кроя и конструкцией селькупской кырняжки и эвенкийского кафтана, так как согласно исследованиям Г.Ф. Василевич и Н.Ф. Прытковой станова часть эвенкийского кафтана выполнялась из одной шкуры без боковых швов. В верхней части шкуры располагались два вертикальных надреза в виде проймы

для вшивания рукавов, а спинка выкраивалась длиннее, чем полочки [2, с. 127; 6, с. 229]. «Парка, сшитая из одной целой шкуры, является примером «обернутой» одежды, которую мы отнесли к старосамодийскому типу» [7, с. 97], соответствующему, согласно классификации Н.Ф. Прытковой, енисейскому типу кроя верхней одежды народов Сибири [6, с. 237]. Данный тип одежды характерен и для тазовских селькупов, у которых на подклад под одежду шли лисий мех, беличьи и лисьи лапки, птичьи шкурки [Там же, с. 229]. Согласно исследованиям Н.А. Тучковой, на р. Парабель селькупы своего оленьего меха не имели, и им приходилось выменивать его у тунгусов, поэтому для выхода на промысел обычно использовали короткие шубки мехом наружу, сшитые из нескольких заячьих шкур – *нева-порг* [10, с. 85]. В начале XX в. в обских селькупских поселках бытовали собачьи шубы мехом наружу.

Нарымскими информантами-селькупками сделаны краткие сообщения об изготовлении промысловых шуб и курток без рукавов из заячьих шкурок мехом внутрь и мехом наружу, название которых также – «*нева-порг*». Наряду с этим, по утверждениям информантов промысловая одежда изготавливалась и из собачьего меха. Для изготовления одежды выбирали длинный густой мех, предпочтительно черного цвета. Эта одежда имела прямой силуэт, была распашной с узкими полочками. Исключительной особенностью меховой одежды нарымских селькупов являлась обработка среза горловины, нижнего среза изделия и нижних срезов рукавов собачьим мехом. Конструктивной особенностью в области спинки мужской меховой одежды было наличие трех мягких односторонних складок. Эта конструктивная деталь от-

мечена у исследователя М.Л. Кастрена, но на женской одежде. Наряду с короткой промысловой шубой нарымских селькупов бытовала зимняя верхняя одежда, которая изготовлялась из шкурок пушных зверей и птиц – зайца, лисы, белки, гагары, лебедя или из сборного меха [9, с. 174]. Из него шили как женские длинные шубы (до щиколоток), так и мужские (до колен) мехом внутрь, детские до колен, а снаружи их покрывали тканью. Конструктивной и фактурной особенностью такой одежды является наличие двух слоев одежды: меховой подкладки, выполненной из **камусов** – меха с конечностей мелких пушных зверьков (беличьих, соболиных, горностаевых и др.) и верхней покрывной ткани из крапивы, позднее из текстильного материала в виде сукна или плюша. Камусная подкладка располагалась ворсом внутрь, а мездрой к верхнему слою одежды. Шуба имеет прямой или полуприлегающий силуэт (в женском варианте); правая полочка запахивается на левую; рукава втачные, выполнялись из ткани. Низ женской шубы, низ рукавов и борт правой полочки (у женщин) декорировались в виде широкой полосы, чаще из горностаевых хвостами. Характеристика технологии изготовления мехового полотна из мелких шкурок-камусов дана О.М. Рындиной [8, с. 401]. Таким образом, по конструкции и фактуре шуба была двухслойная, где комбинировались между собой меховой и текстильный материалы.

Сущность технологии сборного меха состоит в природосообразности, экологичности, экономичности и безотходности производства. Пошивочным материалом служили, шкурки с лапок мелких пушных зверьков, беличьих хвостики, соболиные ушки, утиные головки. Пошивочный материал сначала фиксировался

ручными стежками на кожаные ремни или плотную ткань, затем полученные блоки соединялись между собой по вертикали в богатое цветовыми оттенками меховое полотно, выполненное на прокладке. Пошивочным материалом могли служить и шкурки одного вида животного: зайца, белки и др. Из сборного меха у селькупов изготавливались также рукавицы и женские шапки.

Селькупки-информанты обских поселков утверждают, что описанный вид меховой одежды является праздничным. Ими отмечена такая декоративная деталь, как закрепление на данном виде одежды в области спинки на уровне лопаток беличьих хвостов. Исходя из сообщений информантов, последняя шуба из сборного меха была изготовлена из беличьих лапок в середине XIX в. охотницей Соиспаевой Маримьяной Власовной. Особым украшением меховой одежды была накидка на плечи в виде шарфа-боа, выполненная из колонковых или беличьих хвостиков. К рукавам зимней одежды привязывались варежки – *исподки* вязанные на одной игле. Бытовали также верхние варежки – *мох-нашки*, изготовленные из собачьего меха.

Повседневная одежда, вспоминают информанты, выполнялась из ровдуги, телячьих шкур, а также из налимьей кожи. Из последней шили штаны, праздничные рубахи, платья, рукавицы. Информанты описали изготовление головного убора в виде кепки из налимьей кожи, украшенной на затылке шкурками из гагачьих головок.

С конца XIX в. практически вся повседневная одежда селькупов была русского типа и выполнялась из текстильных материалов: шерстяного сукна, х/б тканей. В 1920-е гг. встречался зипун из фабричной ткани, рукава и борт правой полочки декорировался

мехом или контрастной тканью. Зипун подпоясывался опояской, к которому подвешивались самые необходимые предметы: нож в ножнах и кожаная сумочка для огнива. Она часто расшивалась бисером [11, с. 164].

Специфику женской одежды позднее составили платье или юбка с кофтой. Платье изготавливалось с разрезом по переду до низа и широким отложным воротником. Разрез, воротник и ластовицы изделия обрабатывались контрастной тканью. Аналогичные декоративные детали имелись и на мужской рубахе. Несколько особняком стоят сведения об орнаментальной отделке женских платьев – *тенир*. Эти платья имели застежки, доходящие до низа изделия, горловина обрабатывалась втачным воротником, а по линии талии выполнялась сборка. Нижний срез изделия, нижние срезы рукавов, воротник декорировались «рисунком» или разноцветными узкими лентами мануфактуры [3. с. 6].

Селькупки-информанты обских поселков утверждают, что ношение одежды русского типа различалось только в некоторых деталях. Нарымские селькупки, как и русские женщины, носили «парочки» – кофта из ситца, сатина, реже шелка, и юбка «татьянкой». Наряду с этим, селькупки надевали сразу несколько юбок поверх штанов, которые называются *шкеры*. Штаны изготавливались из сатиновой ткани черного цвета, были широкими и вокруг щиколотки завязывались на шнурки. Информанты утверждают, что до появления в быту юбки и кофты селькупки носили платье под названием *ка-порг*. *Ка-порг* согласно описанию исследователя Н.Ф. Прытковой – это летняя женская одежда в виде кафтана. «Матерчатый кафтан с прямым разрезом, со сходящимися полами, спинку кафтана кроили в узкую талию, бока делали отрезные,

собранные у пояса в сборки. Нарымские селькупы украшали свои кафтаны аппликацией из цветных тканей (на обшлагах); к правой доле (на груди) пришивали овальный кусочек сукна с нашитыми на него медными и фарфоровыми пуговицами» [б. с. 229]. Мужская рубаха селькупов является результатом заимствования мужской рубахи русского образца и ее конструктивных особенностей. Однако в конструкцию спинки рубахи были включены три широкие односторонние складки, которыми по традиции селькупы декорировали плечевую одежду из меха, об этом было сказано выше. Кроме этого по переду рубахи обрабатывалась застежка, доходящая до уровня груди, которая застегивалась на семь пуговиц. По утверждениям информантов число семь является для селькупов очень важным числом оно связано с мировоззренческими представлениями народа. Наряду с домоткаными и фабричными тканями использовались грубые суровые полотна в виде мешковины, которые подвергались следующим отделочным операциям: отбеливанию (полотно кипятили в щелочном растворе, для этого использовалась зола); крашению (в качестве красителя использовали кору тальника). В результате крашения суровое полотно окрашивалось в коричневый цвет. Обязательной частью мужской повседневной одежды являлся широкий кожаный пояс *ко*, описание которого уже есть выше. Однако небольшим дополнением является то, что пояс был расшит металлическими пуговицами, а сумочка для огня декорировалась вышивкой. Эту сумочку должна была украсить вышивкой жена. Тем самым мужу обеспечивалась защита, покровительство духов и удача. Женский пояс *су* остался в памяти информантов как праздничный элемент женского костюма. Его изготавливали из

красного сукна, богато орнаментировали, украшали множеством разноцветных лент, шнурков, металлическими подвесками, кожаными и меховыми кусочками.

Материалом для традиционной обуви нарымских селькупов – чирков служила оленья безворсовая шкура. Имеется упоминание о декорировании чирков бисером и сухожилиями [8. с. 402]. Согласно высказыванию информантов, данный тип обуви еще в быту в некоторых отдаленных уголках района. Чирки – короткая обувь до щиколотки их изготавливают из ровдуги оленя, телячьей кожи. Верх чирков украшается меховой опушкой или мозаикой из ткани. Селькупские женщины для тепла в обувь надевали длинные чулки, связанные из шерстяных ниток на одной игле. Их вязали начиная с «дна», от носка вверх в форме усечённого конуса без пятки [1, с. 8]. Детали одежды, головных уборов и обуви соединялись сухожильными или крапивными нитками при помощи костяной иглы. Для соединения деталей применялся «выворотный» шов, конструкция и параметры которого мало изучены, да и информанты затруднялись описать технику выполнения данного шва.

Информанты-селькупки утверждают, что неотъемлемой частью костюма нарымских селькупов является платок желательно не пестрой окраски. Платок носили круглый год и мужчины и женщины, но способ ношения платка мужчиной и женщиной отличался. Мужчины надевали его как косынку, а женщины применяли три способа завязывания платка, при этом способ ношения платка женщинами отличался от русского. Платок сворачивали жгутом или просто накидывали его на голову, закрывая одним углом лицо, двумя другими углами накрывали плечи, а четвертый

угол располагался на спине. Третий способ завязывания платка является самым сложными. Его техника заключается в следующем: два противоположных угла поднимались от шеи вверх и завязывались узлом на лбу; затем свободные концы закидывались наверх так, чтобы спрятать узел, расправлялись на лбу и завязывались сзади как косынка.

Роль специализированных украшений в женском костюме играли медные, оловянные и даже берестяные кольца, которые носили несколько штук, а также стеклянные бусы и серьги. На праздник селькупка надевала на каждый палец по колечку, а на голову мужчины и женщины надевали берестяной ободок. Ободок богато украшался орнаментом, расшивался кусочками меха, по краю обода прикреплялись монетки, бусы, бисер, нанизанные на сухожильную нитку. Уши селькупки не прокалывали, а нити с нанизанными на них бусами или ягодами перекидывали через ухо. Волосы мужчины и женщины не стригли, так как волосы олицетворяли богатство и достоинство. Длинную косу обвивали цветным шнуром в виде жгута с медными подвесками. Девушки в эту косоплетку вплетали бубенцы, колокольчики, цветные ленты. Если коса была недостаточно длинная, то в нее вплетался конский волос.

Таким образом, традиционный костюм с его художественными технологиями тесно связан с бытовым укладом и мировоззрением селькупского народа. Он сформировался из кочевого образа жизни с его обычаями и обрядами. Условия жизни, род занятий обеспечили непосредственную близость селькупов к природе, а сами природные условия повлияли на формирование и развитие традиционной культуры в целом и традиционного костюма

в частности. У селькупов по конструкции одежда была распашной, выполнялась из оленьего, заячьего и собачьего меха. Кырняжка (парка) не дифференцировалась на мужскую и женскую, была цельнокроенной со сходящимися полочками. На спинке кырняжки были расположены три односторонние складки. Другой вид зимней верхней одежды с подкладкой из сборного меха и прокрытой тканью, по назначению – праздничной, так же была распашной. По покрою женская и мужская одежда совпадала, за исключением направления запаха одной полы на другую и длины изделия. Наряду с этим, существовала одежда из меха в виде «безрукавки» т.н. жилета. По конструкции жилеты двухслойные, изготовленные из меха. Неотъемлемой частью костюма нарымских селькупов является платок не пестрой окраски. Способ ношения платка у женщин и мужчин отличался. Женщины использовали три способа завязывания платка. У мужчин имелся головной убор из меха в виде кепки, для изготовления которой использовался традиционный материал – птичьей шкурки. Для одежды, головных уборов, обуви, поясов применялся разнофактурный материал: олений, собачий, заячий мех, сборный мех различных пушных зверьков и птиц, рыба кожа, текстильные материалы.

В пошиве одежды использовался принцип комбинирования, например сборный мех, а также при изготовлении верхней плечевой одежды из разных по происхождению материалов: меха и текстиля. Праздничная верхняя одежда украшалась по конструктивным линиям. Такой же способ отделки характерен для плечевой одежды, выполненной из нового материала, такого как ткань. Традиции декоративного оформления меховой одежды в области спинки тремя мягкими складками и оформления конструктивных

линий контрастным мехом, впоследствии были перенесены на обработку нового материала – ткань, обогатив ее новыми техническими приемами. Среди текстильных материалов встречаются домотканые и мануфактурные ткани (сукно). Наряду с ткаными материалами используются вязаные изделия на одной игле в виде рукавиц, носков и чулок.

Традиционный костюм южных селькупов дополняли различные аксессуары: пояса, накосные, съемные украшения и др. С конца XIX в. селькупы для пошива верхней одежды, обуви, платья-*капорг* применяли покупной материал – ткань, где еще использовались традиции кроя одежды из меха и кожи. Платье под названием *ка-порг* селькупки носили до появления в быту юбки и кофты. Наряду с этим, платья, рубахи кроили и по русскому типу, а с середины XX века южные селькупы, в основном, перешли на унифицированную одежду, выпускаемую промышленным способом.

Список литературы

1. Бодрова, А.Ш. Техника плетения на одной игле // Археология и этнография Приобья. Вып. 3. – Томск: Издательство ТГПУ, 2009. С. 6-13.
2. Василевич, ГМ. Тунгусский кафтан // СМАЭ М. – Л., 1958. Т. 18. С. 122-178.
3. За полное обслуживание национальных и промысловых нужд туземцев // Охотник и рыбак Сибири, 1932. № 5-6. С. 6-7.
4. Кастрен, М.А. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири // Собрание старых и новых

- путешествий. Магазин землеведения и путешествий. Географический сборник Николая Фролова. – Москва: 1860. Т. 6. Ч. 2. 495 с.
5. Пелих, Г.И. Происхождение селькупов. – Томск: Изд-во ТГУ, 1972. 424 с.
 6. Прыткова, Н.Ф. Верхняя одежда // Историко-этнографический атлас Сибири. – М.-Л.: АН СССР, 1961. 498 с.
 7. Прыткова, Н.Ф. Одежда народов самодийской группы как исторический источник // Одежда народов Сибири. – СМАЭ. Наука, Ленинградское отделение, 1970. С. 3-100.
 8. Рындина, О.М. Орнамент // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 3. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. 640 с.
 9. Селькупы: Очерки традиционной культуры и селькупского языка: монография / Н.А. Тучкова, С.В. Глушков, Е.Ю. Кошелева, А.В. Головнёв, А.В. Байдак, Н.П. Максимова; НИ Томский политехнический университет. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2012. 318 с.
 10. Тучкова, Н.А. Верхняя плечевая одежда южных селькупов: разновидность и номинация // Материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 85-88.
 11. Шатилов, Б.М. Остяко-самоеды и тунгусы Принарымского края // Труды Томского краеведческого музея. – Томск. 1927. Т. 1. С. 139-167.
- Информанты:* Тузакова В.П. (Тайзак), 1941 г.р. с. Ласкино Парабельского района Томской области; Коробейникова И.А., 1951 г.р., с. Парабель, Парабельского района Томской области.

ОБРАЗЫ СТАРОСТИ

Бухалова Н.А.

*Нижегородский государственный инженерно-экономический
университет, г. Княгинино, Россия*

IMAGES OF AN OLD AGE

Bukhalova N.A.

*Nizhniy Novgorod state engineering-economic university,
Knyaginino, Russia*

Представлен анализ образов старости в западной философии и социологии. Демографическое постарение населения актуализировало исследования социальной компоненты проблем старения. Рассматриваются вопросы социально-философского осмысления роли и места пожилого человека в обществе, отношения общества к старшему поколению, геронтологические стереотипы, доминирующие в современном российском обществе.

Ключевые слова: *старость; поздний возраст; пожилые люди; третий возраст; мировоззрение; мудрость; жизненный опыт; эйджизм; эксклюзия; геронтологические стереотипы; возрастающая дифференциация; возрастная периферия.*

The analysis of images of an old age in the western philosophy and sociology is presented. Demographic ageing of the

population satirized researches social components of problems of ageing. It is considered questions of socially-philosophical judgement of a role and seats of the elderly person in a society, attitudes of a society to the senior generation, the gerontological stereotypes dominating over a modern Russian society.

Keywords: *old age; recent age; older people; the third age; outlook; wisdom; life experience; ageism; exclusion; gerontological stereotypes; increasing differentiation; age periphery.*

Постарение населения усиливает важность осмысления возрастной дифференциации социума и предполагает изменение жизненного курса в стареющем обществе через повышение социального статуса старшего поколения, создание условий для реализации потенциала. Периодизация бытия человека зависит от его социальной активности и творческой энергии, от духовного потенциала, который имеется у каждого индивидуума. До сих пор нет четких общепризнанных критериев градации человеческого бытия. Наиболее объективными являются возрастные критерии. Однако сложность и многогранность феномена старения вызывают затруднения в определении возрастных границ наступления пожилого возраста и старости. Пифагор, например, делил жизнь человека на четыре периода, каждый из которых равняется двадцати годам:

Период становления (до 20-ти лет).

Молодость (20 – 40 лет).

Расцвет сил (40 – 60 лет).

Старость (60 – 80 лет) [1, с. 39].

В данной работе речь пойдет о последнем этапе человеческой жизни, так как в последние десятилетия происходит увеличение доли пожилых людей в составе населения многих стран по всему миру. Пожилые люди становятся значимой социальной группой в политической, экономической, социальной сферах общественной жизни. Не обошел стороной этот процесс и Россию: в установленных границах трудоспособного и пенсионного возраста демографическая нагрузка трудоспособного населения пожилыми увеличилась с 335 в 2002 году до 360 в 2010 году. Согласно среднему варианту демографического прогноза к 2030 году этот показатель увеличится до 523 лиц пенсионного возраста на 1000 человек трудоспособного возраста [15].

Процесс старения населения сегодня не имеет аналогов в истории человечества. Увеличение пропорции пожилых людей (60 лет и старше) сопровождается снижением пропорции детей (в возрасте до 15 лет). Старение населения вносит радикальные изменения в демографическую и социальную структуры общества, в системы производства, распределения, потребления, в культуру. Фактор старения населения оказывает влияние на положение всех без исключения социальных групп и слоев.

Согласно прогнозам демографов и социологов ожидается, что к 2050 году доля лиц пожилого возраста в составе населения планеты возрастёт с 8 до 21% [6, с. 10]. Другая группа исследователей предполагает, что численность населения в возрасте 60 лет и старше во всём мире возрастёт в 2 с лишним раза – с 10 до 22% в период между 2000 и 2050 годами и будет равняться численности детей в возрасте до 14 лет [3, с. 3]. Пропорция пожилых людей продолжала расти в течение всего двадцатого столетия, и

эта тенденция, как ожидается, продолжится и в двадцать первом веке. В связи с этим актуализируется социально-философское осмысление процессов старения российского общества, выявление закономерностей и последствий старения, как для индивида, так и для общества в целом.

Прежде чем говорить о пожилых людях, необходимо определить, кого мы относим к этой группе. Однако мы сразу сталкиваемся с определенными проблемами. В определении возрастных границ нет единства мнений, ведь пожилые представляют собой не гомогенную субстанцию, и в группе пожилых людей можно выделить самые разные подгруппы, поскольку возможности 70-летнего и 90-летнего человека неодинаковы. В последние десятилетия предлагались различные варианты возрастной классификации для позднего периода жизни людей.

Формально установление возраста старости было осуществлено Международным семинаром Всемирной Организации Здравоохранения, который в 1963 году принимает условную классификацию позднего возраста, включающую четыре хронологических периода: средний возраст (45 – 59 лет), пожилой (60 – 74 года), старческий (от 75 лет), возраст долгожителей (от 90 лет и старше) [14, с. 381]. Хотя без учета биологического и социального возраста один только хронологический возраст дает весьма формальные рамки существования пожилого человека. Необходимо учитывать состояние здоровья, уровень социальной активности, плотность социальных связей каждого конкретного индивида,

По данным Отдела народонаселения и Статистического бюро ООН и национальных статистических органов средняя продол-

жительность жизни в Европе (1997 г.) для мужчин составляла – 71 год, для женщин – 79 лет, в мире соответственно 64 и 68, в России – 58 и 72 [17].

Анализ научной литературы показал, что на сегодняшний день в зарубежной науке отсутствует единая градация позднего возраста. В 1905 году американский медик В. Аслер утверждал, что с 60 лет старики становятся в тягость себе и обществу [14, с. 381]. Период поздней зрелости или поздней зрелости, по мнению Г. Крайг, начинается после 60 лет [11, с. 826]. Д.Б. Бромлей выделяет период старости, в который попадают люди от 55 до 70 лет, с 70 лет наблюдается период дряхлости [13, с. 436]. Э. Эриксон характеризует данный период как позднюю зрелость. Среди отечественных демографов социологов и психологов наблюдается подобная картина.

Осмысленная проблема градации пожилого возраста, следует учитывать и динамику продолжительности жизни. В XVII-XVIII вв. пятидесятилетний человек считался уже старым. Более того, сегодня ученые разделяют биологический, календарный и социальный возраст. М. Кастельс говорит о необходимости вводить различия между несколькими возрастными группами, чья действительная дифференциация будет в значительной степени зависеть от их социального, культурного и коммуникационного капитала, накопленного на протяжении их жизни. В зависимости от каждой из данных переменных социальные атрибуты этих разных старостей будут существенно отличаться, разрывая связь между социальным состоянием и биологической фазой, лежащей в основании жизненного цикла [7, с. 418-419].

Исследователи, специализирующиеся на изучении проблем старшего поколения выделяют различные специфические критерии для классификации пожилых людей. Например, О. Краснова выделяет не только возрастные подгруппы – от «молодых пожилых» (60–70 лет) до самых старых (90 или даже 100 лет), но и гендерные – пожилые мужчины и пожилые женщины, причем у тех и у других старение проходит по-разному [12].

В.Д. Альперович полагает, что для России приемлема следующая градация: пожилые люди (60 – 69 лет), старые (70 – 84 года), долгожители (85 лет и старше) [2, с. 7-8].

М. Кастельс отмечает, что «третий возраст» внезапно расширился, образуя младшие и старшие группы, что существенным образом переопределяет жизненный цикл в трех аспектах: уход с рынка труда перестает служить определяющим критерием, так как у существенной части населения после этого события может пройти около трети их жизни. «Третий возраст» проводит фундаментальные различия между пожилыми людьми на основании их уровня недееспособности, не всегда коррелирующего с возрастом [7, с. 414-415].

По мнению И.С. Кона, ни один возраст не описывается так противоречиво, как старость. Одни рассуждают о счастливой старости, пожинаящей плоды своих трудов. Другие говорят, что лучше умереть молодым, не испытав старческих немощей и унижительного чувства, что пережил самого себя [9, с. 27]. Наиболее распространенным является соотнесение пожилого возраста с прекращением трудовой деятельности и выходом на пенсию. Таким образом, часто пожилыми людьми называют тех, кто до-

стиг пенсионного возраста. То есть в России под это определение попадают женщины старше 55 лет и мужчины старше 60 лет.

Отношение к старшему поколению исторически детерминировано. Проблемы старости волновали еще древнегреческих философов. Отношение к старости всегда было двойственным, с одной стороны этот жизненный этап можно воспринимать как итог существования, с другой – как увядание, деградацию. Аристотелю старость представлялась мрачным периодом, поскольку большая часть жизни уже прожита. Пожилой человек ориентирован на прошлое, на воспоминания. Цицерон, напротив, полагал, что старость есть синоним мудрости, когда чувства перестают владеть человеком, накоплен огромный жизненный опыт [19, с. 10]. М. Лютер, один из лидеров протестантизма, назвал старость живой могилкой, что было в духе времени и разделялось его современниками. Несмотря на существование этих безрадостных аспектов, есть и другой образ – достоинства старости – мудрость старцев. Образы «мудрого старца» и «мудрой пожилой женщины» весьма популярны. В.В. Колесов отмечает, что слово «старый» означало старший в роде, тот, который в случае необходимости становится первым [8, с. 89].

Анализируя феномен старения М.Э. Елютина приходит к выводу, что в древности само понятие «старый» наделялось значениями «сильный», «значительный», «независимый». Понятие «молодой» напротив характеризовалось такими категориями как «слабый», «беззащитный», «зависимый» [5, с. 35]. Уважение, преклонение перед старостью лежало в основе социального устройства патриархального общества. Поздний возраст имел ряд достоинств и гарантировал привилегированное социальное поло-

жение. Первое достоинство старости, по мнению В.К. Смолиной, мудрость. Мудрость стариков связывают с богатым жизненным опытом. Пожилые владеют сокровищницей профессиональных и личных переживаний. Да и сами они любят напоминать о своем житейском опыте. Вторым достоинством старости принято полагать, что пожилые люди более сознательно смотрят на мир с высоты своего возраста. Однако чтобы быть полезными обществу – необходимо держать руку на пульсе современности. [18, с. 32-35]. Старшее поколение выступало непререкаемым авторитетом в различных сферах жизни. Подтверждение этой идеи находим у А. Шопенгауэра, который писал, что «нет лучшего утешения в старости, чем сознание того, что удалось всю силу молодости воплотить в творения, которые не стареют» [20, с. 14] .

Мировоззрение человека в позднем возрасте трансформируется. Для пожилых людей характерен рост рефлексии. Формируется особое отношение к бытию, не сводимое к обычному жизнелюбию, позитивизму. Именно в этот период жизни, по мнению Ф. Ницше, когда вся душа человека исписана опытом «он не будет презирать и ненавидеть бытие, но не будет и любить его, а будет возвышаться над ним, созерцая его то с радостью, то с печалью и, подобно самой природе, переживая то летнее, то осеннее настроение» [16, с. 391-392]. Факт возрастающей ценности жизни находит подтверждение в социологическом этюде Э. Дюркгейма «Самоубийство», где автор утверждает, что дряхлый старик доживет своим существованием больше, нежели взрослый человек [4, с. 189.] Л. Карстен пишет, что в юности время кажется безбрежным и люди приобретают знания. Информация при этом собирается беспорядочно. Будущее представляется бесконечным

и непредсказуемым. Кажется, что даже ненужные знания когда-нибудь могут оказаться полезными. В противоположность этому, когда время уже не кажется бесконечным, что обычно случается в зрелом возрасте, люди фокусируются на эмоциональном удовлетворении. Они инвестируют энергию в реальные вещи, глубокие отношения и истинные удовольствия.

Артур Шопенгауэр формулирует аксиологические критерии оценки возраста. Философ отрицает само существование возрастной периферии, так как каждый возраст входит в ядро жизни, имеет свои прагматические ценности, своеобразную комбинацию отрицательных и положительных моментов. Шопенгауэр концентрирует внимание именно на позитивных характеристиках старости: в старости люди более умело оберегают себя от несчастий, способны наслаждаться настоящим, находя радость даже в мелочах, благодаря жизненному опыту человек научается смотреть просто на вещи и принимать их за то, что они есть на самом деле, освобождается из-под власти ложных представлений, экономно обращается со временем, познания становятся основательно продуманными и находятся в строгой взаимосвязи, старый человек уравновешен, рассудителен, проницателен, освобожден от треволений юности [20, с. 203-230]. Подтверждением может служить биография Микеланджело, приступившего к работе над знаменитым «Страшным судом» в Сикстинской капелле в возрасте 61 года. Он использовал помощников только для приготовления краски и нанесения подготовительного слоя штукатурки. На роспись гигантской фрески размером 17 на 13 метров у него ушло пять лет.

Сегодня старость становится длительным периодом жизни человека и все меньше подходит под определение конца жизни, заката. В современных условиях старость из априорной данности превращается в нечто активно творимое, доступное конструктивному вмешательству. Во время исследования психологии взросления в Гарвардском университете один из испытуемых написал, что становится счастливее, становясь старше. «Люди привыкли думать, что юность превосходна, а зрелость ужасна. В действительности у меня ушло 60 лет на то, чтобы научиться жить, хорошо делать свою работу и успешно бороться с собственными недостатками. Моя юность была тяжелой. Больные родители, война, бедность, профессиональные провалы, неудачный брак, самокопание, попойки и много ошибок. Теперь я знаю, что делаю, я заслужил признание, я финансово независим, у меня прекрасная жена. И я понимаю, что, если я чего-то не могу добиться, я способен это пережить».

Хотя увеличение продолжительности жизни трактуется как несомненное благо, процесс старения общества приносит и много «побочных» эффектов. Общество, ограниченное в ресурсах, экономит на всем и, в первую очередь, на наименее слабых, социально уязвимых группах населения, к которым относятся пожилые люди. В связи с этим, меняются геронтологические и социальные стереотипы старости.

Люди одного поколения, как правило, живут в одно историческое время. Сегодня, по мнению С.А. Кравченко, мы сталкиваемся с эффектом временного дисхроноза: в одном обществе сосуществуют люди, фактически живущие в разных темпомирах [10, с. 24-42]. Пожилой человек уже не является носителем зна-

ний, умений, а иногда вообще воспринимается как бесполезный, мешающий, потому что не может обращаться, например, с современной техникой. Молодые люди пренебрегают опытом старшего поколения, считают его безнадежно устаревшим. Двадцатилетнему человеку трудно представить себя стариком, когда начнут появляться хронические болезни, угрожающие его жизни, понять чувства и жизненные приоритеты пожилого.

Трудно не согласиться с С.А. Кравченко и в том, что одним из аспектов трансформации российского общества является риск производства новых маргинальных групп. Речь идет о людях, которые в силу своих физических и интеллектуальных способностей не смогут вообще адаптироваться к скорости модернизации, к усложняющейся социокультурной динамике, потенциально предрасположенных к образованию групп безработных, и особенно о тех людях, кто не может освоить технологические инновации. [10, с. 24-42]. Вещи не могут состариться сами, их старит модернизация. Статичные общества медленных изменений наделяют авторитетом старость, опыт, традицию, прошлое, в обществах динамичных престижность – это атрибут молодости. Поэтому маргинальной группой рискуют стать старики. В позднем возрасте с трудом вырабатывают новый динамический стереотип, ломка привычного образа жизни болезненна для пожилых. Пожилые люди представляют собой обособленную, непродуктивную группу, неспособную больше приносить пользу обществу. Следовательно, социум в ней не нуждается. Учитывая темпы модернизации, эта разобщенность между поколениями, а значит и эксклюзия старшего поколения не только сохранится, но и значительно возрастет.

Старость – важная составляющая бытия любого человека. Это время не только переосмысления прожитой жизни и достигнутых успехов, но и время глобальных перемен, разно рода утрат. Снижается социальный статус пожилого человека. Важен фактор социальной изоляции пожилых людей – часть из них живут как биологические существа, но для них наступила социальная смерть – они выпали из общества. Такова мрачная, но не сильно драматизированная картина положения пожилого человека в современном мире и в России.

Индивид воспринимает себя таким, каким его видят другие, стремится в своем поведении соответствовать уже существующим образцам. Старость же связывается с эксплуатацией, виктимизацией и стигматизацией пожилых людей, в современных обществах процветает эйджизм. Снижается социальный статус пожилого человека в семье. Важен фактор социальной изоляции пожилых людей – часть из них живут как биологические существа, но для них наступила социальная смерть – они выпали из общества. В. Альперович пишет: «На какой бы ступени иерархической лестницы не находился старик, высокой или низкой, его постоянно преследует мрачный грифон, вонзая когти в самую душу. Имя этому чудовищу – «Ненужность» [1, с. 49-50]. Такова мрачная, но не сильно драматизированная картина положения пожилого человека в современном мире и в России.

Таким образом, можно говорить о диверсификации образа старости в сознании современного человека. Поздний возраст воспринимается как ретроспектива жизни, когда все уже «было», «пережито», «сделано». С другой стороны в качестве критерия оценки старости выдвигаются жизненный опыт, мудрость, багаж

знаний. Старость – это не просто очередной или последний этап в земной жизни человека. Это, прежде всего некий результат, итог прожитых лет. И все прекрасно знают, что этот результат бывает разным. Итогом прожитых лет может быть, в своих крайних проявлениях, – слабоумие или мудрость. Два образа старости: бессмысленный, может быть злобный, или мудрый, светлый, любящий.

Старость обозначает определенный этап индивидуальной жизни, равноценной другим жизненным этапам. Идея продуктивной и творческой жизни до глубокой старости зародилась еще в эпоху Возрождения. В трудах итальянского гуманиста Ф. Петрарки открывается тема ответственности пожилых людей за сохранность и целостность национальной культуры. Петрарка был убежден, пожилой человек должен жить продуктивной жизнью до глубокой старости. А утверждение, что в позднем возрасте следует оставить прежние занятия и думать о спасении своей души, есть ничто иное, как заблуждение.

В условиях продолжающейся дифференциации и поляризации современного российского обществе образы «старости», «старика», «пожилого человека» носят амбивалентный характер, проявляющийся в рассогласованности представлений и требований со стороны различных социальных институтов. Социальная дистанция между пожилыми людьми и представителями других возрастных групп, которая может быть определена как степень близости или отчуждения, имеет устойчивую тенденцию к увеличению. Наименьшая социальная дистанция по отношению к пожилым людям существует в семейно-бытовой сфере. Позиции близкого родственника или соседа, занимаемые пожилым

человеком, воспринимаются, скорее, положительно. Увеличение социальной дистанции обуславливает рост пространственной дистанции, что способствует разобществлению и дезинтеграции пожилых людей, ориентируя их на программу «доживания».

Список литературы

1. Альперович В.Д. Геронтология – старость: социокультурные аспекты. – М.: Изд-во ПРИОР, 1998. 576 с.
2. Альперович, В.Д. Старость. Социально-философский анализ – Ростов-на-Дону: издательство СКНЦ ВШ, 1998. 104 с.
3. Демографическая революция // Создание общества для людей всех возрастов. – Казань: КГУ, 1992. 12 с.
4. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд / Пер. с фр., под. ред. В.А. Базарова. – М.: Мысль, 1944. 399 с.
5. Елютина М.Э. Мир старости как форма социокультурного текста. Дисс-я на соиск. уч. степ. д.с.н. – Саратов, 1999. 251 с.
6. Здравомыслова О. Старшее поколение в современной России. Статистика, исследования, общественные организации – М., 1999. 80 с.
7. Кастельс, М. Информационная эпоха (экономика, общество и культура) – М.: ГУ ВШЭ, 2000. 458 с.
8. Колесов В.В. Мир человека в слове древней Руси / В.В. Колесов. – Л.: Ленингр. ун-т, 1986. 312 с.
9. Кон, И.С. В поисках себя: личность и ее самосознание. – М.: Политиздат, 1984. 335 с.
10. Кравченко С. А. Социальные реалии и социология: подходы // Россия реформирующаяся: Ежегодник 2010. Вып. 9. – М. 2010. 368 с.

11. Крайг Г. Психология развития. – СПб.: Питер, 2000. 992 с.
12. Краснова О. Порождение заблуждений: пожилые люди и старость // Отечественные записки. 2005. № 3 (24): Электронный ресурс: <http://www.strana-oz.ru/print.php>. Заголовок с экрана. Последнее обращение 28.02.15.
13. Кулагина И.Ю. Возрастная психология: полный жизненный цикл развития человека. – М.: ТЦ «Сфера» при участии «Юрант-М», 2001. 464 с.
14. Марютина Т.М. Введение в психофизиологию. – М.: Московский психолого-социальный ин-т. Флинта, 2001. 400 с.
15. На входе в пенсионный возраст // Демоскоп, 2015. № 627. 628 с.
16. Ницше Ф. Сочинения в 2-х томах. Т. 1. – М.: Мысль, 1990. 830 с.
17. Официальный сайт Организации Объединенных Наций: <http://www.un.org/russian/>
18. Смолина В.К. Размышляя о старости // Философия старости: геронтософия. Сборник материалов конференции. Серия «Symposium». Вып. 24. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 32-35.
19. Цицерон О старости. О дружбе. Об обязанностях. – М.: Наука, 1974. 247 с.
20. Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. – М.: Советский писатель, 1990. 232 с.

ХАРАКТЕРИСТИКА МОДНОЙ ИНДУСТРИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА 1950–70-Х ГОДОВ

Виниченко И.В.

*Омский государственный институт сервиса,
Омск, Россия*

THE FEATURES OF FASHION INDUSTRY IN SOVIET UNION 1950–70-S

Vinichenko I.V.

*Omsk State Institute of Service,
Omsk, Russia*

Статья посвящена рассмотрению и анализу проблем советской индустрии моды. Внимание сосредоточено на усовершенствовании системы качества и расширении ассортимента продукции предприятий лёгкой промышленности в ходе решения задач по повышению благосостояния советского народа. «Советская мода» – продукт планового хозяйствования. Анализ моды и структуры потребления позволяет установить тесную связь между политикой, экономикой и культурой в советском обществе 1950–70-х годов.

Ключевые слова: *советская мода; индустрия моды; швейная промышленность; ассортимент; модная одежда; система оценки качества; потребности населения.*

The article contains the review and analysis of problems in soviet fashion industry. The particular attention is paid to the development in quality system and diversification in light industry achieved as a result of measures taken to improve the soviet people's wellbeing. The «Soviet fashion» is product of the planned economy. The analysis of the fashion and structure of good's consumption allows to detect a close connection between politics, economics and culture of the Soviet society 1950–70-s.

Keywords: *Soviet fashion; fashion industry; apparel industry; assortment; fashionable clothes; quality assessment system; population needs.*

Современная Россия переживает сложный период своей истории, она стремится обрести новый образ жизни. Это касается и моды, которая занимает особое место в социальном пространстве. На сегодняшний день назрела настоятельная потребность в комплексном изучении советской моды, как многоуровневой системы, состоящей из определенного набора элементов, находящихся в зависимости между собой. Одним из элементов этой системы является индустрия моды. Проблема изучения процесса создания и модернизации предприятий модной индустрии в Советском Союзе в период от «оттепели» до «застоя» и анализа государственной политики по развитию лёгкой промышленности и сферы услуг в русле задачи повышения благосостояния советского народа не получила достаточно исчерпывающей проработки и обоснования.

Цель исследования – раскрыть специфику работы предприятий модной индустрии Советского Союза и особенностей вне-

дрения модных образцов в производство в период от «оттепели» до «застоя».

Исследование проводилось в рамках социальной истории. При этом рассматривался не только образ мышления отдельных личностей или групп, модели социального поведения, но и все изменения среды, структуры и процессы, задающие условия человеческой деятельности и определяющие всю организацию общественной жизни.

Каждая эпоха создаёт свой эстетический идеал человека, свои нормы красоты, выраженные через конструкцию костюма, его пропорции, детали, материалы, цвет, причёски, грим. Так возникает культурно-эстетический образец, который далее транслируется в общество. Большие и малые события в мире, стране оказывают влияние на моду. Под модой, как правило, понимается совокупность вкусов и взглядов, господствующих в определённой общественной среде в определённое, обычно недолгое время. Индустрия моды как термин включает процесс проектирования, производства и распространения модных изделий.

Приступая к анализу советской модной индустрии, мы исходили из того, что реализация долгосрочной стратегии, основы которой были заложены руководством страны после революции, превратила СССР ценой огромных потерь в индустриальную державу, помогла одержать ей победу во Второй мировой войне и укрепить своё геополитическое положение. Вместе с тем, осуществление этой стратегии привело к формированию таких приоритетов экономического развития и стереотипов экономического мышления, которые стали в дальнейшем сдерживать экономический рост СССР. Недостаток ресурсов коснулся, прежде всего,

отраслей, производящих потребительские товары, в том числе лёгкой промышленности и сферы услуг. Отставание в развитии потребительского сектора экономики с рубежа 1950–1960-х годов стало носить характер деформации, тормозившей экономическое развитие страны [4].

Развитие советской культуры рассматривается во взаимосвязи с политикой, экономикой, идеологией в рамках социальной истории культуры. Специфика советского строя делала эту связь особенно жёсткой. Поэтому формирование модного образа определялось не творческим самосознанием художников (хотя необходимо понимать, что творческое начало при создании любого произведения никто не отменял), а наличием идеологического заказа. Идеология проникала в культуру, а культура в свою очередь с помощью присущих ей профессиональных средств способствовала её распространению в обществе. При этом большое значение отводилось культурно-воспитательной роли моды.

Рассмотрение социальных процессов в советском обществе предполагает учёт положений о модернизации общества как осуществление перехода из одной социально-экономической и политической стадии развития к другой. В рассматриваемый период модернизация затронула все сферы жизни общества, очевидным было её влияние на советскую повседневность, в том числе костюм и моду.

Приступая к исследованию советской индустрии моды в период от «оттепели» до «застоя» необходимо рассмотреть особенности производства одежды для населения.

В послевоенный период перед индустрией моды ставилась задача простого насыщения рынка предметами народного по-

требления, не забывая о том что одежда для советских граждан должна быть адаптирована к условиям их жизни. Новый этап начинается после прихода к власти Н.С. Хрущёва. Повышение благосостояния народа было объявлено одной из центральных задач руководства страны.

Потребительский спрос начал ориентироваться не столько на объём, сколько на структуру предложения, повысились требования людей к качеству и ассортименту изделий. Изменились требования к продукции лёгкой промышленности. Индустрия моды должна при этом обеспечить удовлетворение потребностей советского народа в предметах народного потребления. При этом образцы советской моды должны были подтверждать их преимущество перед западными. Перед модной индустрией впервые ставятся вопросы качества и ассортимента продукции. Одновременно руководство страны стремится вписать производство модной одежды в систему планового хозяйства.

Пути реализации поставленной задачи включали организацию подъёма производства предметов потребления и повышению их качества, модернизации предприятий лёгкой промышленности. Руководством страны осуществлялась специализация швейного и текстильного производства, совершенствовались методы организации труда и система оценки качества выпускаемой продукции, велись научные разработки в области моделирования и конструирования одежды.

Результаты модернизации с одной стороны способствовали развитию системы массового производства, с другой, не всегда достигали намеченных целей. Мода не вписывалась в систе-

му планового хозяйствования. Не случайно в дискуссию о моде и стиле, организованную журналом «Декоративное искусство СССР» в 1963-1964 годах, включаются экономисты: «Мода стоит дорого. <...> Мода доставляет много хлопот промышленности» [1, с. 12].

Главный вопрос, который решали экономисты, касался материальных потребностей. С их точки зрения, мода выступала как негативный и чуждый социалистической экономике фактор, препятствующий плановому производству, распределению и потреблению одежды [1, с. 13]. Измеряя потребности населения, экономисты из Госплана рассчитывали рациональную норму потребления. В соответствии с их расчётами, все советские граждане должны были потреблять одинаковое количество одежды и обуви до её полного износа, то есть без влияния моды.

Художники-модельеры определяли основную функцию моды в воспитании вкуса у потребителей. При этом они считали, что для социалистической моды не были характерны сенсационность и экстравагантность, зато ей свойственны удобство и практичность, функциональность и гигиеничность.

Функцию популяризации моды возложили на торговлю. «Именно ей надлежит быть более всего осведомлённой о характере, сущности современной моды» [2, с. 53-54]. Работники торговли вели учёт движения товаров в магазинах. Но, заказывая товары, пользовавшиеся спросом в прошлом сезоне, представители торговли формировали культуру потребления, идущую в разрез с динамикой моды.

Текстильщики и швейники, отбирая модели для массового производства, предпочитали придерживаться хорошо освоенных

фабрикой моделей, чтобы избежать сбоев в выполнении плана и иметь возможность его перевыполнить.

В результате, в то время, когда все заботились о потребностях населения, приобрести модную одежду в магазинах было непросто: «Внешне кажется, что в магазинах изобилие, а на деле покупатели испытывают острую потребность во многих вещах, в том числе и тех, которые уже выпущены по плану, но лежат без движения из-за плохого качества, из-за устаревшей, не модной формы и расцветки» [3, с. 12].

Роль сферы обслуживания населения возрастает по мере развития общества. Для многих семей постоянной необходимостью были пошив и ремонт одежды и обуви. Отсутствие или ограниченный ассортимент этих товаров в магазинах вынуждали население искать пути реализации своих потребностей. В свою очередь сфера услуг тоже не могла в полной мере удовлетворить потребности населения. В 1950-е годы отчётливо проявилось слабое развитие сети государственных и кооперативных ателье, пошивочных мастерских и ремонтных пунктов, выразившееся в неудовлетворительной работе и завышенных ценах. Наличие у населения потребностей в данном виде услуг способствовало расширению «частного» сектора, быстро и сравнительно дёшево выполнявшего заказы.

Государство всячески поощряло пошив одежды в домашних условиях. Сопутствующая этому самообслуживанию регламентация выражалась в активном предложении выкроек, разработанных советскими конструкторами, в виде приложений к женским журналам и пособиям по кройке и шитью, активной продаже швейных машин.

Ретроспективное исследование функционирования лёгкой промышленности СССР показывает неблагоприятные тенденции в развитии отрасли: нарастание диспропорций, отсутствие динамики в ассортиментной структуре продукции и её качестве. Складывалась картина крайней неэффективности действовавшей системы ведения хозяйства и осуществлявшихся в рамках этой системы мероприятий по развитию промышленного производства изделий лёгкой промышленности.

В начале исследуемого периода перед предприятиями, выпускающими предметы народного потребления, ставилась задача увеличения выпуска продукции, в начале 1960-х годов она трансформируется в задачу удовлетворения потребности советских граждан в одежде и обуви, отвечающей требованиям качества изделий и соответствия тенденциям моды. При этом продукция предприятий модной индустрии должна была отвечать политическим и идеологическим требованиям руководства страны.

Большие проблемы возникли в процессе внедрения моды в производство. Руководством страны была заявлена программа реформ, направленная на улучшение материального благосостояния советских граждан. При решении проблемы неудовлетворённого спроса населения основные силы были сосредоточены на развитии крупного фабричного производства. Мелкосерийное и экспериментальное производство было признано «бесперспективным». Отбор моделей для внедрения в производство осуществляли художественные советы, состоящие преимущественно из представителей производителей и управленцев разных уровней. Предприятия стремились, прежде всего, выпускать ту продукцию, которая была выгодна для выполнения плана и слабо ори-

ентировались на многообразные запросы потребителей. Интересные, но сложные в изготовлении, в подборе материалов, отделки, фурнитуры модели отклонялись. В результате в магазины в большом количестве поступала продукция низкого качества, не пользовавшаяся спросом покупателей. Хотя партия и правительство постоянно пытались эффективно скоординировать действия различных звеньев производства и распределения одежды, ассортимент товаров в советских магазинах не удовлетворял спрос потребителей в течение всего изучаемого периода.

Низкое качество продукции было обусловлено общим материально-техническим состоянием отрасли. Промышленная политика строилась на приоритетах, которые сложились под влиянием большевистской доктрины. В конце 1960-х – начале 1970-х годов она уже не отвечала потребностям экономического развития страны, хотя и получила своеобразное обновление. Оно выразилось в том, что партийно-государственное руководство СССР в начале 1970-х годов заявило о намерениях ускоренно развивать промышленное производство группы «Б», включая сюда лёгкую промышленность, однако реально проводилась альтернативная политика. Доля капиталовложений, направляемых на развитие производства потребительских товаров, в том числе лёгкой промышленности ещё более уменьшилась. Недостаток инвестиций отрицательно сказался на развитии этой отрасли, которая остро нуждалась в модернизации. Кризисное состояние отрасли затягивалось из-за медленных темпов технического переоснащения. Оно велось не комплексно, что не позволяло эффективно использовать современное оборудование.

Вопросы качества швейных изделий решались за счёт разработки новых стандартов оценки стоимости обработки, введения новых стандартов и преискурантов, внедрения новой системы оценки качества продукции, специализации производства, модернизации текстильной промышленности, системы обучения и переподготовки кадров, введением различных механизмы материального и морального стимулирования. Эти действия на определённом этапе дали положительные результаты. Но, несмотря на расширение системы государственного контроля качества продукции, предприятия продолжали выпускать продукцию, качество которой не соответствовало, предъявляемым к ней требованиям.

Проявлением кризисного состояния отрасли, с которой столкнулась лёгкая промышленность, стала проблемы сбыта произведенных ею товаров. Партийно-государственное руководство СССР, исходя из приоритета директивного планирования, приняло в первой половине 1970-х годов ряд решений, прямо и косвенно направленных на сужение рамок экономических преобразований, обозначенных реформой 1965 года. В результате права предприятий, полученные ими в ходе реформы, были ограничены, усилилась их зависимость от министерств и ведомств. Для лёгкой промышленности это имело особенно негативные последствия. Они потеряли всякую возможность перестраивать производство в соответствии с конъюнктурой потребительского рынка. Попытки партийно-государственного руководства СССР предоставить предприятиям лёгкой промышленности такие возможности, не ослабляя, а укрепляя систему государственного централизованного планирования, в условиях сохранения и развития потреби-

тельского рынка свидетельствовали об отрыве государственной политики от реальной экономической ситуации [4].

На протяжении изучаемого периода увеличивалось общее число предприятий службы быта, неизменно рос объём бытовых услуг. Но наряду с новыми тенденциями в развитии предприятий службы быта изменения в их работе происходили медленно. Вопросы качества и культуры обслуживания остро стояли на повестке весь советский период существования отрасли. Интенсивное развитие предприятий, укрупнение и специализация, модернизация оборудования не смогли избавить население от очередей в ателье. В результате роста благосостояния, культурного уровня и потребностей трудящихся изменяется структура бытовых услуг, но количество заказов на пошив одежды увеличивается, что свидетельствует о неудовлетворённом спросе в модной одежде.

Таким образом, лёгкая промышленность в рассматриваемый период времени не смогла в полной мере выполнить поставленные перед ней задачи по удовлетворению потребности населения страны в красивой и модной одежде. Инертность системы массового пошива одежды препятствовала систематическому проникновению модной одежды на прилавки государственных магазинов. Продукция швейных фабрик отличалась консервативностью и пренебрегала динамикой моды. Следящие за модой советские потребители вынуждены были шить одежду на дому, у частных лиц или в ателье.

Предприятия индустрии моды не смогли насытить советские магазины качественной продукцией, так как огромное влияние на развитие кризиса эпохи «застоя», в том числе и лёгкой промышленности, оказала партийно-государственная политика, вырази-

вшаяся, в частности, в неудавшихся попытках реформировать сложившуюся за годы советской власти систему хозяйства. Негативные тенденции в развитии отрасли продолжали углубляться в 1970-е и 1980-е годы, сдерживая экономический рост отдельных регионов и страны в целом [4].

Список литературы

1. Браверман А. Мода глазами экономиста // Декоративное искусство СССР. 1963. № 10. С. 12-13.
2. Савельева Н.Т. Мода и массовый вкус. – М.: Лёгкая индустрия, 1966. 59 с.
3. Битехтин Б. Ассортимент или случайное скопление товаров? // Декоративное искусство СССР. 1964. № 8. С. 12-13.
4. Гаврилова Н.П. Развитие легкой промышленности Западной Сибири в 1971-1975 годах: (Опыт анализа государственной региональной политики): Автореф. канд. дисс. / Н.П. Гаврилова. – Кемерово. 2000. 26 с.

ИНФОРМАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ КАК ЭТАП ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СИСТЕМЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Гордеева Т.Н., Матафонова Ю.А.

Забайкальский государственный университет,

Чита, Россия

INFORMATION MODEL AS THE PHASE OF STUDY SOCIAL INTERACTION IN LOCAL GOVERNMENT SYSTEM

Gordeeva T.N., Matafonova Y.A.

Transbaikal State University,

Chita, Russia

В статье предлагается общая постановка задачи и обоснование терминологии для модели системы местного самоуправления: «местная власть – местное сообщество». Одним из эффективных подходов применения математического моделирования является «адаптация» уже разработанных моделей к новым задачам. Научная новизна исследования заключается в применении общей математической модели динамики распределения власти в государственных иерархических структурах, взаимодействующих с гражданским обществом, для местного уровня власти.

Ключевые слова: *местная власть; местное сообщество; взаимодействие; иерархия; полномочия; математическое моделирование; информационная модель.*

The article provides general formulation of the problem and proves terminology base for the local government system model: «local government – local community». «Adaptation» of developed models to new tasks is considered to be one of the effective mathematical modeling application approaches. The research novelty consists in application of mathematical model

for authority distribution dynamics in governmental hierarchy structures interacting with civil society to local authority level.

Keywords: *local government; local community; interaction; hierarchy; authority; mathematical modeling; information model.*

В условиях становления, развития и реформирования системы местного самоуправления научный интерес представляет построение и исследование моделей, описывающих ключевые взаимодействия в системе муниципального образования, как с позиций взаимодействия федеральной и местной власти, так и с позиций взаимодействия местной власти и местного сообщества [1, 4]. Задача междисциплинарная. Изучение социального взаимодействия прерогатива социологии, изучение структур власти – одна из главных для политологии.

Применение макромоделей «государственная власть – гражданское общество» [3, с. 180-201] позволяет анализировать некоторые довольно общие проблемы, связанные с существованием и развитием системы «местная власть – местное сообщество», например: изучение влияния на пространственно-временную динамику распределения местной власти изменений, происходящих:

- 1) в реакции местного сообщества;
- 2) в законодательстве;
- 3) во взаимоотношениях внутри иерархии.

Учитывая, что система местного самоуправления является сложноформализуемым объектом исследования и моделирования, нужно признать, что получить исчерпывающие ответы на

поставленные вопросы только математическими методами невозможно. Тем не менее, для достижения конкретных целей, нельзя упускать преимущества применения специального математического аппарата. Одним из эффективных подходов применения математического моделирования является «адаптация» уже разработанных моделей к новым задачам. Реализация данного подхода возможна благодаря свойству универсальности математических моделей, применимости в различных областях, независимо от конкретной специфики.

Для адекватного применения общей математической модели «власть – общество» в исследовании выделенных проблем местного самоуправления, как иерархической властной системы, необходима корректная постановка задачи и обоснование терминологии (этап формирования информационной модели).

Обладание властью на любом уровне может быть достаточно легко формализовано, если оно имеет официальное (легитимное, законодательно закреплённое) основание.

Механизм власти имеет сложную структуру. Источником и, соответственно, первичным субъектом власти является народ – граждане государства, которые осуществляют властные полномочия через государственные структуры и органы местного самоуправления. Для применения математической модели и анализа свойств структур власти достаточно принципиального решения задачи с использованием количественных критериев. Для адаптации общей математической модели динамики распределения власти, необходимо конкретизировать понимание словосочетания «местная власть».

Местная власть, как правило, противопоставляется государственной и трактуется как принадлежащая местному сообществу. Определение местной власти вызывает некоторые трудности. С точки зрения исторического подхода местной властью называют любые властные инстанции, действующие на периферии. Однако для современного федеративного государства такое определение не представляется корректным. В Российской Федерации сформирована трехзвенная структура управления, в соответствии с которой уровень периферии может быть рассмотрен в контексте «Центр – субъекты федерации», а уровень местной власти – в контексте отношений «субъект федерации – муниципалитет» [2]. Поэтому исследователи подразумевают под местной властью власть местного самоуправления. И органы государственной власти, и органы местного самоуправления – это организационные формы осуществления народовластия.

Федеральный закон 2003 г. определяет, что местное самоуправление в Российской Федерации является формой осуществления народом своей власти, обеспечивающей решение населением непосредственно и через органы местного самоуправления вопросов местного значения. Соответственно, местная власть может быть определена как свойство макросоциальной системы – реальная способность местного сообщества аккумулировать свои интересы и воздействовать на различные локальные процессы. Местная власть действует в строго ограниченном территориальном и нормативном пространстве в рамках специфических социальной и управленческой систем.

Местная власть обладает следующими характеристиками:

- является подзаконной, т.е. действует в рамках указанных ей верховной властью;

- имеет пространственно-территориальные пределы, носит локально-территориальный характер;
- организационно обособлена – реализуется через выборные органы местного самоуправления;
- формирует систему муниципального управления как особый вид управленческой деятельности;
- распределена между органами местного самоуправления.

Таким образом, местная власть – это особая организационно оформленная форма публичной власти, связанная с другими уровнями власти конституционными принципами, и оказывающая управленческое воздействие на общественные отношения местного сообщества.

Местная власть может быть определена как способность и возможность местного сообщества оказывать управленческое воздействие через деятельность органов местного самоуправления, которые составляют систему органов местной власти и входят в иерархию общегосударственной власти. В таком понимании можно говорить об иерархии, иерархической структуре, инстанциях местной власти.

Под иерархией (иерархической структурой) понимается упорядоченная по старшинству совокупность институтов, наделенных властными полномочиями от имени государства на основании Конституции, Федеральных законов, Уставов и т.п. В качестве таковых выступают представительные органы (Советы депутатов, Городские думы, Муниципальные Собрания), глава муниципального образования, местная администрация. Причем, в предлагаемой модели для системы местной власти, рассматри-

ваемой как иерархическая структура, положение любого элемента (инстанции) определяется конкретными координатами.

Словосочетание «местная власть» у многих ассоциируется с понятием «властные полномочия». Считается, что властные полномочия любой инстанции могут быть определены с помощью некоторого совокупного количественного критерия. Такой критерий может включать в себя:

- номинальное (формальное) положение инстанции в структуре;
- объем ресурсов различного вида, находящихся в ее распоряжении;
- размер и местоположение контролируемой территории;
- престижность в глазах общественного мнения и экспертов и т.д.

В указанном понимании местная власть означает возможный уровень, степень, силу влияния данного властного института на поведение других инстанций и на жизнь местного сообщества. Инстанции, имеющей большие властные полномочия, отводится, более высокое место (меньший номер) в иерархии по сравнению с инстанцией, имеющей меньшие полномочия. При этом достаточно принять за единицу властные полномочия высшей инстанции, тогда полномочия других будут выражаться в долях по отношению к высшему институту.

Деятельность органов местной власти строго обусловлена полномочиями органов местного самоуправления. Полномочия местной власти носят локально-территориальный характер, ограничены территорией муниципального образования. В России

властные полномочия местного сообщества возникают вследствие директивного наделения органов местного самоуправления совокупностью прав и обязанностей. При этом для осуществления задач моделирования, нужно выделить максимальные и минимальные полномочия. Максимальные полномочия – максимальные действия органа власти в некоторой ситуации. Для органов местного самоуправления, например, введение положения чрезвычайной ситуации на территории муниципального образования, но не на территории субъекта Федерации. Минимальные полномочия – текущие, повседневные, оперативные решения и действия. Следовательно, максимальные и минимальные полномочия определяют узаконенные верхние и нижние границы власти для каждой инстанции. Соответственно полномочия местной власти – это изначальная величина, нормативно заданная.

А деятельность органов местной власти – величина, характеризующая активность и потенциал местного сообщества по реализации полномочий – законодательно заданной нормы. В общей математической модели динамики распределения власти это названо уровнем властного влияния или величиной власти. Так как деятельность органов местной власти может приводить как к положительным, так и к отрицательным результатам, то в данной модели должна присутствовать ещё одна составляющая – эффект от деятельности местной власти, отражающий реакцию местного сообщества.

Под местным сообществом мы понимаем не только население, проживающее на территории муниципального образования, но и совокупность всех действующих на территории учреждений,

отражающих экономическую, социальную и общественно-политическую самоорганизацию населения по месту жительства.

Реакция местного сообщества – процесс, в ходе которого местное сообщество проявляет себя как субъект местной политики, то есть население муниципального образования или его часть выступает с инициативой и действует коллективно, реализует функцию социального контроля. Данный процесс можно рассматривать как «обратную связь», ответ местного сообщества на действия того или иного института местной власти. В системе местного самоуправления реакция местного сообщества может быть реализована при помощи выборов, референдумов, сходов; через СМИ, опросы общественного мнения; забастовки, митинги и т.д.

В рассматриваемой модели реакция местного сообщества описывается некоторой задаваемой функцией, которая зависит от вводимых величин: номера инстанции, времени, деятельности органов местной власти, максимальных и минимальных властных полномочий. Это дает возможность достаточно полно и точно отразить структурированное и меняющееся во времени отношение местного сообщества к местной власти, представленной как иерархическая структура.

Аналогично в модель вводится еще одно понятие – «реакция иерархии», которое характеризует поведение властной структуры и выражает стремление элементов иерархии повысить или понизить степень властного воздействия.

Безусловно, для реализации модели необходимо ввести некоторые ограничения: безусловное соблюдение законов, служебной дисциплины, передача власти в иерархии только от высшей инстанции к низшей.

Таким образом, общее описание взаимодействий в системе «местная власть – местное сообщество» можно представить в следующем виде:

- местное сообщество (непосредственно или через своих представителей) выступает как источник власти для иерархической структуры местной власти, взаимодействуя с ней различными способами и средствами в рамках существующего законодательства;
- система местной власти, рассматриваемая как иерархическая структура, является открытой системой;
- внутри иерархической структуры местной власти происходит перераспределение текущей власти между отдельными элементами в соответствии с принятыми механизмами;
- по отношению к местному сообществу властные структуры выполняют запретительные и разрешительные функции.

Изложенная выше постановка задачи, обоснование терминологии для модели системы местного самоуправления: «местная власть – местное сообщество» и описание взаимодействий в указанной системе объединяются в информационную модель, которая служит основанием для следующего этапа моделирования – формализации, применения математического инструментария.

Список литературы

1. Гордеева Т.Н. Моделирование процессов социальной диффузии в системе местного самоуправления // Современные ис-

- следования социальных проблем (электронный научный журнал), Modern Research of Social Problems, №8(40), 2014. DOI: 10.12731/2218-7405-2014-8-9.
2. Матафонова Ю.А. Управление федеративным государством: базовые институты федеративной системы // Власть. 2014. № 11. С. 133-136.
 3. Самарский А.А., Михайлов А.П. Математическое моделирование. Идеи. Методы. Примеры. – Москва: Физматлит, 2002. 320 с.
 4. Gordeeva T.N. Sign Model of Local Government Efficiency // World Applied Sciences Journal 25(1): 23-27, 2013. DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.25.01.1141.

МОЛОДАЯ СЕМЬЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ

Денисова Т.С.

*Дальневосточный государственный медицинский университет,
г. Хабаровск, Россия*

YOUNG FAMILY IN A MODERN RUSSIAN SOCIETY: STATE AND PROBLEMS

Denisova T.S.

*Far Eastern State Medical University,
Khabarovsk, Russia*

Изменения, произошедшие в общественной жизни, не смогли, не отразится на функционировании семьи как социального института и как малой социальной группы. Особое внимание заслуживает молодая семья.

В статье представлены результаты мониторингового исследования по проблемам молодых семей Хабаровского края. Проведен анализ причин и факторов, влияющих на развитие и функционирование молодых семей с учетом регионального компонента.

Ключевые слова: *молодая семья; социальная группа; социальный институт; социально-экономические проблемы; социально-психологические проблемы; репродуктивное здоровье; самоорганизация.*

Changes in public life, could not, would not affect the functioning of the family as a social institution and as a small social group. Special attention deserves the young family.

The article presents the results of the monitoring study on the problems of young families Khabarovsk Krai. The analysis of the causes and factors influencing the development and functioning of young families, taking into account the regional component.

Keywords: *a young family; social groups; social institutions; social and economic problems; psychological problems; reproductive health; self-organization.*

Двадцатилетнее реформирование многих областей общественной жизни привело, в определенной степени, к деформации функций некоторых социальных институтов.

Особое внимание ученых (педагогов, социологов, психологов) ориентировано на семью – как социальный институт, связывающий индивидов общностью быта и взаимной моральной ответственностью.

Роль семьи в жизни человека неоспорима. Семья выполняет ряд функций (генеративная (репродуктивная), психологическая (психотерапевтическая), социально-культурная, экономическая и хозяйственно-бытовая, коммуникативная, гедонистическая) тем самым определяя место и роль индивида в структуре малой социальной группы и стабилизируя общую структуру общества в качестве социального института. [10, с. 120]

Однако произошедшие изменения в общественной жизни не смогли, не отразится на функционировании семьи. Данное положение подкрепляется статистическими данными в области брачности и разводимости, уровне рождаемости, инвалидизации детей, заболеваемости молодежи и т.п.

В частности в 2013 году в Хабаровском крае было зарегистрировано 12977 браков, а разводов 8240. По сравнению с 2010 годом: браков – 13039, разводов 7649. Таким образом, наблюдается снижение количества зарегистрированных браков на фоне повышения количества разводов в крае. Относительно уровня рождаемости, естественный прирост в Хабаровском крае на 2013 год составил 804 человека. И хотя наблюдается повышение показателей в этой области, но по сравнению, например с 1990 годом, где естественный прирост составил 9491 человек, ощутимо мал. Инвалидизация детей в возрасте до 18 лет также имеет тенденции в развитии, в 2012 году зарегистрировано 718 человек, по сравнению с 2009 годом – 694 человека. Статистика в области заболе-

ваемости детей и подростков: 2012 год – 424446, по сравнению с 2008 годом – 390076 человек. Именно поэтому необходимость в дополнительном изучении состояния и проблем семьи Хабаровского края является актуальной задачей. [14]

Семья остается основным социальным институтом, в котором происходит социализация индивида. Особое внимание в данном вопросе заслуживает молодая семья. Так как молодая семья: во-первых, является семьей репродуктивного возраста. Оптимальный возраст для рождения здоровых детей составляет от 20 до 30 лет. Во-вторых, молодая семья выступает как ресурс развития социально-активного населения т.к именно молодежь имеет больше возможностей развивать свой социальный потенциал: интеллектуальный, духовно-нравственный, ценностно-мотивационный, демографический, творческий, трудовой, общественно-политический. [3, с. 13] В-третьих, молодая семья является наиболее чувствительной к переменам, происходящим в обществе. При всей специфике молодой семьи как малой социальной группы (нестабильность внутрисемейных отношений, освоение новых социальных ролей и др.) сам процесс становления семьи и выполнение ею социальных функций происходит при неоднозначном отношении общества к молодой семье как социальному институту.

Молодая семья – семья в первые три года после заключения брака (в случае рождения ребенка без ограничения продолжительности брака) в которой оба супруга не достигли 30-летнего возраста, а также семья, состоящая из одного из родителей в возрасте до 30 лет и несовершеннолетнего ребенка. [2]

По данным переписи населения, в Российской Федерации порядка 20 млн. человек образуют молодые семьи. 77,5% от общего числа детей рождаются у родителей моложе 30 лет. [13, с. 121]

Специфичность молодой семьи обусловлена наличием проблем ее развития и функционирования. На сегодняшний день можно выделить четыре основные особенности молодой семьи в России:

1. Объективно недостаточный уровень материальной и финансовой обеспеченности. По данным исследования проведенного в Хабаровском крае к группам малообеспеченной и бедной молодежи отнесено 56,4 % всей работающей молодежи, чей доход ниже среднедушевого. [4, с. 33]

При этом, в более худшем положении оказываются молодые люди в возрасте 24 лет, здесь доля респондентов, отметивших, что их доход меньше 8 тысяч рублей на человека, составила более 30%. По результатам исследований, чаще всего доход молодой семьи существенно ниже. [12, с. 138-142]

2. Объективно повышенная материальная и финансовая потребность в связи с необходимостью обустройства семейной жизни: приобретение жилья, организация быта. По данным 2011 г. число семей состоявших на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях составило 14654 семьи. Число семей получивших жилые помещения и улучшившие свои жилищные условия за этот же год составило 960 семей. Соответственно жилищная проблема на сегодняшний день остается достаточно актуальной.

3. Время, когда супруги вынуждены проходить определенные ступени социализации: получать образование, профессию, рабочее место. Около 3 тысяч браков в Хабаровском крае ежегодно заключаются молодыми людьми в возрасте от 18 до 24 лет. Данный возраст непосредственно приходится на период обучения и профессионального становления. Около 6 тысяч браков ежегодно

заключаются людьми в возрасте от 25 до 34 лет. На данный период приходится потребность в повышении образовательного, интеллектуального, профессионального уровней, поиск и переход на более высокооплачиваемую работу. [14]

4. Необходимая психологическая адаптация к семейной жизни. Первые год-два совместной жизни – это первая стадия жизненного цикла семьи, стадия формирования индивидуальных стереотипов общения, согласования систем ценностей и выработки общей мировоззренческой позиции. На этой стадии происходит взаимное приспособление супругов, поиск такого типа отношений, который удовлетворял бы обоим. При этом перед супругами стоят задачи формирования структуры семьи, распределения функций (ролей) между мужем и женой и выработки общих семейных ценностей. Однако социально-экономические трудности семьи: отсутствие собственного жилья, низкая заработная плата, необеспеченность детскими садами и яслями – отражается на психологическом самочувствии супругов, а, в конечном счете, на их взаимоотношениях. Конфликт, как правило, порождается не одной, а комплексом причин.

К основным причинам конфликтов в семье можно отнести:

- различного рода конфликты, взаимное недовольство, связанные с распределением супружеских ролей и обязанностей;
- конфликты, проблемы, недовольство супругов, связанные с различиями во взглядах на семейную жизнь и межличностные отношения;
- сексуальные проблемы, недовольство одного супруга другим в этой сфере, их взаимное неумение уладить сексуальные отношения;

- сложности и конфликты во взаимоотношениях супружеской пары с родителями одного или обоих супругов;
- отсутствие тепла в отношениях супругов, дефицит близости и доверительности, проблемы общения.

Все вышеперечисленные особенности молодых семей и в соответствии с ними возникающие проблемы ложатся в основу Концепции государственной политики в отношении молодой семьи. Согласно Концепции выделены два блока наиболее актуальных с точки зрения молодых семей проблем: социально-экономический и социально-психологический.

К социально-экономическому прежде всего относятся: жилищная проблема которая заключается в том, что приобрести жилье самостоятельно, с помощью родителей или предприятия может лишь незначительное меньшинство молодоженов; финансово-экономические проблемы испытывают почти все население, особенно сказываются на малоимущих, многодетных семьях, на семьях с детьми в том числе и молодых семьях. Помимо этого необходимо учитывать наличие у молодых семей малолетних детей, у которых особые потребности в еде и одежде, как правило, они нуждаются в особом подходе к обучению, воспитанию, укреплению здоровья. Нерешенность проблем молодых семей, слабая государственная поддержка зачастую приводят к семейным конфликтам, способствующим распаду семьи. 70 % всех разводов происходят впервые 5 лет совместной жизни. [9, с. 8]

Проблема занятости и безработицы, с одной стороны, и проблема женской занятости и двойной загруженности, с другой, также является актуальной проблемой на сегодняшний день. Об-

щеизвестно отрицательное воздействие безработицы на здоровье и социально-психическое самочувствие людей. В то же время статистические данные говорят о том, что достаточно большую часть безработных составляют люди в возрасте от 20 до 29 лет (39,9%), по сравнению с возрастной группой 30-39, где количество безработных представлено 21,7%. [14] Таким образом можно судить о том, что отсутствие либо поиск работы среди членов молодой семьи, двойная загруженность женщин, наличие малолетних детей в семье и необходимость одного из членов семьи находиться в отпуске по уходу за ребенком сказывается непосредственно и на материальном положении семьи, и на профессиональном самоопределении.

2. Социально-психологический

В настоящее время одной из самых больших проблем является нестабильность браков. Так в 2013 году в Хабаровском крае зарегистрировано разводов в возрастной группе от 18 до 24 лет – 298, а в возрастной группе от 25 до 39 лет – 2546. [14] При этом наиболее значимым фактором, удерживающим молодых супругов от развода, является ответственность за будущее своих детей, а второе место занимает беспокойство за свое будущее. Менее всего молодых людей беспокоит мнение окружающих. Социальный контроль в настоящее время практически не оказывает какого-либо влияния на семейные отношения и устойчивость молодой семьи.

На наш взгляд также целесообразно включить третий блок проблем молодой семьи: социально-медицинский.

Неподготовленность молодых семей к браку, недостаточное половое воспитание проявляется несформированностью культу-

ры интимных отношений, неосознанным отношением молодых людей к репродуктивному поведению.

Охрана здоровья семьи в репродуктивном возрасте играет большое значение, так как ее уровень определяет эффективность выполнения функции деторождения.

Состояние здоровья женщин, в том числе репродуктивного возраста, характеризуется следующими особенностями. В структуре заболеваемости преобладают заболевания органов дыхания (18-19%), системы кровообращения (19%), органов пищеварения (14-17%). [14]

За последние 3 года отмечается рост гинекологических заболеваний, не улучшается здоровье беременных женщин.

Проблемы репродуктивного здоровья молодой семьи являются достаточно актуальным вопросом на сегодняшний день в рамках демографической политики.

Молодые семьи не хотят иметь детей в силу нехватки денег или отсутствия своего жилья. Либо ограничиваются, лишь одним ребенком. Данное положение подкрепляется данными: суммарный коэффициент рождаемости в 2012 году в Хабаровском крае составил 1,695, что говорит об ориентации семей на рождение одного ребенка. [14] Следствием этого являются аборты, снижается репродуктивное здоровье женщин, нередко искусственный аборт является причиной бесплодия. Так по официальным данным в 2012 году в Хабаровском крае количество абортов составило 16123, из них 734 женщины прервали беременность в возрасте от 18 до 19 лет, 3887 в возрасте от 20 до 24 лет, 4420 в возрасте от 25 до 29 лет. [14]

Частота бесплодного брака в России, по данным разных авторов, колеблется от 10 % до 20 %, и количество случаев бесплодия постоянно увеличивается. Сейчас от него страдают более 10 млн. человек. По статистике каждая пятая семья в Хабаровском крае не может иметь детей. [6] Если учесть, что при частоте бесплодных браков от 15 % и выше возникает социально-демографическая проблема государственного масштаба, то становится понятным, почему в настоящее время бесплодие – серьезная проблема репродуктологии, при которой имеется сочетание социального, психического неблагополучия и практически всегда физического нездоровья в семье. [11]

В структуре мотивов расторжения браков на бесплодие приходится 8 %. Причем 70 % бесплодных браков распадается по инициативе мужчин. На втором-четвертом годах брака уровень разводов среди бездетных супругов был в 2,1-4,2 раза выше, чем среди имеющих детей. 95 % опрошенных мужчин и женщин считали наличие детей необходимым условием стабильности брака. По статистике, 70 % бесплодных браков расторгаются, тогда, как в семьях с детьми число разводов составляет 18 %. [15, с. 86]

Таким образом, бесплодие в браке является не только медико-демографической, но и социальной проблемой.

А между тем, согласно исследованию ЗАО «Демоскоп» 2011-го года, 4,4% жителей нашей страны (т.е. почти 6,3 млн. человек) добровольно и сознательно не хотят иметь детей. [7]

Сниженная мотивация к деторождению грозит опасностью утери социального смысла и значимости материнства и материнского поведения у современного поколения молодых женщин.

Это может оцениваться как несформированное с детства социальное качество, которое в новом поколении молодых женщин даст еще более негативные последствия.

Важным фактором, влияющим на отказ современных молодых семей от рождения ребенка, является низкий уровень жизни и отсутствие в молодых семьях необходимых условий для полноценного выхаживания и развития ребенка. Фактически каждый третий убежден, что рождение ребенка значительно снижает уровень жизни семьи.

Таким образом, можно выделить основные показатели, изучение которых, поможет составить более полную картину перспективного развития и функционирования молодой семьи:

- материальное положение;
- профессиональная подготовка, переподготовка и повышение квалификации молодежи;
- уровень занятости и безработицы молодежи;
- здоровье и деторождение;
- ориентация на укрепление и сохранение семьи, ее развитие (ценностная ориентация);
- самоорганизация молодых семей.

Анализ современной ситуации показывает необходимость государственной поддержки молодой семьи. При этом речь не идет о поддержке семейного иждивенчества, речь идет о создании благоприятного пространства для функционирования семьи, условий для самореализации ее интересов и развития социального потенциала молодых семей. Ориентация государственной поли-

тики на создание доступных механизмов позволяющих молодой семье самостоятельно решать социально-экономические, социально-психологические, социально-медицинские и иные проблемы приведет к стабилизации процесса формирования и функционирования молодых семей.

Список литературы

1. О подпрограмме «Обеспечение жильем молодых семей», входящей в состав федеральной целевой программы «Жилище» на 2002-2010 годы: постановление Правительства Российской Федерации от 28 августа 2002 г. № 638 // Информационно-правовая база «Консультант плюс».
2. Об основах молодежной политики в Хабаровском крае / Закон Хабаровского края № 175 от 24.12.99 (в ред. от 26.04.2006). Правовой сайт – Консультант плюс.
3. Березутский Ю.В., Проблемы социальной работы с молодежью: Учебное пособие для вузов. – Хабаровск: ДВАГС, 2005. 112 с.
4. Буланова М.А., Сидорова Н.П. Социальная мобильность работающей молодежи: Монография. – Хабаровск: ДВИ-филиал РАНХиГС. 2013. С. 33.
5. Галагузова М.А. Социальная педагогика: Курс лекций: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Под общ. ред. М.А. Галагузовой. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. С. 167.
6. Дмитрикова Т.В. Хабаровском крае каждая пятая семья не может иметь детей: Дальний Восток // «Российская газета» –

- [www.rg.ru 28.09.2011, http://www.rg.ru/2011/09/28/reg-dvostok/deti-anons.html](http://www.rg.ru/2011/09/28/reg-dvostok/deti-anons.html)
7. Лебедев С.В. Статистика бесплодия в России: заблуждения и факты (часть 1)/<http://www.probirka.org/eko/ob-eko/1881-statistika-besplodiya-v-rossii-zabluzhdeniya-i-fakti-chast-1.html>
 8. Молодая семья: проблемы и перспективы социальной поддержки: монография / Краснояр. Гос. ун-т, Юрид. Ин-т, соц.-правовой факультет; под общ. ред. Е.В. Жижко и С.Д. Чигановой. – Красноярск: РУМЦ ЮО, 2005. С. 18.
 9. Молодая семья: настоящее и будущее России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Улан-Удэ, 13 июня 2007 г. / Под общ. ред. С.В. Мантурова. – Улан-Удэ: НоваПринт, 2007. С. 8.
 10. Мустаева Ф.А. Основы социальной педагогики: Учебник для студентов высших педагогических учебных заведений. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Академический проект, 2001. С. 120.
 11. Овсянникова Т.В. Эпидемиология бесплодного брака <http://bono-esse.ru/blizzard/karta.html>»
 12. Сидорова Н.П., Материальное положение и социальные характеристики молодежи региона: социологический анализ // Власть и управление на Востоке России. №3(52). 2010. С. 138-142.
 13. Социальный потенциал молодых семей как фактор развития региона: монография / Под общ. ред. Н.М. Байкова, Ю.В. Березутского. – Хабаровск: ДВИУ – филиал РАНХиГС, 2013. С. 21.

14. Сведения Федерального органа государственной статистики (Электронный ресурс) // Федеральный орган государственной статистики Хабаровского края // http://habstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/habstat/ru
 15. Хачатрян Л.А. Развод – оборотная сторона брака // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология // <http://cyberleninka.ru/article/n/razvod-oborotnaya-storona-braka>. Вып. № 1. Т. 1. 2010. С. 86.
-
-

ПРЕДЕЛЫ СВОБОДЫ В УСЛОВИЯХ ТЕХНИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Денисова Т.Ю.

*Сургутский государственный университет,
г. Сургут, Россия*

THE LIMITS OF THE FREEDOM IN THE TERMS OF TECHNICAL CIVILIZATION

Denisova T.Y.

*Surgut State University,
Surgut, Russia*

*В статье дается анализ ценностных трансформаций
в условиях технологического глобализма, в частности, рас-
сматривается амбивалентность влияния технического*

прогресса на осознание ценности свободы. Техника рассматривается как условие расширения или ограничения свободы, а также как один из факторов формирования внутренней готовности человека к свободе. Предлагается объяснение причин несовпадения процессов цивилизации и индивидуализации сознания. Обосновывается тезис о необходимости пересмотра метафизической позиции человека по отношению к технике, согласно которой техника должна рассматриваться не как средство овладения миром, а как средство разворачивания человеческой сущности.

Ключевые слова: индивидуализация; свобода; демонизация техники; научно-технический прогресс; технологический эвдемонизм; техника; цивилизация; ценностные трансформации.

The article analyzes the transformation of values in a process of technological globalism, in particular, the ambivalence of the impact of technological progress on the awareness of the value of freedom. Technique is examined as a condition of expansion or restriction of freedom, as well as one of the factors of forming the person's inner willingness to freedom. It is being explained the reasons of discrepancies processes of civilization and the individualization of consciousness. The article emphasizes the importance of the need to revise the metaphysical relation between a human and the technique, according to which the technology should not be seen as a means of mastering the world, but as a means of realization of human nature.

Keywords: *individualization; freedom; the demonization of technology; scientific and technological progress; technological eudemonism; techniques; civilization; transformation of values.*

В целом феномен техники, поскольку он не распознан, – не только опасность, но и задача.

К. Ясперс.

В истории европейской мысли существует устойчивая традиция связывать процессы цивилизации и индивидуализации, причем как со стороны институциональной эволюции (связанной с областями экономики, политики, права, государства, производственной деятельности), так и со стороны осознания свободы как ценности, которую относят к базовым гуманистическим ценностям европейского менталитета, причем ценностям финальным, онтологическим, которые нельзя обосновать утилитарными мотивами организации повседневного существования. Все, что связано со свободой – личная независимость, самостоятельность в выстраивании жизненных проектов и собственных ценностных ориентаций, выход из-под внешнего принуждения и внешней опеки, ответственность за собственные выборы и действия – не гарантирует жизненного успеха и признания, но выступает необходимым онтологическим основанием самоисполнения, самоосуществления человека. И напротив, отказ от свободы (лишение, ограничение свободы) означает, соответственно, упрощение, сужение, сворачивание возможностей творческой самореализации и полноты бытия.

Идеи о том, что процесс внутреннего освобождения, индивидуализации сознания развивается поступательно и совпадает с процессом цивилизации, в том числе, соответственно, с процессом научно-технического прогресса, впервые формулировались еще в XV-XVI вв., звучали в проектах «республики ученых» XVII в, обосновывались идеологией Просвещения и немецкой классической философией и получили продолжение в концепциях технологического эвдемонизма XX-XXI веков (в частности, в известной работе Н. Элиаса «Процесс цивилизации», оптимистичной концепции М.Н. Эпштейна об «ангелизации» человека в результате технических достижений, изложенной в работе «The Transformative humanities»).

Однако в действительности в начале XX века «связь времен» разорвалась. Так, В.С. Библер указывал, что «в решающих трагедиях» XX века, включающих мировые войны и тоталитарные режимы, было осознано «роковое исчерпание и расщепление единой лестницы прогрессивного восхождения европейской цивилизации» по пути наука – техника – материальное благополучие – мораль – социальная матрица» [1, с. 262]. Исчезло ощущение последовательно восходящей вертикали европейских ценностей, и современный человек в этом отношении – отнюдь не наследник Леонардо, Галилея и Ньютона.

Становится все более очевидным, что степень внутренней личной свободы, способность к автономности существования, независимость суждений и решений, готовность все это защищать от посягательств не только не растут синхронно с инструментально-техническим освоением мира, но и все менее осознаются как ценность и характерной чертой современности является

болезненный разрыв технического и технологического прогресса с процессом филогенетического взросления человечества, его эмансипации, индивидуализации, ростом внутренней свободы.

Казалось бы, идеи технологического эвдемонизма эпохи Просвещения, возлагавшие на технический прогресс надежды на облегчение процесса жизнеобеспечения, равного доступа к благам, обретения большей свободы в распоряжении своим жизненным временем, оправдались: автоматизация производства освободила человека от бремени тяжелого отупляющего труда; эволюция систем коммуникации освободила от локальных и темпоральных привязок; медицинские технологии (протезирование, имплантации органов и т.д.), специфические механические приспособления компенсировали недостаток физических возможностей; Интернет-технологии облегчили возможности творческой самореализации, содержательной коммуникации не с доступной, а предпочитаемой аудиторией, а также культурной интеграции и гибкой самоидентификации и т.д.

Однако техника воплотила не только мечты и надежды, но и давние страхи, в частности, связанные с ростом возможностей контроля над человеческим поведением, технологически безошибочно просчитанного управления и манипуляций. Стремление к максимальной эффективности, целесообразности и рациональности воплотилось в технологичности и стандартизации, пронизывающей все сферы – производства, управления, обучения, воспитания, воспроизводства «кадрового состава». Оруэлловская антиутопия получила в реальности куда более мощную и безотказную техническую поддержку, чем это представлялось ее автору.

Однако вопрос не в том, каковы возможности техники в деле *внешнего* расширения или ограничения свободы. Вопрос в том, насколько человек *внутренне* готов к этому, насколько ценит уровень свободы, предлагаемый техникой, и насколько стремится избегать несвободы, осуществляемой с помощью техники. Герой Оруэлла Уинстон, как помнится, пытался спрятаться от всевидящего монитора в нише комнаты, сопротивлялся организованной истерии на «пятиминутках ненависти», искал возможность приватности в писании дневника, чувстве к Джулии, прогулках по предместьям, где жили пролы, в меньшей степени охваченные пропагандистской машиной.

Однако современный человек в большинстве своем не выражает никакого протеста против разнообразных систем слежения (даже в примерочных), против обысков в аэропортах и на проходных, обязанности быть всегда доступным для связи со стороны руководства, электронных журналов в школе, электронных пропусков даже в университетах и школах – не на секретных производствах! – и электронных паспортов. Если раньше клеймение, замена имени номером рассматривалось как посягательство на честь, сейчас это воспринимается как нечто нормальное: это же не клеймо на лбу, а всего лишь номер в базах данных. Слежка за человеком считалась позорным признаком авторитарных обществ, но сегодня никто не сомневается в необходимости камер видеонаблюдения. Обыск в виде ошупывания уже воспринимается как привычная, неунизительная процедура, а уж если осуществляется в виде просвечивания – и совсем хорошо. Современный человек легко отказывается от всякой приватности, автономности, предельно самообнажаясь в сетях и приветствуя многочис-

ленные передачи, смакующие чьи-нибудь интимные подробности. Глобальный технологизм, пронизывающий все сферы жизни, приучил к готовности быть всегда и везде прозрачным для технических устройств, а значит – для кого угодно, стоящего за этими устройствами. В «технологически программируемом обществе» само стремление защищать право на личное пространство, осознание его границ, понимание ценности отдельности и отделенности не относятся к числу типичных для современного человека (если только под этим не понимается желание врезать в дверь квартиры еще более хитроумный замок).

Отсюда вытекают два вопроса.

1. Насколько активна роль техники в происходящих ценностных трансформациях человека (причем безотносительно к тому, рассматриваем мы ее с точки зрения алармизма или эвдемонизма)?
2. В чем причины несовпадения процессов цивилизации и индивидуализации? Или, уже: почему развитие техники, обладающей возможностью обеспечить человеку большую свободу, не сопровождается с необходимостью осознанием свободы как ценности?

Рассмотрим последовательно обе стороны вопроса.

О «демонической» активности техники. Исследуя роль техники в ценностных трансформациях, мы обнаруживаем две основных позиции.

Во-первых, это рационально и многосторонне обосновываемая концепция нейтральности техники, согласно которой она является пассивным материалом, служащим целям человека,

могущественным, но все же *только средством* реализации его проектов (Л. Мэмфорд, К. Ясперс, Ю. Хабермас и др.). Общество само решает, какое применение найти технике, где ее использовать. «Техника – только средство, – писал К. Ясперс, – сама по себе она не хороша и не дурна. Все зависит от того, что из нее сделает человек» [6, с. 140].

Во-вторых, это настойчивая фобия «бунта машин», воплощенная не только в многочисленных фантастических сюжетах, но и философских концепциях (в частности, она явно заметна у К. Ясперса). Суть ее в том, что развитие техники стало *причиной* интенции к несвободе (то есть логика технического прогресса обусловила логику человеческих трансформаций). Получается, что демон техники обрел автономность, и то, что считалось средством и порождением человека, теперь порождает самого человека, превращает его самого в средство. Кстати, парадоксальным образом обе эти позиции можно связать в одно целое: техника становится средством не только по отношению к подчинению природного мира, но и управлению человеком, средством манипуляции и принуждения, то есть средством превращения человека в средство.

Обе крайности – и представление об абсолютной нейтральности техники, и ее демонизация (и, как противоположный аксиологически вариант – ее эвдемонизация) чрезвычайно уязвимы для критики.

Прежде всего, невозможно однозначно оценивать влияние на ценностную эволюцию такого мощного феномена онтологического порядка, как техника.

Очевидно, что в отношении изменения степени личной свободы, как со стороны ее возможности, так и со стороны осознания как ценности, влияние технического прогресса обнаруживает амбивалентность точно также, как и в целом в отношении духовно-нравственной сферы.

Уже Ф. Бэкон указывал масштабы амбивалентности значения техники, демонстрируя на примере Дедала, как из искусства механики родились и «обряды религии, и благоустройство гражданской жизни, и, наконец, вся материальная культура; но из того же источника рождаются и орудия похоти, и даже орудия смерти» [2], но не объяснял, почему происходит так, а не иначе. Г. Йонас, мыслитель XX века, который вслед за Ф.Бэконом, говорит о том, что некоторые технические достижения укрепляют нравственность, другие разрушают, а некоторые делают и то, и другое, при этом пессимистично оценивает перспективы сущностных изменений человека, считая этическое совершенствование «маловероятным» и указывая на «преобладание пошлости на всем, на что техника ставит свою печать» [3, с. 280].

Насколько же виновата сама техника в этой «печати пошлости»? Почему, если техника в равной степени может способствовать как «укреплению нравственности», так и ее «разрушению», как освобождению, так и лишению свободы, с большей вероятностью реализуется второе?

Рискнем предположить, что техника, действуя по принципу то ли катализатора, то ли увеличительного стекла (а возможно, в обоих качествах), обнаруживает и проявляет *уже существующую* интенцию человека к конформизму, коллективному бытию и сознанию как максимально комфортному для него состоянию.

То есть достигнутый уровень технического и технологического развития должен рассматриваться как обстоятельство, специфический социально-исторический контекст, в котором никуда не исчезающий варвар снова заявляет о себе. У многих мыслителей – от Ф. Ницше до современного эстонского литературоведа и семиолога М.Ю. Лотмана можно найти мысль о том, что варвар в человеке не эволюционирует, а лишь покрывается пленкой внешней цивилизованности. В данном случае под варварством мы понимаем не внутреннюю энергию к действию, пересозданию, вечному начинанию (подобно выражению А.В. Ахутина «философ-варвар», понимаемому в смысле «философ, отказывающийся от традиции, начинающий заново так, будто до него ничего не существовало»), а отсутствие личностного творческого начала, ориентацию не на создание, а на пассивное потребление и использование готового, ощущение своей силы и значимости лишь среди себе подобных. Для варвара существуют лишь ближние цели, связанные, как правило, с физическим существованием. Свобода, сопряженная с трудностями ответственности и риска, ему просто не нужна.

Достигнутый уровень технического развития *позволил* человеку *реализовать* исконно присущее ему предпочтение легкого – сложному, комфортного и безответственного – трудному и рискованному. Свобода считалась ценностью, и была ею, пока в свободном творце – ученом, художнике, изобретателе – человечество нуждалось в процессе создания технической цивилизации, которая в свою очередь, уже могла позволить себе освободить человека от такого бремени, как свобода. То есть, если вслед за Шпенглером рассматривать цивилизацию в качестве завер-

шающего кризисного этапа развития культуры, можно сказать, что свобода осознавалась как ценность лишь на этапе развития, становления культуры. Сознание уровня цивилизации не преемственно по отношению к сознанию этапа развития культуры, и в настоящее время мы наблюдаем не эволюцию ценностей, а разрыв в системе ценностей.

О причинах несовпадения процессов цивилизации и индивидуализации. Почему же такая красивая и привычная идея о сопровождении процесса цивилизации ростом степени свободы и, соответственно, осознанием ее ценности, оказалась под вопросом именно сегодня? Причины наблюдаемого ныне несовпадения технического и технологического прогресса и сознания свободы как ценности – видятся нам в следующем.

Первое. Техника не нейтральна по отношению к человеку, и она не вышла «вдруг» из-под его контроля, превратившись из «просто средства» в его хозяина и повелителя. Техника никогда не была просто средством. В известной дзенской притче говорится о монахе, который отказывался доставать воду из колодца с помощью ворота, силы противовеса и т.д., опасаясь, что применение механических средств сделает его сердце «механическим». В условиях прогресса техники масштабы этого воздействия возрастают. Важными особенностями современной ситуации представляются, в частности, следующие.

Количество знаний о мире, воплощенных в технику, прирастает и углубляется, не снижая динамики, однако, как верно заметил Г. Йонас, субъектом этого знания больше не является единичный человек. Все добытое знание дробится между отдельными индивидами, лишая даже творческих и активных одиночек целостной

картины мира, а в силу узости, специальности, сложности лишает непрофессионалов даже простой возможности осмысленного его восприятия. Элитарность и фрагментарность знания возрастает вместе с его прогрессом. Мир вновь становится чужим и непонятым, невозможным для освоения, вызывает страх и недоверие. Мифологический ренессанс, возвращение к эрзацам знания, суевериям сопровождается и тягой к коллективным идентичностям, включая архаический «зов почвы и крови», стремлением делегировать право на оценки, собственные варианты взаимодействия с миром «взрослым» – то есть людям сильным, сведущим, облеченным властью.

В технологически организованном и просчитанном мире человек практически всегда лишен возможности непосредственного наблюдения и собственного анализа ситуации, так как получает уже кодированную и структурированную информацию, которая управляет его повседневностью со всеми ее действиями, целями, набором запретов и предписаний и упраздняет потребность и способность к самостоятельной мысли, возможность доверия к себе. Усложнение финансово-экономических, социальных и политических процессов, профессионализация и изошренность манипулятивных технологий во всех этих сферах, с которыми человек встречается в повседневности, но не имеет представлений о их механизме, и соответственно, неспособен к адекватной оценке и ориентации в ситуации, провоцирует социальную апатию и восприимчивость к идеологиям, предлагающим готовые оценки и решения. Поскольку от развития науки и техники зависят многие стороны общественной жизни (экономический рост, доступ к информации, бытовой комфорт и т.д.) создается впечатление.

что закономерности научно-технического прогресса автоматически обуславливают подчинение общественного сознания «требованиям времени» – рационализации, оптимизации, технологизации, алгоритмизации. Эффективность управления обществом происходит по принципу технического управления, а значит, чем податливее материал, тем более гарантирован результат. Манипулятивное принуждение обещает оптимальный расход ресурсов и усилий, а главное, предсказуемый итог управляющим, и безопасность и покой растерявшимся в многократно усложнившемся мире управляемым. То есть свобода как ценность проиграла конкурентную борьбу безопасности и удобству. По заключению Ю. Хабермаса, «в технократическом сознании отражается не разрыв нравственной взаимосвязи, но вытеснение «нравственности» вообще, как категории жизненных отношений» [4, с. 101].

Второе. Человек не отказался «вдруг» от свободы как ценности в условиях технической цивилизации. Процесс индивидуализации никогда не представлял из себя прямое, как стрела, поступательное движение – он, как любые процессы, знает периоды замирания, возвращения, отступления. Кроме того, для большинства ценность свободы была в значительной степени декларативной и понималась либо утилитарно, узко («свобода от принадлежности рабовладельцу», освобождение из тюрьмы), либо означала переход от одного вида подчинения к другому.

Когда Демокрит говорил о том, что демократия невозможна без рабов, одним из возможных смыслов этого высказывания может быть то, что при любом строе и форме правления есть огромное количество людей, неспособных вести жизнь свободного че-

ловека. Современные греки любят повторять, что нынешняя демократия отличается от древнегреческой только тем, что сейчас позволено голосовать рабам.

Третье. Уже в мифе о Прометее звучит догадка о том, что интеллектуальное и нравственное взросление, эмансипация и индивидуализация человечества не успевает за технической экспансией, инструментальным освоением мира. Принципиальная разница в этих процессах обусловлена также тем, что для большинства освоение техники происходит пассивно и поверхностно, на уровне научения навыку обращения с готовым и чужим, к которому большинство не причастно творчески и лично. Осознание же свободы как ценности происходит исключительно как глубоко личное, собственное принятие ее как именно твоего, а не вообще человеческого способа существования.

Выводы

Да, современная ситуация выглядит так, будто технический прогресс завел человечество в нравственный тупик. Человек вдруг оказался в чужом, несоразмерном ему мире, где потребность в безопасности, предсказуемости, гарантиях стала осознаваться куда сильнее, чем потребность в свободе. Но специфика ситуации еще и в том, что амбивалентность самой техники поставила человека в условия перекрестка между встречными и пересекающимися смысловыми кривыми. И человек находится в постоянном дрейфе на волнах этих кривых. Вернется ли он на путь, представлявшийся ранее магистральным? Вряд ли есть ответ на этот вопрос. Дело ведь не в практических рекомендациях по принуждению к свободе, или отказе от технического прогресса, а

в пересмотре метафизической позиции человека по отношению к себе и технике, в понимании того, что если техника и средство – то не средство подчинения все еще непонятого мира, а способ разворачивания бытия и способ бытийствования человека. «Ничто чисто техническое не достигает существа техники», писал Хайдеггер [5, с. 258]. А это значит, что для того, чтобы действительно адекватно оценить роль техники в ценностных трансформациях, и уж тем более – чтобы давать оценку перспектив, необходимо выйти за пределы узко-технического, и даже технократически ориентированного рассмотрения проблемы, лишаящего ее мировоззренческой глубины. Важнейшая задача – диалектическое, целостное видение проблемы отношений человека и техники – до сих пор остается осмысленной лишь на уровне риторического вопроса Хайдеггера, брошенного им еще в 1953 году: «Придет ли прозрение в то, что есть?»

Список литературы

1. Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. – М.: Политиздат, 1991. 413 с.
2. Бэкон Ф. Новый Органон, или истинные указания для истолкования природы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://adelanta.info/library/humor/247.html>
3. Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. – М.: Айрис-Пресс, 2004. 480 с.
4. Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология» / Пер. с нем. М.Л. Хорькова. – М.: Праксис, 2007. 208 с.

5. Хайдеггер М. Поворот // Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. С. 253-258.
6. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Республика. 1994. 527 с.

**ПОВСЕДНЕВНОСТЬ:
ДОСТОИНСТВО ЧЕЛОВЕКА В ОБЫДЕННОЙ ЖИЗНИ**

Добродеева И.Ю.

*Шуйский филиал Ивановского государственного университета,
г. Шуя, Россия*

DAILY ROUTINE: HUMAN DIGNITY IN EVERYDAY LIFE

Dobrodeeva I.Yu.

*Shuya branch of Ivanovo University,
Shuya, Russia*

В статье исследуются проблемы повседневности, ее онтологические основания. Устанавливаются бытийные корни жизненного мира человека, разнообразие материального (физического) проявления онтологического в обыденном. Прослеживается становление человеческого (достоинства) в пограничных ситуациях.

Ключевые слова: *повседневность; пограничная ситуация; онтологичность; безусловное; логика жизни; дом; семья; жертвенность; долг; достоинство; идеал.*

The article deals with the problems of everyday life, its ontological foundation. The article defines existential roots of human life-world, the diversity of the material (physical) ontological manifestations in everyday life. The emergence of the human (dignity) in borderline situations has been traced in the article.

Keywords: *daily life; borderline situation; ontological; unconditional; logic of life; home; family; sacrifice; duty; dignity; ideal.*

Современники называли Антона Павловича Чехова «певцом сумерек». Большинство его героев производили впечатление людей, погрязших в болоте провинциальных тоскливых будней. В последнем акте пьесы «Дядя Ваня» доктор Астров говорит: «Во всем уезде было только два порядочных, интеллигентных человека: я да ты. Но в какие-нибудь десять лет жизнь обывательская, жизнь презренная затянула нас; она своими гнилыми испарениями отравила нашу кровь, и мы стали такими же пошляками, как все» [1, с. 108]. Вектор человеческого развития, направленный вниз, воспринимался критиками того времени как основной смысл творчества Антона Павловича Чехова. Чехов и его герои – это люди «безвременья», проживающие жизнь в состоянии отчуждения, не захваченные потоком созидательного, творческого обновления как самих себя, так и мира вокруг. Безусловно, во все времена люди неодинаковы по жизненным целям и общественным устремлениям, но общественное мнение, как правило, предпочитало и предпочитает людей с социально значимыми личными задачами, «героев». В связи с чем чеховский взгляд на жизнь

казался неактуальным заряженным на социальную активность современникам. Современными Чехову критиками его талант определялся как «бытописательный», что в целом не отвергается и в настоящем времени. Закрепившееся за ним определение писателя созерцательного, погруженного в бытовые коллизии своих героев, не снижало популярности писателя, сочетаясь с восхищением его тонкой психологической прозой. Однако, радикально настроенные читатели за «бытописательностью» видели некое благодущие автора, лишенное социальной и гуманистической заинтересованности, равнодушный, холодный взгляд, что не могло не вызывать раздражения,

Но пережив Чехова на сто с лишним лет, посмотрев на жизнь с позиций антисциентистских философских направлений (философии жизни, экзистенциализма, постмодернизма) можно предположить, что то, что казалось современникам мелким, неотвечающим высоким гуманистическим идеалам и принципам, и есть то, что является вечной ценностью и безусловной данностью для человека, подлинной основой жизни, ее настоящим содержанием.

Бытовые формы организации жизни, с точки зрения романтического мироощущения людей книжного восприятия и построения своего мира (Ю.М. Лотман), должны быть одухотворены «священной» идеей, прогрессивно направляющей историю, если не всего человечества, то как минимум отечества. Эта «священная» идея низводит повседневную жизнь до восприятия ее как второстепенной, прикладной, будничной, подчиненной «высокой цели», не имеющей самостоятельного смысла, не допуская, что именно она есть скромное, «тихое» проявление подлинной человеческой сущности, его самости.

Проживая жизнь обыкновенного человека, работая в лавке отца, учась в гимназии, проводя много времени в храме на клиросе, пережив разорение родного очага, переезд в Москву, Чехов воспринял фундаментальность обыденного, уловил признаки вечного, «безусловного» в повседневном.

В пьесе «Дядя Ваня», названной по обыденному просто, так, как обычно обращаются в близкому родственнику в узком семейном кругу, профессор Серебряков предлагает продать имение и обратить деньги в процентные бумаги, которые будут приносить больше дохода, чем имение. Мысль экономически здравая, но тот ужас, который испытывает Иван Петрович Войницкий (дядя Ваня), выслушав предложение профессора, сродни онтологическому ужасу Хайдеггера. Визуально это не древний мистический ужас, но по психологическому и нравственному переживанию он ему близок, хотя все заключено в привычные декорации дома Войницких: герои обыденны, няня сидит и вяжет чулок. Для Войницкого с изменением повседневного, неизменно вытекающего из предложения профессора Серебрякова, рушиться жизненный мир, и не только его одного, рушиться жизнь многих близких людей: матери, племянницы, не говоря о тех, кто обслуживает дом и хозяйство, кто обогревается в этом доме (Телегин, Астров). Предложена революция с неясной перспективой для тех, кому этот дом принадлежит. Войницкий с недоумением спрашивает Серебрякова: «Ты продаешь имение, превосходно, богатая идея... А куда прикажешь деваться мне со старухой матерью и вот с Соней?» [1, с. 100]. Но не только это вызывает смятение Войницкого. Соня, племянница Войницкого, реальная владелица имения, сам дядя Ваня десять лет работали в имении, чтобы освободить его

от долгов. Войницкий отказался от части своего наследства для того, чтобы это имение было куплено. Благодаря их ежедневному труду профессор Серебряков живет в столице с мачехой Сони соответственно достойному и успешному профессорскому образу жизни, обогащая науку размышлениями об искусстве, что уважают и ценят, работая на него, его шурин и дочь с тещей. « Двадцать пять лет я вот с этою матерью, как крот, сидел в четырех стенах... Все наши мысли и чувства принадлежали тебе одному» – говорит ему дядя Ваня [1, с. 101]. Но что больше всего заставляет Войницкого переживать состояние ужаса и отчаяния, так это сомнение в истинности собственной жизни, в исполнении своего предназначения, закономерно его охватившие в процессе непосредственного общения с кумиром семьи. Тот кумир, ради которого они все жили и работали, чьим трудом гордились, при соприкосновении с ним и его проектами оказался существом, лишенным профессионального (эстетического) и человеческого (нравственного) содержания. «Теперь виден весь итог его жизни: от него не останется ни одной страницы его труда...он ничто. Человек ровно двадцать пять лет читает и пишет об искусстве, ровно ничего не понимая в искусстве» – говорит дядя Ваня доктору Астрову [1, с. 67].

Страдания Войницкого – это трагическое, горькое освобождение человека от иллюзий собственного воображения, путь к самому себе, к жизни в ситуации существования. Освобождение от штампов переживается как трагедия бессмысленности собственных усилий, собственной жертвенности: « Пропала жизнь! Я талантлив, умен, смел... Если я бы жил нормально, то из меня мог бы выйти Шопенгауэр, Достоевский...Я зарпортовался!

Я с ума схожу... Матушка, я в отчаянии!» – почти кричит Войницкий [1, с. 102]. Страдания героев на определенном этапе собственной жизни характерны для художественного мира Чехова. Но страдать при расставании с иллюзорным ненастоящим, отторгающим от самого себя характерно для каждого человека, относящегося к жизни серьезно. Сколько думающих людей говорили себе что-то подобное, не упоминая, возможно, Шопенгауэра и Достоевского, тем не менее убеждаясь в бессмысленности многих прошлых лет, спрашивая себя на что потрачены самые творческие, самые молодые годы.

Иван Петрович Войницкий (дядя Ваня) воспринимает ситуацию как пограничную: «Я в отчаянии!» – обращается он к матери. Экзистирруя почти по Хайдеггеру, он совершает безотчетный, выходящий за пределы социально организованного опыта, поступок: он дважды стреляет в Серебрякова. После неудачных выстрелов Войницкий не раскаивается, он испытывает стыд, потому что не смог совершить то, что считает правильным: убить профессора Серебрякова. Он недоумевает, почему его не арестовывают, не отдают под суд. Войницкого не покидает мысль, что не он виновник, что главным обманщиком в сложившихся обстоятельствах является профессор Серебряков и подобные ему, что «под личной профессора, ученого мага, прячут свою бездарность, тупость, свое вопиющее бессердечие» [1, с. 107]. Серебряковым обмануты все, кто всерьез читал и читает его статьи, и все домашние: первая покойная жена профессора – любимая сестра дяди Вани, нынешняя жена Елена Андреевна, дочь Соня, теща, сам дядя Ваня. Семья не только читала и обсуждала труды профессора, она жила и трудилась для него, с искренним чувством удовлетворения от

собственной жертвенной жизни, понимая свое назначение как служение научному таланту профессора. Стыд, страх перед будущей жизнью, непонимание, чем она будет наполнена, невозможность прожить остаток жизни как-нибудь по-новому, приводит дядю Ваню к мысли о самоубийстве. Ситуация, в которой находится герой, именем которого названа пьеса, не сиюминутна, она стала предметом размышления не одного поколения философов, начиная с Сократа, продолжая Кантом, Кьеркегором, Бергсоном, Сартром, Хайдеггером. Рано или поздно перед человеком встает вопрос, что остается после его, приносит ему самому его жизнь и труд интеллектуальное и нравственное удовлетворение, верен ли он своему истинному человеческому предназначению. Размышления при ответах на подобные сакраментальные вопросы рождают мучительные поиски жизненных смыслов, поиски дороги к самому себе, настоящему, проживающему собственную жизнь. Войницкий, обращаясь к Астрову, говорит: «Мне сорок семь лет; если, положим, я проживу до шестидесяти, то мне остается еще тринадцать. Долго! Как я проживу эти тринадцать лет? Что буду делать...» [1, с. 107]. Взгляд в прошлое с целью его оценки с позиций жизненных смыслов характерен для чеховских героев. Для писателя важны проблемы собственного жизнеосмысления. В этом отношении ему был близок Лев Николаевич Толстой, как по мироощущению, так и по духовной напряженности художественного творчества.

Что же предлагает Чехов своим героям? Понимая глубинные основы жизни, логику житнетворчества, Антон Павлович Чехов устами старой няни, самого обыкновенного человека, говорит в финале пьесы: «Опять заживем, как было, по-старому. Утром

в восьмом часу чай, в первом часу обед, вечером – ужинать садятся; все своим порядком, как у людей... по-христиански» [1, с. 106]. На тональности возвращения к установленному прежде образу жизни, освобожденному от прежних иллюзий, сохраняющим героям гармонию покоя заканчивается пьеса. Соня обращается к дяде: «Напишем, дядя Ваня, прежде всего счета. У нас страшно запущено...» [1, с. 113]. Войницкий монотонно начинает писать счета. Герои как бы трансцендируют в повседневность, возвращаются к самим себе, освободившись от ложных идеалов, служению фальшивому, неоправдавшихся надежд, чувствуют при этом себя несчастными, но в каких – то особенных смыслах, которые дают право в будущем бессмертия «увидеть жизнь светлую, прекрасную, изящную...увидеть небо в алмазах...» [1, с. 115].

Таким образом, нарушившийся, как казалось, органичный жизненный ритм, создаваемый повседневностью, ею же и восстанавливается. Человек обязан жить, это его бытийственный долг, он возвращается туда, где он спит, работает, обедает так, как принято в его доме, живет с теми, кто представляет его семью, он начитает уважать не собственные фантазии и вымыслы, а реальную жизнь.

Можно в связи с этим заключить, что повседневность – онтологична для человека как жизненной целостности. Материализуется она Семей, Домом. Дом как метафизическая реальность заключает в себе Семейю.

В книжной культуре или среде существовал и продолжает существовать известный стереотип: творческие личности приносят в повседневность особенности, исключая в ряде случаев ее традиционные формы, реализуя право своей свободы создавать

свои миры, свои жизни. В этой связи можно вспомнить характерный эпизод из истории нашей культуры. Относясь к Пушкину как общественной ценности, близкий ему круг, исходя из его оценки как личности исключительной, живущей для вечного и возвышенного, убеждал его избегать общепринятого, как чуждого его «божественной» душе, живущей небесной гармонией. Елизавета Михайловна Хитрово – дочь фельдмаршала М.И. Кутузова, обожающая Пушкина, писала поэту, узнав о его намерении жениться: «Я боюсь за вас: меня страшит прозаическая сторона брака...» Хитрово представляет одиночество и ощущение трагического как самые достойные гения состояния: «... развитию его (гения) способствует ряд несчастий, ... счастье... убивает способности, прибавляет жиру и превращает скорее в человека средней руки...» [2, с. 161]. Но, как утверждает глубочайший исследователь русской культуры Ю.М. Лотман, Пушкин решил жениться по очень серьезным мотивам, показывающим насколько поэт не был легкомысленным в отношении к жизни. Жизнь – это тоже одна из сверх задач, за решение которой человек несет ответственность перед собой, перед своей судьбой. В одном из писем 1831 года поэт пишет: «До сих пор я жил иначе как обыкновенно живут. Счастья мне не было. Счастье существует лишь на проторенных путях (в обыденной жизни). Мне за 30 лет. В тридцать лет люди обыкновенно женятся – я поступаю как люди, и вероятно не буду в том раскаиваться» [2, с. 162]. Ю.М. Лотман делает вывод: «... решение это связывалось и с глубокими общественными и историческими размышлениями Пушкина, поисками независимого и достойного существования – Дома. Здесь смыкалась тоска по тому, чего он был лишен с детства, – теплу родного гнезда, и глу-

бокие теоретические размышления, убеждающие его, что только человек, имеющий свой Дом, «крепок земле» [2, с. 178]. Лотман возводит понятие Дома к метафизическому смыслу, тому духовному основанию, которое не сокрушат и дождь, и ветры, и реки. Реально существующие Семья и Дом, по обыкновению воспринимаемые как атрибуты обыденного, несут в себе образ вечного, воплощающего сакральное в человеке.

Имение Войницких – это тоже Дом, на уничтожение которого покусился профессор Серебряков, и он (Дом) защищает свою Семью: дядю Ваню, Соню, Телегина, Марию Васильевну (мать дяди Вани) и др. Как только Дом покинули гости, вернулась горькая, но благодатная тишина, жизнь потекла по освободившегося от фантазийного старому руслу, но не утратившему смысла. Это подтверждают слова Сони: «Мы, дядя Ваня, будем жить. Проживем длинный – длинный ряд дней, долгих вечеров; будем терпеливо сносить испытания, какие пошлет нам судьба; будем трудиться для других и теперь и в старости, не зная покоя...» [1, с. 115]. Смысл оказался не потерян, не смотря на разочарование в кумире и в собственной жизни, в какой-то мере им определенной. Несостоятельный как ученый Серебряков с новой женою не утратил фундаментальное качество повседневности: он член семьи, и это неотменимо. Профессор лишился содержательной значительности в глазах дяди Вани, но материальной (финансовой) обязанности перед ним, уже ставшей нравственной, труженики дядя Ваня и Соня с себя не снимают. В этом сила и власть повседневности. Вечные обязанности налагаемые ею, заключают в себе законы жизни, определяют фундаментальность человеческого бытия. Нельзя убить человека, если он не соответствует высоким смыс-

лам призвания, долга, любви, можно забыть его, но от этого он не потеряет родовых связей, вечно останется принадлежащим какой-либо фамилии, останется человеком призванным жить. Не стоит лишать себя жизни, если окружение не дорожит общекультурными ценностями, и практика человеческого общения пронизана грубостью, фальшью. Понимание трагических сторон бытия, абсурда окружающего мира не отменяет нравственные обязанности перед собственной совестью, перед ближними и дальними, семьей. Очевидно, такую линию поведения диктует достоинство, как жизнеутверждающая самооценка личности, этическая возможность форма диалога с самим собой.

Достоинство выражается в понимании и ответе глубинным вызовам жизни в каких бы скрытых обыденностью формах они не являлись, маскируя свое метафизическое происхождение. Простота сущего отличает повседневность. Но именно этой простотой преодолеваются трагические разломы бытия, через простоту приходит человек в свободу, к самому себе. Как же верна постановка проблемы перед самим собой Львом Николаевичем Толстым, но как трагически ошибочно понимание «простого», знаменитого «опрошенчества». К этой жизнесмысловой задаче пришел в результате трагических испытаний и философ Сергей Людвигович Франк. Оказавшись за пределами России, и мысленно оглядываясь назад, философ в предисловии к «Крушению кумиров» размышляет о неосознанной устремленности воли к чему-то, «что не было бы призрачно, а было бы подлинной, прочной реальной основой бытия» [3, с. 114]. Дядя Вани пережил крушение своего домашнего кумира, которому он посвятил жизнь. Спасение оказалось в том, что у него было настоящего: он остался

в имени с близкими ему людьми (в Доме, в Семье). Выход из духовного кризиса оказался до чрезвычайности простым: жить так, как он жил раньше, оставаясь в самых обычных формах жизни порядочным человеком, с чувством собственного, о чем говорит доктор Астров в начале пьесы. Следует при этом заметить, что зритель и читатель пьесы понимает, что за происходящим на сцене стоит Чехов, актуальности и значительности философской позиции которого посвящена статья.

Семен Людвигович Франк оказался в более трагической ситуации, чем литературные Войницкие: потеряно все, потеряна страна, в которой был Дом, и невозможно не думать о причинах катастрофы. И одной из существенных оказывается та же, что повергла в смятение Войницкого. Выстраивание жизни под «идею, принцип, направление, нравственно-политический идеал», которые развиваются, рождаются и умирают по своим законам, подчинение им всей своей жизни оказывается рано или поздно осознанием иллюзорности собственного бытия. Но подобное иллюзорное существование выглядит чрезвычайно привлекательно. Как размышляет Франк: «Идея» была либо представлением какой-либо внешней и отдаленной цели, какой-то подлежащей осуществлению задачи, которой человек посвящал все свою жизнь... У кого были такие «идеи», тех мы называли людьми «идейными», «принципиальными»; мы почитали их и старались сами стать такими же. Противоположный сорт людей назывался людьми «безыдейными» и «беспринципными»... Человек оценивался не столько по его непосредственной доброкачественности, талантливости, доброте и благожелательности, сколько по идей-

ной убежденности и преданности своей «идее» [3, с. 145]. Формулировка Франком критериев подлинности назначения человека, пришедшая к нему после глобальнейшего духовного кризиса, была изначальной установкой понимания жизни и места в ней человека Антона Павловича Чехова. Но духу времени, особенно в предреволюционную российскую эпоху, который формировали люди «идейные», была чужда тональность его творчества, духовно-нравственная позиция человека и писателя. Чехов самой сильной стороной своего таланта, его философской глубиной не был услышан современностью. Эстетическая составляющая, художественность, отличающаяся органической законченностью и декларированной самим писателем лаконичностью, получили признание в среде широкой читающей публики. Художественный талант Чехова не вызывал сомнений. Но его мировоззренческая позиция не прочитывалась и, следовательно, не воспринималась современниками. Сегодня же печальная гуровская безысходность в «Даме с собачкой» может быть прочитана как экзистенциальное страдание, неизбежное в мире стереотипов, как бытие для себя, обретение истинной человеческой свободы, дающее чувство достоинства, как нравственного выражения этой свободы.

Таким образом, можно заключить, что жизнь и художественное творчество Антона Павловича Чехова были ответом на вечные вопросы человека, что он такое сам и что есть его подлинная жизнь. Продолжая духовную связь времен от Достоевского и Толстого, Чехов находит свое выражение в философии XX-XXI века, становясь все более близким постсовременному «бунтующему» человеку.

Список литературы

1. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения в восемнадцати томах. Т. 13. – М.: Наука, 1986.
2. Лотман Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя. – 2-е изд. – Ленинград: Просвещение, 1983.
3. Фрак С.Л. Крушение кумиров // С.Л. Франк Сочинения. – М.: Правда, 1990.

КАЗАЧЕСТВО РЕГИОНОВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: К АНАЛИЗУ СОСТОЯНИЯ РАЗВИТИЯ ОБЩНОСТИ

Ерохин И.Ю.

*Кройдон Колледж,
Лондон, Великобритания*

COSSACKS REGIONS OF MODERN RUSSIA: TO ANALYZE THE STATE OF DEVELOPMENT OF COMMUNITY

Erokhin I.Ur.

*Croydon College,
London, U.K.*

В статье рассмотрены актуальные проблемы истории и перспектив развития казачьего движения в свете вопросов учета регионогенеза и специфик определенных тер-

риторий. Долгое время в качестве основной методике при рассмотрении вопроса доминировала унификационная модель. Автор делает попытку отойти от подобных штампов и стереотипов. Вторым важным принципом стал принцип учета этничности казачества, его представлений о своем сообществе как народе-нации.

Ключевые слова: казаки; современность; история; политика; общество; этнос; традиции; Россия; культура.

The article describes the history of the current problems and prospects of development of the Cossack movement, taking into account the characteristics and specifics of the Russian regions. For a long time as a methodology dominated model of the unity of the Cossack territories. The author makes an attempt to move away from such errors. The second important principle of the principle of ethnicity became Cossack groups.

Keywords: Cossacks; modernity; history; politics; society; ethnicity; tradition; Russia; culture.

Показательно, что процесс возрождения казачества государство инициировало одновременно с механизмами восстановления в правах иных репрессированных народов. В течении 1991-1994 годов были изданы нормативные и правовые акты о реабилитации немцев (Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 22 апреля 1991 г. «О неотложных мерах по урегулированию прав советских немцев на территории РСФСР»), корейцев (Постановление Верховного Совета РФ от 1 апреля 1993 г. «О реабилитации российских корейцев»), калмыков (Указ Президента

РФ от 25 декабря 1993 г. «О мерах по реабилитации калмыцкого народа и государственной поддержке его возрождения и развития»), балкаров (Указ Президента РФ от 3 марта 1994 г. «О мерах по реабилитации балкарского народа государственной поддержке его возрождения и развития») и др.

Вовлечение казачества в политические процессы путем установления все более тесных связей с государством и государственностью на настоящем моменте все более и более увязываются с вопросами федерализма, интересами и деятельностью региональных элит, аспектами национальной политики, местными специфическими этническими особенностями регионов. [20]

Взаимодействие казачества с государством и его попытки учреждения собственных государственных институций очень хорошо и образно определяются словами С.В. Лурье [9]: «Этнос – социальная общность, ей присущи специфические культурные модели, обуславливающие характер активности человека в мире, и которая функционирует в соответствии с особыми закономерностями, направленными на поддержание уникального для каждого общества соотношения культурных моделей внутри общества в течении длительного времени, включая периоды крупных социокультурных изменений. Этносу присущи: определенные поведенческие и коммуникативные модели, которые типичны для всех членов этноса. Поведенческие, коммуникативные, ценностные, социально-политические модели и культурные элементы, свойственные только определенным группам внутри этноса. Однако, распределение этих моделей внутри этноса не хаотично: в своей совокупности они образуют целостную структуру. Эта структура имеет несколько важных функций: она подспудно ре-

гулирует взаимоотношения между различными группами внутри этноса (даже если эти группы внешне противостоят друг другу), способствует поддержанию стабильности этноса, определяет поведение различных частей этноса в кризисные эпохи и детерминирует процесс, который можно назвать «самоструктурированием» этноса: процесс создания этносом новых, иногда глобальных, по видимости как бы принципиально меняющих жизнь этноса, социальных институций, соответствующих изменившимся культурно-политическим условиям существования этноса.»

Принцип регионогенеза продолжает оставаться ведущим принципом при изучении и прогнозировании деятельности, развития современных казачьих сообществ. Территориальный, культурный и исторический факторы имеют тут первостепенное значение. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2002 г. [16] в России проживает 140028 казаков, из них 95,5% приходится на казаков, проживающих в Южном федеральном округе. Абсолютным лидером здесь является Ростовская область, где проживает 62,5% казаков России». [6, с. 20] Т.о., донское казачество продолжает оставаться главной направляющей и идеологической силой казачьего возрождения.

Последствием периода либеральных реформ и правления Б.Н. Ельцина, по определению историка Ю. Сошина стало положение, когда «Кремлевская власть поддерживала местные казачьи элиты, чья политика прямо или косвенно была направлена на ликвидацию казачества в национальных республиках». [19] В этот период наиболее «неудобные» для власти атаманы попросту «выдавливались» из казачьего движения. Так, из Терского казачьего войска были «убраны» яркие и харизматичные лидеры, –

Ю. Чуреков, М. Серков, М. Середенко. [2, с. 4] В настоящее время положение меняется к лучшему.

Казачьи общины разных регионов сами проявили и проявляют немалую активность в разработке и подготовке пакетов тех или иных нормативных актов и законотворческих документов в деле укрепления казачьей государствообразующей миссии.

Например, в Кабардино-Балкарии Президентом Республики был утвержден устав окружного казачьего общества, составленный при самом деятельном и непосредственном участии самих казаков. Президент Республики Дагестан Муху Алиев неоднократно участвовал в собраниях казачества. Еще дальше продвинулись казачьи общины Ставрополя и Северной Осетии-Алании, где давно и успешно действуют программы государственной поддержки казачьих объединений. В Ставропольском крае это – региональный закон «О казачестве Ставропольского края» [13] (май 1996 г.), а в Северной Осетии-Алании – закон «О поддержке казачьих обществ Республики Северная Осетия-Алания».

Исходя из данных сравнительного анализа и других фактов, можно говорить о том, что государственные органы Ставрополя начали разрабатывать правовые основы возрождения казачьих сообществ гораздо быстрее и эффективнее многих других регионов страны. Ставропольский край, по сути дела, стал плацдармом апробации новых нормативно-правовых технологий в отношении казачества. Особенно эффективно эти процессы шли с 1993 по 1998 г. Губернатором края А.Л. Черногоровым осуществлялась вдумчивая и планомерная политика привлечения казаков к участию в управлении повседневной жизнью региона. Меры носили

характер «пакетного» законотворчества, т.е. принималась целая группа постановлений, распоряжений [12; 14] и иных документов, затрагивающих интересы казачества. Уже 29 апреля 1993 г. Малый Совет Краевого Совета народных депутатов утвердил комплекс мер в этом вопросе [12], который включал в себя: Типовой устав казачьего общества, Положение о наделении казачьих обществ земельными наделами, Временное положение о местном референдуме по установлению казачьего местного самоуправления, Решение об освобождении казачьих обществ от налоговых сборов в краевой бюджет. [12] Власти двинулись значительно дальше, – Постановлением главы администрации края от 11.11.1993 г. было принято решение «О наименовании органов местного самоуправления в сельских населенных пунктах на территории компактного проживания казачества» их исконно-традиционными казачьими названиями. Главы органов местного самоуправления становились атаманами. В сентябре 1994 г. создается даже специальный краевой внебюджетный фонд «Возрождение казачества», призванный стимулировать и повышать эффективность деятельности краевых казачьих общин. [15]

В принятом в мае 1996 г. «Положении о казачестве в Ставропольском крае» [1304] в первом пункте говорилось о роли, структуре, принципах совместной деятельности краевого руководства с лидерами казаков: «Казачество – исторически сложившаяся культурно-этническая общность людей в составе населения Ставропольского края, имеющая самобытные традиции, обычаи, культуру, хозяйственный уклад, православную религию и строящая взаимоотношения с органами государственной власти Ставропольского края на основе индивидуального и коллективного

выполнения обязательств по несению различных видов государственной службы». [13, с. 14]

Спустя всего три месяца после принятия Положения Постановлением Главы администрации Ставропольского края от 28.08.1996 г. за №65-р был сформирован целевой земельный казначий фонд.

Развив бурную деятельность у себя в регионе, именно казаки Ставрополя выступали инициаторами принятия общероссийского закона о казачестве, который бы позволил перенести их положительный опыт на другие субъекты Федерации. Данная инициатива была поддержана на совещании в Правительстве Ставропольского края, состоявшемся 14 июля 1996 г.

Деятельность власти и казаков в Ставрополье высоко оценивал тогдашний начальник Управления Президента РФ по вопросам казачества генерал П.С.Дейнекин. На заседании выездного координационного совета по делам казачества в Ставрополе 24.04.2001 г. он скажет: «Там, где атаман и правление не занимаются демагогией, а занимаются делом, им хватает всего, чтобы успешно работать. Так, что сами не робейте и не ждите, когда федералы решат все и за вас. Чиновник не ползал тут вдоль Терека, не хоронил казаков ни в Стародеревской, ни в Галюгаевской, ни в других станицах...» [17]

Как ни парадоксально, но, начиная с 90-х годов, серьезное взаимодействие власти и казачьей общности начало происходить в таком регионе, как Республика Калмыкия, традиционно не считавшимся вотчиной православия. Уже в июне 1990 г. в Калмыкии начинает работать оргкомитет по подготовке 1-го Учредительного Круга Союза Казаков Калмыкии. Власть принимает

самое деятельное участие в этом процессе, проявляя к нему неподдельный интерес. Подобная ситуация во многом была связана с личностным фактором: авторитетом харизматичного молодого политического деятеля «нового поколения» Кирсана Илюмжинова. Именно благодаря его участию в организационный комитет привлекаются члены наиболее влиятельных калмыцких родовых семей Джунгуровых, Буджаловых, Эльзятиновых, Бурслугиновых, Санжиковых, Роциных, Джелачиновых, Сусеевых, Аминовых, Хахуловых, Бадмаевых, Катушовых, Абушиновых, Барашкиновых, Балдашиновых, Янжиновых, Куваковых, Цеджиновых, Князевых, Чурюмовых, Басановых, Сарамуткиных, Ханташовых и многих других. Привлечение ярких лидеров национальной диаспоры позволило сделать процесс возрождения казачества на территории Калмыкии не таким болезненным и противоречивым как в иных регионах России. В 1997 г. при активном участии и посредничестве Президента Республики К. Илюмжинова был принят знаковый Закон о казачестве Калмыкии. Очень много в вопросах налаживания межэтнических отношений казачества и выстраивании его диалога с властной вертикалью сделал атаман калмыцкого казачества П.Н. Шарманжинов.

Курс на активный и плодотворный диалог с властью и обществом избрали казачьи лидеры Уфы, Прикамья и Пермского края. Большую роль в этих процессах в данных регионах играет духовенство, при этом не только православное. Мусульманские источники с гордостью отмечали: «Первая мусульманская казачья сотня появилась в России в 2004 г. на территории Пермского края. На торжественной церемонии подписания соглашения о сотрудничестве с Прикамским отдельным казачьим округом председатель

регионального Духовного управления мусульман Мухаммедгали Хузин напомнил всем, что в дореволюционной России уже существовали казачьи формирования мусульман – только башкирских казаков в начале XX века насчитывалось около 100 тыс. человек. Он же отметил, – Мы хотим показать пример того, как можно служить Отечеству, не нарушая духовных традиций своих предков».

Особенного и пристального внимания заслуживает развитие взаимоотношений казачества с общественностью, властью и гражданским населением на территории Северо-Кавказского региона. Кавказ был и продолжает оставаться очень непростой точкой на карте российских социально-политических процессов. «Правая» националистическая радикальная пресса рисует картину исключительно очень мрачными красками, как то: «Информационная и психологическая война против казачества на Кавказе идет вовсю. «Сторожевые собаки Империи», «палачи свободолюбивых горцев», – подобные высказывания обычны в газетах (особенно в «россиизированных» Чечне и Ингушетии) и в университетских аудиториях национальных республик. В общественном сознании народов Кавказа насаждается мысль, что казаки не только не имеют прав на какие-либо исторические территории и культурную автономию, политические преференции, они не имеют права вообще именоваться людьми. Для ликвидации казачества используются не только прямые методы, такие как физическое уничтожение или изгнание неугодных казачьих лидеров и наиболее активной части казачьего населения. Самый главный и проверенный метод – выхолащивание самого казачьего движения, постановка в руководство казачьими организациями «удобных» легко контролируемых атаманов, задача которых – сдерживать движе-

ние «изнутри», не давать ему развиваться. «Карманные» атаманы имеют солидную административную и финансовую поддержку, и их смещение силами казачьих «низов» практически невозможно. Такие же «атаманы», усердно проклиная «Империю», были и в административных структурах «независимой Ичкерии» при Дудаеве и Масхадове».

Феноменально, но в ряде случаев на телах убитых федеральными войсками в чеченские военные кампании боевиков отыскивались удостоверения «чеченских казаков». Во властных кабинетах зрели и идеи создания то «Чеченского», то «Ингушского» казачества, при этом создаваемые отряды должны были иметь ярко выраженный национальный (т.е. националистический) окрас, – по мыслям их организаторов состоять исключительно из представителей титульных наций. Много вопросов в свое время возникало и по поводу деятельности «Союза казаков Ингушетии», где при общей численности от 30 до 80 тысяч казаков-сунженцев (1991 г.), русскую нацию представляло менее ста человек. Вряд ли подобная практика, в свое время активно поддерживаемая провластными олархическими и псевдо-либеральными кругами могла способствовать стабилизации ситуации в беспокойном и взрывоопасном регионе Российской Федерации.

Собственные попытки добиться мира на Кавказе, который предпринял атаман Донского казачества Н.И. Козицын, заключив в 1994 г. договор с Д. Дудаевым, сильно дискредитировали казачье движение и казачьих лидеров [10, с. 20]. Эти потуги выявили в казачестве серьезный системный кризис, показали и продемонстрировали с беспримерной наглядностью исключительное смешение понятий в «казачьем вопросе».

Несмотря на предательство отдельными атаманами интересов казачества, их сращивание с коррупционным сегментом провластной вертикали, массовые злоупотребления и высокую риторику, не подкрепленную делами, история современного казачества обогатилась новыми именами казачьих героев, павших в горячих точках: Подкользин, Стародубцев, Ложкин, Наумов, – далеко не полный перечень персоналий.

Многие современные историки и исследователи справедливо отмечают: «Казачье движение способно стать сильным сдерживающим фактором на пути распространения экстремистских и сепаратистских тенденций на южных российских приграничных территориях, что в полной мере совпадает с российскими государственными и национальными интересами» [11, с. 17] При этом часть исследователей глубоко убеждены в необходимости придания казачеству в регионах пограничных или особой конфликтности особого же и статуса: «Трагический опыт борьбы с сепаратизмом на Кавказе, например, показывает, что в этом регионе казаки должны иметь право на регистрацию и ношение боевого оружия, чтобы своевременно реагировать на возникающие угрозы и опасности, действуя в тесном контакте с федеральными силовыми структурами. Безответственно оставлять беззащитным славянское население рядом с вооруженными экстремистами, которые произвол в отношении русских рассматривают как рядовое бытовое явление. Казачьи дружины и отряды на Кавказе должны иметь зарегистрированное оружие для самообороны, для возможности эффективного содействия войскам и милиции. Знание местности и опора на коренных жителей делают эти дружины и

отряды незаменимыми в борьбе с терроризмом и этническими бандами». [11, с. 17] Идеи раздать казакам оружие высказывалось терским казачеством, казачеством Дона. [3]

Совсем недавно в Ростове-на-Дону прошла научная конференция, в центре внимания которой оказались вопросы геополитики Кавказа в аспекте терроризма, этнонационализма, экстремизма. Особого внимания заслужило выступление доктора наук, главы «Евразийского Движения» А.Г. Дугина. [4, с. 1, 2, 3] Им были сформулированы принципиально новые положения и подходы в отношении стратегии геополитических государственных инициатив на Северном Кавказе. Дугиным была предложена концепция «евразийского федерализма» на основе стратегического унитаризма в сочетании с широким этнокультурным региональным плюрализмом. Местные региональные отличия и дифференциации признавались существенным, объективным и влиятельным фактором. [4, с. 2] Практически всеми присутствовавшими бала отмечена востребованность и своевременность данного подхода, особенно в связи с казачеством. [4, с. 3] О роли казаков в регионе говорилось:

- «▪ казаки служили делу стратегической (геополитической) интеграции российских земель, постоянно имели дело с «практической геополитикой», защищая и расширяя Отечество;
- казаки организовывали свое социокультурное пространство и бытие с опорой на автономные, дифференцированные поселения с особым укладом, интегрированные друг с другом и центром Империи на основаниях очень близких к современному федерализму;

- казаки довольно масштабно смешивались с местным (преимущественно, тюрским) населением, образуя южный аналог славяно-тюрского синтеза, породившего на севере в иную историческую эпоху сам великоросский этнос, ставший ядром евразийства». [4, с. 3]

В 2011-2012 гг. российскими казаками совместно с представителями власти начата подготовка модельного проекта закона субъекта РФ по вопросам административной политики в отношении казачьих региональных сообществ. [4, с. 3] «В указанном законе в первую очередь должны найти отражение наиболее передовые и эффективные механизмы по организации деятельности казачьих организаций». [2, с. 3; 7] Министр юстиции РФ М.А. Травников, в связи с принятой «Стратегией развития казачества», в одном из своих выступлений подчеркнул: «Содействие развитию международной деятельности российского казачества подразумевает идею консолидации казачества к 2020 году не только внутри России, но и всем мире». [2, с. 3]

Идеи казачьего евразийства весьма актуальны. Это связано, прежде всего, с пониманием того факта, что казачьи территории претерпели существенные изменения, «если ранее казачество было сконцентрировано на южных окраинах государства, то вследствие репрессивных депортаций и естественных миграционных процессов, происходивших в советский период истории России, к настоящему времени произошло постепенное расселение представителей казачества по всей территории современной России и далеко за ее пределы. Это позволило создать казачьи структуры в самых разных регионах страны, и они могут быть

эффективно задействованы при решении внешне- и внутривнутриполитических общегосударственных вопросов». [11, с. 19]

Анализ развития казачества России новейшего времени позволил прийти к ряду выводов. Эти выводы связаны именно с понятием регионогенеза и особенностей территориальной специфики. Учеными было отмечено, что быстрее и активнее возрождение казачества происходило в «сложных», конфликтных регионах Северного Кавказа, Ставрополья. Про Ставрополье исследователи говорили: «Край территориально приближен к Чеченской Республике и другим конфликтогенным, «горячим точкам» Северного Кавказа, где имеется реальная угроза жизни русскому, казачьему населению». [18; 1] Исследователь С.А. Голованова отмечает: «В современных условиях территории традиционного проживания казаков вновь стали «стратегическим буфером», от районов политической нестабильности и этнических конфликтов на Северном Кавказе. Соответственно, возрос и интерес к объединению казаков именно этого региона со стороны различных политических партий, общественных организаций и движений. Однако, этот процесс сложен». [5, с. 2] Хелен Краг и Ларе Функ Хансен говорят, – «Казачья Родина, для которых Северный Кавказ стал Родиной, поставлены во многом перед выбором: верность России или верность Кавказу». [8, с. 61; 5, с. 2]

Список литературы

1. Арсеньева М. Казачьи регионы Чечни должны оставаться казачьими // Казачий Терек. 2001. №1(32).
2. Бурда Э. Кремлевские игры или реальный шанс? Терское казачество на современном этапе. 01.04.2013 [Электронный сете-

- вой ресурс]. – Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article28822.htm>
3. Водолацкий В.П. Мы предлагаем дать казакам оружие. 19.02.2013 [Электронный сетевой ресурс]. – Режим доступа: http://kvzn.zp.ua/?go=news&news_id=1425
 4. Геополитика Кавказа: терроризм, этнонационализм, экстремизм: Всероссийская научно-теоретическая конференция: отчет по итогам работы [Электронный сетевой ресурс]. – Режим доступа: <http://skavkaz.info/analit/geokonferencia>
 5. Голованова С.А. Казачество Терека и Кубани: этнополитические и культурно-исторические особенности становления и эволюции: вторая половина XVI – конец XIX вв.: дис. д-ра ист. наук. – Армавир, 2005. 389 с.
 6. История казачества [Электронный сетевой ресурс]. – Режим доступа: <http://kazak.neftekumsk.ru/history/56-kazak-history.html>
 7. Казачий Терек. 2012. №10(169) октябрь.
 8. Карг Х., Хансен Л.Ф. Северный Кавказ: народы на перепутье. СПб., 1996.
 9. Лурье С.В. Историческая этнология. – М., 2004.
 10. Маркедонов С.М. Государевы слуги или бунтари-разрушители?: к вопросу о политических отношениях донского казачества и Российского государства [Электронный сетевой ресурс]. – Режим доступа: http://www.cossackdom.com/articles/m/arkedonov_gosslugi.htm
 11. Мохов А.Е. Казачество в системе Российского государства: политологический аспект: автореф. дис. канд. политолог. наук. – М., 2005.

12. О пакете нормативных актов, регулирующих организацию и деятельность в Ставропольском крае: Решение Малого Совета Ставропольского краевого Совета народных депутатов от 29.04.1993 г. №40 // ВАПСК. – Оп.1 Д.660. Л.12.
13. О положении «О казачестве в Ставропольском крае»: Постановление Государственной Думы Ставропольского края от 30.05.1996 г. №370-29ГДСК // Сборник законов и других правовых актов Ставропольского края. 1996. №6. С. 13-19.
14. О порядке предоставления земельных участков казачьим сообществам в Ставропольском крае: Постановление Государственной Думы Ставропольского край от 30.05.1996 г. №371-29ГДСК // Сборник законов и других правовых актов Ставропольского края. 1996. №6. С. 20-23.
15. О создании краевого внебюджетного фонда «Возрождение казачества»: Постановление Государственной Думы Ставропольского края от 29.09.1994 г. // ВАПСК. – Оп.1 Д.341. Л.14.
16. Перепись 2002 [Электронный сетевой ресурс]. – Режим доступа: <http://www.perepis2002.ru>
17. Повышать удельный вес казачества в охране границы и общественного порядка // Казачий Терек. 2001. №5(36).
18. Русских – в жертву: о возрождении казачества на Северном Кавказе // Юридическая газета. 1992. №43.
19. Сошин Ю. Есть ли будущее у казачества? // Братина: литературно-художественный альманах. – М., 2007. Вып. 7.
20. Таранцов В.П. Особенности политической культуры современного казачества // Казачество Юга России в XXI в.: место и роль в обществе и государстве. – Ростов-на-Дону, 2001. С. 75-76.

МЕНТАЛЬНО-ТЕМПОРАЛЬНАЯ МАТРИЦА: МАТРИЧНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ КУЛЬТУРЫ

Ильинская Е.А.

*Санкт-Петербургский Гуманитарный Университет
Профсоюзов, Санкт-Петербург, Россия*

MENTAL-TEMPORAL MATRIX: MATRIX APPROACH IN STUDYING OF CULTURE

Ilinskaya E.A.

*Sankt-Petersburg University of the Humanities & social Sciences,
St.-Petersburg, Russia*

Цель работы: *создание универсальной матричной структуры для анализа культур по ментально-темпоральному признаку. Основные методы работы: формально-логический, системный, структурно-функциональный методы анализа; метод многомерных матриц и редукции. Научная новизна работы заключается в обосновании положения о том, что в структуре ментально-темпорального кода культуры между его элементами существует взаимосвязь, которая выстраивает соответствующие поведенческие паттерны в целостную развивающуюся систему. Результаты работы представляют интерес для специалистов в области культурологии.*

Ключевые слова: *категория времени; культура; менталитет; ментально-темпоральные установки; менталь-*

но-темпоральная матрица; восприятие времени; матричный подход.

*The **object of the work** is to create universal matrix structure for the analysis of cultures on mental-temporally sign. Basic methods of work: aristotelian, systematic, structural-functional analytical methods; method of multidimensional matrixes and reduction. The academic novelty lies in the validation of the idea that in structure of a mental and temporal code of culture between its elements there is an interrelation which builds the corresponding behavioral patterns in the complete developing system. The results of work are interesting for experts in cultural studies.*

Keywords: *a time category; a culture; mentality; mental-temporal attitudes; mental-temporal matrix; a time perception; matrix approach.*

Время пронизывает весь контент существования человека, подчиняет и структурирует его жизнь. Человечество еще не научилось управлять временем, вероятно потому, что физическая сущность данного понятия не определена, но вместе с тем время является продуктом культуры и цивилизации. Парадокс ситуации заключается в том, что нами управляет то, что мы создали собственными руками, а именно четкую синхронизирующую систему под названием время. Преодолеть власть времени практически невозможно, а если исключить темпоральную синхронизацию из нашей жизни, человеческая цивилизация перестанет существовать.

Онтологически уходя корнями в мифологию, время прочно обосновалось в сознании людей, и представляет собой универсальную категорию культуры. Смысловая интерпретация категории времени теснейшим образом связана с существующими ментально-темпоральными установками в культуре, репрезентируемыми в поведенческих паттернах носителей культуры. Таким образом, категория времени вплетается в культуру, менталитет, и определить степень качественного влияния идеи времени на самобытность культуры целесообразно с помощью матричного подхода, т.к. в этом случае представляется возможным более полно и точно выявить все возможные комбинации ментально-темпоральных установок в культуре и создать универсальную матричную структуру для анализа культур по ментально-темпоральному признаку.

Над созданием системной модели культуры работали многие философы, социологи и культурологи. То, что культурология достаточно молодая наука, обуславливает неоднозначность и размытость понимания предмета научного исследования, а именно культуры, и объясняет множество определений данного понятия. С другой стороны неопределенность порождает достаточную исследовательскую пластичность, что выражается в большом количестве культурологических идей и теорий, в какой-то мере связанных между собой. Так, например, концепция культурно-исторического типа Н.Я. Данилевского (1822-1885), и культурологический подход О.А.Г. Шпенглера (1880-1936), рассматривающего культуру как неповторимую органическую форму, в какой-то степени коррелируются с отождествлением культур с конкретным типом цивилизации. Рассматривая игровой характер культуры

Й. Хёйзинга (1872-1945), Х. Ортега-и-Гассет (1889-1955), Г. Гессе (1877-1962) неизбежно сужают аспект её эволюции; а в полемике Г. Ле Бона (1841-1931) и Г. Тарда (1843-1904) о наступлении «века толпы» у одного или «века публики» у другого, неминуемо теряется значение личности в истории и культуре.

Варианты системного анализа культуры были и в отечественной культурологии: концепция социокультурной эволюции, происходящей по спирали А.С. Ахиезера (1929-2007); М.С. Каган (1921-2006) рассматривал возможности синергетического подхода в областях гуманитарного знания; свою системную версию культуры выдвинули Л.Н. Коган (1923-1997), Э.С. Маркарян (1929-2011), Э.В. Соколов (1932-2003). М. Вебер (1864-1920) предложил абстрактные идеальные типы культур, представляющие собой образ-схему, обобщающую и упрощающую все возможные варианты культур. Вслед за Вебером американские антропологи А.Л. Крёбер (1876-1960) и К. Клакхон (1905-1960) сделали попытку дальнейшего развития концепции «культурных моделей». А.Л. Крёбер рассматривал культурные модели как некие абстракции, с помощью которых возможно рассматривать все элементы культуры в единстве. Модель культуры выступает в качестве основы культурных черт, а содержание будет зависеть от наполнения, которое в каждой культуре всегда свое. Введенное К. Клакхоном понятие «культурные паттерны» активно разрабатывается сегодня в социологии и культурологии.

Каждая разработанная модель скорее дополняет определенным смыслом существующие ранее модели, а не исключает их, но тем не менее сложно констатировать некоторое общее приближение к единой научной концепции культуры, как например,

в технических науках за последние несколько столетий. Рационализм западных ученых проявляется в том, что в социальных исследованиях отвергается все то, что не поддается рациональному объяснению, а именно сознание и чувства человека, его мысли, внутренний уклад и ментальные установки. Менталитет в западной науке определяется как склад ума, способ мышления без какой-либо чувственной составляющей. В рамках исследований российских ученых понятие «менталитет» стало рассматриваться без доминирования рационализма и существенно сдвинулось в сторону чувственного начала. Вместе с тем, феномен этнического менталитета может стать недостающим звеном в конкретизации научной картины мира и выявлении эффективности существующих социально-культурных концепций и теорий [6, с. 11]. Современным российским культурологом и философом Штуденом Л.Л. на базе теоретических работ К.Г. Юнга была разработана системная культурообразующая модель Ментальной Матрицы, включающая матрицы сверхсознания, надсознания, культуры, творчества в верхнем уровне модели и матрицы инфракультуры, подсознания, досознания на её нижнем уровне. Данная модель была сконструирована с целью создания аппарата системного анализа локальных культур для определения перспектив их дальнейшего развития и коррекции процессов дестабилизации [7].

В настоящем исследовании при разработке системаобразующей модели культуры в качестве базовых детерминант культуры взяты менталитет и категория времени. Все явления культуры имеют свою универсальную форму, тиражируемую из культуры в культуру, отраженную в недрах индивидуального и социального

сознания, образующую ценностно-смысловые константы культуры. Такой ценностно-смысловой константой является ментально-темпоральные установки носителей культуры, образующие своеобразный ментально-темпоральный код культуры, выражающийся в уникальном понимании социально-культурной действительности. Ментально-темпоральный код аккумулирует социальный опыт предыдущих поколений, формирует определенные паттерны поведения носителей культуры, отражается в отношении к бизнесу, экономике, политике, религии, формирует определенный стиль коммуникации и становится основой культурной идентификации людей и возможности определения ими своего места в конкретном обществе и в мире. Ментально-темпоральный код, благодаря вездесущности времени и архетипичности ментальности, определяет содержание всего социально-культурного континуума, влияет на все виды человеческой жизнедеятельности. Благодаря ментально-темпоральному коду носители конкретной культуры идентично воспринимают и реагируют на одни и те же социально-культурные процессы и явления. В структуре ментально-темпорального кода между его элементами существует взаимосвязь, которая выстраивает соответствующие поведенческие паттерны в целостную развивающуюся систему, проанализировать которую целесообразно через ментально-темпоральную матрицу.

При проектировании ментально-темпоральной матрицы мы используем метод многомерных матриц и метод редукции, заключающийся к обобщению всего многообразия социокультурных фактов к единой ментальной структуре, но при этом степень абстрагирования не превышает степени потери смыслового зна-

чения используемых понятий. Основными измерениями ментально-темпоральной матрицы являются: по оси X – ментальные установки на основные составляющие категории времени, а именно формы времени (прошлое, настоящее и будущее); по оси Y – возможные варианты ментальной реализации форм времени в культурах, классифицированных по темпоральному признаку, а именно темпорально-синхронных (резонансных) и темпорально-асинхронных культурах (инерционных и диссонансных) [3, с. 34-43]; по оси Z – уровни погружения индивида в культуру (профаный, интеллектуальный и теоретический). Надо учесть, что выделение предложенных вариантов измерений условно, т.к. в центре культурологического исследования стоит человек и культура, находящиеся под влиянием динамических факторов, что приводит к постоянному социально-культурному развитию и изменению от расцвета культуры до деградации. Поэтому количество измерений матрицы и уровней в рамках конкретного измерения может быть произвольным, и в конечном виде ментально-темпоральная матрица будет представлять собой фрактальную ментально-темпоральную гиперматрицу с произвольным числом измерений.

С помощью ментально-темпоральной матрицы мы можем выделить основные свойства темпорально-синхронных и темпорально-асинхронных культур с последующим обоснованием личностных ментально-темпоральных характеристик носителей данных культур, что имеет высокое прикладное социально-культурное значение.

В рамках культурологической концепции времени мы рассматриваем время как цивилизационный компонент синхронизирующий деятельность общества. Важным в данном случае является

не физическая сущность времени, а социальная, заключающаяся в первую очередь в темпоральной синхронизации деятельности людей в цивилизационном поле. Цивилизационная проблематика достаточно широко освещена в научной литературе, но единого общепринятого определения понятия «цивилизация» на сегодня нет. В данном исследовании мы будем придерживаться теоретической конструкции цивилизации, сложившейся в рамках культурно-исторического подхода, а именно в следующем значении: «Социокультурная общность, формируемая на основе универсальных, т.е. сверхлокальных ценностей, получающих выражение в мировых религиях, системах морали, права, искусства» [2, с. 13]. В соответствии с данным определением мы разводим понятия «цивилизация» и «культура» для осмысления интегрирующего потенциала цивилизации, способной соединять в себе многообразный культурный контент, с последующим выделением и вводом в глобальную эксплуатацию тех или иных технологий. В контексте данной работы в качестве примера цивилизационной универсалии можно привести время и часы. Вместе с тем, жесткое противопоставление цивилизации и культуры может привести к отрицанию культурного смысла современной цивилизации. Как пишет современный российский философ В.М. Межуев: «... если мы сталкиваем цивилизацию в непримиримом конфликте с культурой, то тогда, желая избежать утопизма, мы автоматически подписываем культуре смертный приговор, обрекаем её на неизбежный конец» [4, с. 258]. Невозможно отрицать тот факт, что современная техногенная цивилизация возникла на основе уникальных особенностей западной культуры, способной вбирать и трансформировать под себя достижения всего человечества. По-

этому мы рассматриваем процесс темпоральной синхронизации именно по отношению к западной цивилизации.

Итак, результаты решения сконструированной ментально-темпоральной матрицы с обобщенным Z – уровнем представлены в ментальной карте.

Ментальная карта

	Ментально-темпоральные установки носителей культуры		
	<i>прошлое</i>	<i>настоящее</i>	<i>будущее</i>
Темпорально-синхронные культуры	четко выстроенная иерархия исторических событий; превалирование настоящего над прошлым; прошлое не идеализируется, а рационально анализируется для обобщения информации и дальнейшего её использования в настоящем и будущем; вектор времени всегда направлен в будущее.	настоящее четко организовано и заранее запланировано; жизнь в настоящем и решение проблем осуществляется поэтапно, учитывая реалии сегодняшнего дня; действия в основном направлены в будущее; время имеет высокую цену, выраженную в деньгах.	горизонт планирования простирается на всю человеческую жизнь; приоритетность выполнения задач во времени определяется логикой; будущее должно быть лучше, чем прошлое.

Темпорально-асинхронные культуры	прошлое идеализируется на всех социальных уровнях; существует практически непреодолимый положительный культ прошлого; прошлое социально важнее настоящего и будущего; носителям культуры типично особое душевное состояние – ностальгия; время циклично.	настоящее воспринимается как некий миг между значимым прошлым и непредсказуемым будущим, что обуславливает неспешность протекания настоящей жизни с тенденцией откладывания проблем на необозримое будущее.	горизонт планирования узкий, т.к. будущим невозможно управлять; приоритетность выполнения задач во времени определяется субъективными переживаниями; распределение времени подчинено человеческим чувствам.
----------------------------------	--	---	---

С помощью сконструированной ментально-темпоральной матрицы можно расшифровать ментально-темпоральный код любой культуры, выявив соответствующие поведенческие паттерны, сформированные у носителей данной культуры. Сложность заключается в том, что по нашему мнению достоверно выявить устойчивые ментально-темпоральные установки может носитель данной культуры, или человек, который долгое время осуществлял коммуникации с носителями и хорошо владеет их родным языком. Выявление особенностей менталитета являются наиболее сложным при кросскультурных исследованиях. В нашем случае мы попытаемся проанализировать ментально-темпоральные установки представителей русской культуры, т.к. автор данного исследования принадлежит именно к ней.

Поведенческие паттерны и ментальные особенности характера представителей русской культуры уже описаны в специальной литературе, об том писали русские философы Н.О. Лосский, Н. Бердяев, Н. Ильин, Л.П. Карсавин и другие. Ментально-темпоральные установки и связанные с ними модели поведения русских порой способны поставить в тупик представителя западно-европейской культуры и нарушить в какой-то момент уже выстроенную цепь коммуникации. Для того чтобы успешно вести бизнес с русским человеком необходимо иметь представление об особом своеобразном восприятии времени в данной культуре.

Построим анализ в соответствии с измерениями ментально-темпоральной матрицы по оси X, а именно в соответствии с ментальными установками на основные составляющие категории времени: прошлое, настоящее и будущее.

Прошлое для русского человека всегда было более важно, чем настоящее и будущее, что обуславливает типично русское душевное состояние как ностальгия. Причем данное понятие трактуется не только как «тоска по родине», но и сожаление по прошедшим событиям в детстве, в юности или по местам, где раньше приходилось жить. Русский человек более склонен обсуждать пройденный путь, чем строить планы на будущее. Эту особенность русского характера подмечал А.П. Чехов в своем рассказе «Степь»: «русский человек любит вспоминать, но не жить». Ностальгия мешает русским быстро адаптироваться в эмиграции, что выражается в определенных трудностях при инкультурации. Представители современных русских старшего поколения ностальгируют по бывшей империи СССР, постоянно сравнивая их советскую жизнь с современностью, практически всегда в пользу

прошедшего времени. Важность прошлого для русского сознания выражается в поисках моральной опоры для будущих действий и решений. Столь глубокая привязанность к прошлому объясняется не ограниченностью ума, а попыткой проанализировать прошлое, просчитать все последствия и результаты своих прошлых действий для создания оптимальной модели поведения и экстраполяции положительного опыта в будущее. Недаром русские народные поговорки гласят: «наперед не загадывай», «иди вперед, а оглядывайся назад» и т.п. В русской культуре существует практически непреодолимый культ прошлого, выражающийся не только в априорно-положительном отношении к прошлому, но и обреченно-неизбежному отношению к будущему: «Что было, то видели; что будет – увидим; а еще и то будет, что и нас не будет» [1]. Организовывать перспективу действий для представителя русской культуры всегда сложно, т.к. подсознательно это абсолютно бесполезное занятие: «Чему быть, того не миновать». Более привлекательным является подробный анализ произошедшего с подбором вариантов своих возможных действий для события в прошлом. Многие сюжеты русских романов и рассказов построены на основе воспоминаний рассказчиков о событиях в своей жизни или жизни знакомых им людей, когда вектор времени направлен не в будущее, а в прошлое. При деловых контактах необходимо учитывать данную априорно-положительную ментально-темпоральную установку русского архетипа.

Особенностью восприятия настоящего носителем русской культуры является эмоциональная окраска и субъективное отношение к выполнению задач во времени, т.е. распределение времени подчинено не столько логике, а сколько чувствам. Придя

вовремя, опоздав или отменив встречу в последнюю минуту, мы подчас пускаемся в пространные объяснения личного характера о своих проблемах и обстоятельствах жизни, о тяготах и невзгодах, что обескураживает представителей других культур и может осложнять деловые отношения. Непредсказуемость будущего выражается в поведении тем, что русский человек подсознательно готов к преодолению трудностей в каждый момент времени, поэтому запланированная цепь событий может быть прервана в любой момент. Влияние на будущее закреплено за высшими силами: «Человек полагает, а Бог располагает», поэтому планировать что-то можно, но всегда надо быть готовым к неожиданному повороту событий. Это выражается в наличие достаточно узкого горизонта планирования, сформированного под гнетом жесткой реальности российской жизни, что затрудняет формирование долгосрочных жизненных планов.

Время для представителей русской культуры всегда циклично, что подтверждается этимологией слова «время», произошедшего от древнеславянского «веремья» и связанного со словами «вертеть», «веретено» [5, с. 187]. Идея времени в русском сознании связана с движением по кругу, цикличностью и повторяемостью. А, например, немецкое *Zeit* происходит от глагола *ziehen*, что в переводе означает «тянуть» и указывает нам на наличие линейного образа времени в сознании немцев.

Разница в темпоральных установках имеет колоссальное прикладное значение. Если на жизненном пути западный человек решает проблемы «по шагам», по четко выстроенному плану двигается к цели, учитывая сегодняшние преимущества, то русский человек не так самонадеян, не ищет быстрых решений, ведь

лучше «семь раз отмерить», прежде чем решиться на что-то, а то и отложить окончательное решение, ибо «Утро вечера мудренее».

Таким образом, используя матричный подход в изучении культуры, мы проанализировали ментально-темпоральные установки представителей конкретной культуры, выявили темпоральные особенности русского архетипа, обуславливающие наличие своеобразных поведенческих паттернов. При помощи сконструированной универсальной ментально-темпоральной матрицы можно сделать вывод, что русская культура с определенными упрощениями и оговорками обладает признаками темпорально-асинхронной культуры, что позволяет сохранять культурную самобытность, уникальность и своеобразие русского характера.

Список литературы

1. Даль В.И. Избранные пословицы русского народа: Словарь. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2013. 304 с.
2. Ерасов Б.С. Цивилизация: слово – термин – смысл // Цивилизации и культуры. Вып. 2. Россия и Восток: цивилизационные отношения. – М.: Институт востоковедения РАН, 1995. С. 13.
3. Ильинская Е.А. Культура и время. – СПб.: Астерион, 2014. С. 34-43.
4. Межуев В.М. Национальная культура и современная цивилизация // Освобождение духа. – М.: Политиздат, 1991. С. 258.
5. Сергеева А.В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. – М.: Флинта: Наука, 2012. С. 187.
6. Шнейдер Л.Б., Вальцев С.В. Социально-психологические особенности национального менталитета. – М.: Издательство

Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2009. С. 11.

7. Штуден Л.Л. Кризис сознания как феномен культуры: Автореф. дис. ...д-ра фил. наук. – Екатеринбург, 2000. 39 с.

ЗАЧЕМ И КАК УЧИТЬ МУЗЫКЕ

Клипп О.Я.

*Московский педагогический государственный университет,
Москва, Россия*

WHY AND HOW TO TEACH MUSIC

Klipp O.Y.

*Moscow state pedagogical University,
Moscow, Russia*

В статье поднимаются вопросы, касающиеся музыкального образования. Также рассматривается процесс обучения музыке. В частности затрагиваются вопросы мотивации обучения музыке и отбора музыкального материала.

Ключевые слова: *обучение музыке; обучение детей и взрослых; психологическое состояние; музыкальный материал; музыка; музыкальное воспитание; умения и навыки; принципы обучения.*

The article raises questions about music education. Also discusses the process of learning music. In particular addresses the issues of motivation and selection of musical material.

Keywords: *music education; teaching children and adults; psychological state; music; music education; skills; principles of learning.*

Зачем нужно учить музыке детей и взрослых? Основываясь на чём нужно учить музыке? Как отбирать музыкальный материал для обучения музыке? Всё это актуальные вопросы, на которые педагоги-музыканты стремятся получить ответ.

Зачем нужно учить музыке?

Музыка – это искусство, прежде всего, слуховых впечатлений. Следовательно, музыка всегда либо даёт нам знание об окружающем мире, либо каким-то образом дополняет это знание. При этом слушаем, мы и чувствуем, и испытываем, и различаем, и оцениваем, а значит мыслим. Кроме прочего мы ещё знакомимся с такими понятиями, как ритм, динамика, темп, тембр и т.д. Накопление же музыкальных впечатлений обязательно способствует развитию музыкальных интересов, потребностей и способностей любого ученика.

В античные времена музыка, как занятие, не уступала по важности медицине. В Древней Греции обучаться пению и инструментальной музыке в обязательном порядке должны были все граждане до тридцати лет.

Но, строго говоря, главной задачей музыкального воспитания является не столько обучение музыке, сколько воздействие через

неё на весь духовный мир учащегося. В отношении обучения детей В.А. Сухомлинский говорил: «То, что упущено в детстве, никогда не возместить в годы юности и тем более в зрелом возрасте. Это правило касается всех сфер духовной жизни ребёнка и особенно эстетического воспитания». Необходимо, однако, подчеркнуть, что с позиции сегодняшнего дня, с точки зрения общественной, с точки зрения процесса воспитания, сам факт вовлечения ребёнка или подростка в активную художественную деятельность является значительно более ценным, чем результат этой деятельности. Влияние музыки на формирование и проявление психики человека огромно. Она может воздействовать на физиологию и эмоциональную сферу нашей психики гораздо сильнее, чем какой-либо иной вид искусства.

В процессе обучения специальным умениям и навыкам в любом виде музыкального искусства у учащихся помимо специальных способностей развиваются и активизируются внимание, память, мышление, эстетический вкус, эмоциональность, формируется потребность в художественно-творческом труде, складываются взгляды и убеждения. Участники больших и малых музыкальных коллективов наряду с развитием вышеперечисленных навыков приобретают ещё и большой социальный опыт. Формируются такие качества как взаимовыручка, трудолюбие, чувство коллективизма и ответственности, возникает чувство радости от совместной музыкально-исполнительской деятельности. Музыкальное воспитание всегда оказывает влияние не только на эмоционально-эстетическое становление личности, но и на умственное развитие этой личности. Воспитание слуха и голоса сказывается

на формировании речи, а воспитание ладового чувства связано с развитием способности нервной системы к регулированию процессов возбуждения и торможения, протекающих в организме, а эта способность, как известно, лежит в основе всякой деятельности, в основе поведения человека.

Основываясь на чём нужно учить музыке?

Обучение музыке должно приносить радость. Ощущение радости от музыкально-педагогического процесса должно быть основным признаком точности и продуктивности выбранной методики. Радость от соприкосновения с музыкой можно испытать опираясь в методах обучения исключительно на творческое начало. Должны быть не формальные уроки музыки, в которых выхолащивается сама суть музыкального, творческого образования, а очень осторожное и естественное движение по пути раскрытия музыкальных инстинктов. Причём обучение музыке должно проводиться по принципу от простого к сложному, при этом применяя различные способы улавливания и развития музыкальности.

Основными видами любой музыкальной деятельности по Б.Л. Яворскому являются: восприятие, сочинение и исполнение. Восприятие – это слушание музыки, сочинение – это композиция, исполнение подразумевает профессиональное владение голосом или музыкальным инструментом. Все эти три вида музыкальной деятельности находятся в неразрывной связи с понятием музыкальности. Слушая музыку, мы не только знакомимся с новыми музыкальными произведениями и их авторами, но и оцениваем их с точки зрения эстетической, эмоциональной, фактурной, дифференцируем музыку по степени сложности, оценивая, сможем

ли сами исполнить данное произведение. Исполняя же, мы формируем исполнительский репертуар, работаем над художественным образом, который необходимо воплотить в данном произведении, активно развиваем тембр, слух, музыкальное мышление, обогащаем иные исполнительские возможности. Сочинение музыки среди этих трёх видов музыкальной деятельности является наиболее сложным.

Необходимо знать законы гармонии, владеть каким-либо музыкальным инструментом, иметь развитое художественно-творческое воображение, не быть банальным в сочинительстве или ещё хуже плагиатором. Б.В. Асафьев утверждал, что «с развитием полезных слуховых навыков через слушание музыки и музыкально-исполнительскую работу, развиваются и музыкально-творческие навыки. Их необходимо воспитывать потому, что тот, кто ощутил в любой сфере радость творчества, будет воспринимать и ценить всё самое лучшее с большей интенсивностью, чем пассивный слушатель». В воспитании творческого начала, без которого невозможно по-настоящему ни исполнять, ни сочинять музыку, огромную роль, на наш взгляд, должна играть импровизация. Импровизация, конечно, важна как приём в джазовом исполнительстве, но она ещё как ничто другое способна подтолкнуть человека к самостоятельной творческой деятельности.

Музыкальная деятельность с точки зрения обучения музыке должна представлять собой процесс, при котором для выработки умений и навыков обязательно привлекались бы к участию и активизировались одновременно многие и разные нервные механизмы: слуховой, голосовой, зрительный, тактильный, общедви-

гательный. В этом случае обучение будет подчинено принципу комплексности музыкального развития.

Как отбирать музыкальный материал для обучения музыке?

При выборе музыкального материала необходимо быть достаточно осторожным. Часто бывает так, что произведение, которое представляется педагогу высокохудожественным и эстетически ёмким, не только не способно взволновать ученика, но и считается им неким анахронизмом, архаикой, не заслуживающей какого-либо внимания, не соответствующим времени продуктом. При этом, и это распространённое явление, ученик может навсегда потерять интерес к какому-либо обучению музыке. Поэтому сегодня одной из основных задач педагога, на наш взгляд, является умелая, основанная на тонком чутье, профессионализме, учитывающая сегодняшнюю музыкальную картину мира работа с музыкальным материалом, а, следовательно, работа по формированию художественно-эстетического и нравственного вкуса ученика.

Произведения должны отбираться не только по содержанию и художественной ценности, но и по восприимчивости и доступности соответственно возрасту и уровню общего и музыкального развития ученика. Д.Б. Кабалевский говорил, что «значительная часть педагогов во всём мире стоит на той точке зрения, что музыкальное воспитание должно строиться на органичном сочетании трёх элементов: народной, классической и современной музыки. Чаще всего споры касаются третьего элемента – современного творчества». Сегодня благодаря проникновению мировой музыкальной культуры, с её разнообразием стилей, жанров и

направлений, во все средства массовой информации, у учеников довольно рано – в домашней среде, вне школы – формируются собственные музыкальные приоритеты, пристрастия и вкусы. Поэтому не догма и не формализм со стороны педагога должны являться определяющими на любом этапе выбора и работы с музыкальным материалом, а чуткое, внимательное отношение к мнению самого ученика и, конечно, необходимость постоянного развития специальных знаний, умений и навыков, основанная на принципе связи с практикой, а также постепенности и последовательности обучения. То есть всегда необходимо учитывать сегодняшние тенденции развития музыкального вида искусства, а усложнение музыкального материала и исполнительских качеств должно происходить по мере усвоения задач, поставленных перед учеником педагогом.

Список литературы

1. Абдуллин Э.Б. Методологическая культура педагога-музыканта. – М., 2002.
2. Алиев. Ю.Б. Настольная книга школьного учителя-музыканта. – М., 2002.
3. Апраксина О.А. Из истории музыкального воспитания. Хрестоматия. – М., 1990.
4. Безбородова Л.А. Методика преподавания музыки в общеобразовательных учреждениях. – М., 2002.

**РАЗНОВИДНОСТИ ДУХОВНОЙ МУЗЫКИ
СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ: ИХ ИСТОКИ, ВЛИЯНИЕ
НА ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДЖАЗОВОГО И ЭСТРАДНОГО
МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА**

Клипп О.Я.

*Московский педагогический государственный университет,
Москва, Россия*

**VARIETIES OF SPIRITUAL MUSIC IN NORTH AMERICA:
THEIR ORIGINS, IMPACT ON THE EMERGENCE
OF JAZZ AND POP MUSIC ART**

Klipp O.Y.

*Moscow state pedagogical University,
Moscow, Russia*

В статье раскрывается понятие «духовной музыки», как вида музыкального искусства. Определяются три составляющие музыкального искусства, повлиявшие на зарождение и становление джазовой, а затем эстрадной музыки. Рассматриваются разновидности североамериканской духовной музыки, основанной на африканской и европейской музыкальной культуре.

Ключевые слова: *духовная музыка; африканская духовная музыка; европейская духовная музыка; спиричуэл; госпел; музыкальное образование; история духовной музыки.*

The article reveals the concept of «sacred music», as a form of musical art. Defines three components of musical art, which influenced the origin and development of jazz, and then pop music. Discusses varieties of North American spiritual music based on African and European musical culture.

Keywords: *spiritual music; African sacred music; European sacred music; spiritual; gospel; music education; history of sacred music.*

В эстрадном музыкальном образовании рассмотрение вопросов возникновения джаза и эстрадного музыкального искусства по-прежнему является актуальным. Надо отметить, что на сегодняшний день не все аспекты эстрадного музыкального искусства стали предметом рассмотрения и изучения. В частности вопросы, связанные с возникновением джазового и эстрадного музыкального искусства всё ещё остаются мало исследованными.

Духовная музыка – это музыка, исполняемая на тексты религиозного содержания и созданная для проведения процесса богослужения, в основе духовных песнопений всегда обязательно находится религиозная идея. Этот вид музыки всегда был предназначен для совершения обрядов, молитв и богослужений, довольно часто жители различных стран исполняли либо слушали религиозную музыку в домашних условиях с целью ощутить умиротворение и истинное единение с Богом. Духовная музыка – это бесценный пласт культуры каждого уважающего себя народа и всего человечества в целом. У каждого народа существует своя вера, свои традиции, соответственно, и духовная музыка каждого из народов имеет свои индивидуальные особенности. Религиоз-

ные тексты обычно бывают хоть и разного содержания, но суть их, как правило, одна.

Вопрос о существующей связи и борьбе за первенство народной музыки с духовной, как и на протяжении многих веков, остаётся актуальным и сегодня. С одной стороны религиозные песни, постепенно приобретая популярность в народе, со временем переходили в категорию народной музыкальной традиции, так, например, случилось с религиозными рождественскими песнями в Польше, Франции, Англии и Германии, которые со временем стали считаться народными (коляды, кароли, ноэли). С другой стороны, часто народная музыка, развиваясь в противовес религиозным канонам, вступала в некий антагонизм с существующим религиозным искусством.

Мы знаем, что на протяжении веков духовная музыка развивалась не самостоятельно, а в постоянном взаимодействии со светской и народной музыкой. Сегодня религиозная музыка составляет целый огромный пласт духовной культуры каждого живущего на Земле народа.

Можно сказать, что духовная музыка Северной Америки возникла под влиянием взаимодействия духовной музыки Африки и духовной музыки Европы, и в дальнейшем явилась одной из составляющих возникновения на американской земле джазового, а позже эстрадного музыкального искусства.

Двумя другими составляющими возникновения джазового, а затем эстрадного музыкального искусства, наряду с духовной музыкой, можно считать народную музыку Северной Америки и светскую музыку Северной Америки.

Формирование различных видов американской духовной музыки происходило при активном влиянии друг на друга духовной африканской и духовной европейской музыки и результатом объединения этих двух видов явились новые духовные музыкальные жанры спиричуэл и госпел. Учитывая сложность данного процесса объединения двух духовных культур – чёрного и белого населения – и огромную роль американской духовной музыки в возникновении джазового музыкального искусства, следует рассмотреть историю появления и развития двух разновидностей духовной музыки на территории США.

Христианская религия была представлена в Америке двумя основными разновидностями – католицизмом и протестантизмом. Католики в основном – это испанцы и французы, проживающие на юге США, протестанты – англичане, которые контролировали северную часть страны. Негритянское население не противилось собственному обращению в новую для них христианскую веру, поскольку эта вера давала рабам, задавленным невыносимыми условиями существования, определённую, пусть даже иллюзорную, надежду на спасение души и избавление от всех земных невзгод. В церкви рабы, не боясь быть наказанными, могли мысленно отстраниться от тяжёлой, страшной реальности повседневной жизни и, что важно, излить вслух свои мысли и чувства. Обращение рабов в христианство медленно и постепенно приводило к совмещению в сознании чёрного населения собственно африканских религий с европейской христианской культурой. Такое объединение различных по своему характеру религий на севере и юге Северной Америки по-разному отражалось на сознании негритянского населения.

На юге США проживала основная часть рабов завезенных в Северную Америку. Католическая вера белого населения на юге страны тяготела к театрализации своих религиозных церемоний, к культовой символике, и в то же время была достаточно терпимой к проявлению чёрным населением во время богослужения различных религиозных действий из африканских культов. Поскольку негритянскому населению также было свойственно костюмирование, идолопоклонничество и некая театрализация духовных песен с музыкой, танцами и пением, то в этом случае почти не существовало противоречий между католицизмом и африканскими религиями, что способствовало их постепенному слиянию и последующему объединению.

Протестанты, жившие на севере США, в силу своего пуританского мировоззрения, печатая различные музыкальные сборники, состоящие исключительно из гимнов и псалмов, и открывая новые университеты, считали себя во многом носителями культуры будущей Америки. С другой стороны, не принимая театр и музыку, не принимая никаких развлечений и никакого легкомыслия, не принимая другие музыкальные жанры в храмах кроме псалмов, протестанты достаточно жёстко относились к проявлению иных чуждых им форм церковного музицирования.

Долгое время использование музыкальных инструментов в богослужении американских церквей не поощрялось. С другой стороны в самом начале XVII века домашнее пение псалмов и музицирование на различных музыкальных инструментах было довольно популярным занятием первых жителей США. Первые органы в протестантских церквях появились лишь во второй половине XIX века. И еще несколько десятилетий основными ин-

струментами оставались органы и фортепиано. Структура богослужения протестантских церквей, в отличие от католической мессы или православной литургии, не канонизирована и имеет достаточно большую свободу в выборе музыкального материала и форм его исполнения. Церковное пение хора или солистов, а также органная или другая инструментальная музыка были призваны содействовать главной цели – подготовить прихожан к молитве и восприятию проповеди, а также посредством участия в общем пении вовлечь в богослужение.

В духовной протестантской службе проявления черт африканского культа, которые просачивались в процесс богослужения, всячески пресекались. В общем, и это характерно как для католицизма, так и протестантизма, христианская церковь на протяжении нескольких столетий, защищая социальные устои, основанные на жёсткой эксплуатации негритянского населения, призывала всех рабов к покорности и смирению. Но в последние десятилетия 18 века, когда ситуация в стране в отношении рабов стала коренным образом меняться, представители всех религий, даже сектанты, были вынуждены в определённой степени поддержать негритянское население и выступить с резким осуждением рабства и работорговли. После такого поворота событий со временем, в последней четверти 18 века, стараясь избежать излишней духовной опеки со стороны белых, негры стали организовывать свои тайные духовные общины, ведущими среди которых на тот момент стали секты баптистов и методистов. На духовных собраниях своей общины негритянское население позволяло себе много свободы, как в идейном смысле, так и в форме выражения своей любви к Богу, на что белое население страны,

представлявшее католическую веру, всегда смотрело достаточно снисходительно. Религиозный синкретизм или соединение в сознании негритянского населения различных религиозных представлений, в дальнейшем приводил к образованию новых типов религиозных культов, например культ «вуду». Такой религиозный синкретизм был неразрывно связан с синтезом средств музыкальной выразительности европейской и африканской культуры, которые своим объединением на американской земле создавали совершенно новые художественные явления и музыкальные жанры.

Прежде, чем рассматривать спиричуэл и госпел – виды религиозного музицирования самым непосредственным образом повлиявшие на возникновение джаза на американской земле, необходимо в исторической последовательности остановиться на некоторых других видах культовой музыки американских негров, явившихся во многом предвестниками возникновения спиричуэл и госпел. К такой культовой музыке можно отнести ринг-шаут, сонг-сермон, джюбили.

Ринг-шаут – это групповой танец, где исполнители двигались по кругу друг за другом против часовой стрелки, при этом, не отрывая ног от пола. Такой танец обычно являлся кульминацией молитвенного собрания негров. Танцующие двигались вперёд за счёт быстрых и резких движений корпуса, что придавало танцу определённую интенсивность и динамику, при этом плечи их были согнуты, а руки расставлены. Не принимающие участия в танце другие члены религиозной общины располагались вдоль стен и с различной ритмической последовательностью хлопали в ладоши и топали ногами. Проповедник при этом издавал возгласы, а молящиеся с определённой периодичностью и последо-

вательностью ему отвечали. В вокальных партиях использовались глиссандо, грязные блюзовые ноты, синкопированный организующий данное действие ритм. В своей кульминации танец достигал большого физического и эмоционального накала, затем раздавались отдельные крики, и начиналось кружение каждого из участников с погружением в экстатическое состояние.

Сонг-сермон – это песни-проповеди, где ритм по-прежнему являлся организующим началом, а танцевальные движения были необязательны. Такие песни в процессе религиозной церемонии возникали, как правило, спонтанно, когда проповедник что-то провозглашал, а паства отвечала ему. Проповедник импровизировал, постоянно внося изменения в мотивы, пока не находил наиболее подходящий для себя вариант мелодии и переключка в процессе музыкального действия не оформлялась в мотивы и фразы и не прояснялась гармоническая основа и форма произведения. По сравнению с ринг-шаут в сонг-сермоне значение ритма было менее обозначено и, следовательно, возрастала роль мелодии, гармонии и текста.

Джюбили – это песни-прославления, в основе которых лежал европейский христианский гимн. Для джюбили характерны жизнерадостность, энергичность, чёткость ритма и оптимизм содержания, здесь отпадала необходимость в вопрос-ответной форме, а также преобладали мелодическое начало и структурная чёткость музыкального произведения. Пение джюбили было основано на длительном повторении темы гимна, при этом расцветиваемой импровизационными подголосками и мелизмами. Мелодия развивалась не с помощью сквозной импровизации, а по принципу вариационности строф.

Спиричуэл

Возникновение спиричуэла, как разновидности хоровой духовной американской музыки – это результат смешения и взаимодействия европейских и негритянских элементов в музыкальной культуре США. Спиричуэл – это по-настоящему уникальное явление афроамериканской музыкальной культуры. Одними из основных черт данного жанра являлись библейский характер текстов, сюжетно связанных со Старым Заветом, специфический круг образов и выразительных средств, а также коллективный способ исполнения спиричуэла, при котором Богу поверялись не личные помыслы и страдания, а общинные. Своё повсеместное распространение спиричуэл получил на территории США в 18 веке.

К европейским влияниям на возникновение спиричуэла как жанра надо отнести пуританский церковный гимн, песнопения баптистов и методистов, католические псалмы, англокельтскую балладу с её незамысловатыми текстами, песни и танцы различных народов Европы. Коренное отличие спиричуэла от английской баллады состоит в преобладании музыки над текстом, который создавал лишь общее настроение музыкального произведения. Англокельтская светская и духовная музыка оказали наибольшее влияние на возникновение спиричуэла, как нового церковного пения среди всех остальных европейских истоков. К европейским чертам спиричуэла можно отнести такие черты, как пентатоничность, в гармонии принцип функциональности кварто-квинтовых соотношений в отличие от африканских параллелизмов, в мелодике оформленность построений фраз и мотивов, каденции. Также тема скорби, свойственная спиричуэлам,

по характеру совпадает с традиционной для европейского композиторского творчества трактовкой трагического начала, но в спиричуэлах, сформировавшихся в атмосфере христианства и неотделимых от духовного гимна, страдание сливается с чувством христианской веры.

Африканскими чертами в спиричуэле можно считать пентатоничность лада, параллельные интервалы, полиритмию, блюзовый звукоряд, глиссандо, мелизматику, вопрос-ответный принцип, одним из основных африканских признаков являлась импровизация. В спиричуэле обнаруживается больше органичности и больше внутренней целостности по сравнению с другими духовными жанрами негритянской музыки. Происхождение и развитие спиричуэла во многом и тесно связано с предшествующей музыкой афрохристианских культов, с негритянскими трудовыми песнями и блюзами.

В начале 19 века в религии американского белого населения существовало евангелистское движение «второе пробуждение». Оно несло идею обращения к религиозной практике более эмоциональное, нежели официальная практика 18 века. Собrania проходили несколько ночей подряд в лесу или в поле, где молящиеся слушали проповеди и пели гимны. При кульминации кричали, стонали и часто впадали в транс. Эти собрания были очень похожи на культовые обряды и ритуалы Африки, поэтому негритянское население тоже участвовало в них, а после угасания этого движения у белых негритянское население продолжало следовать этим обрядам.

Спиричуэл можно различать по географическим признакам:

- 1) южный – исполняемый на юге США – свободный, импровизационный, горячий, экспансивный, с опорой на афри-

канские средства выразительности, характеризующийся также вольным обращением с мелодией и гармонией;

- 2) северный – исполняемый на севере США – более спокойный, уравновешенный, с опорой на мелодизм европейского религиозного песнопения, на простоту и строгость гармонии, характеризующийся также небольшим использованием импровизации, мелизматики и подголосков.

Спиричуэл также различают по виду:

- 1) хот-спиричуэл – наиболее ранний, аутентичный жанр духовной негритянской музыки на территории США;
- 2) софистикейтед-спиричуэл – утончённый, усложнённый, с привнесением элементов блюзовой и джазовой мелодики и гармонии;
- 3) концертный спиричуэл – зафиксированный в нотной записи, исполняемый в концертах, но с утерей не передающихся с помощью нотной записи характерных исполнительских деталей и приёмов.

Мелодии многих спиричуэлов послужили основами джазовых тем, в дальнейшем ставшими джазовыми стандартами.

Госпел

Госпел (Евангелие) – одна из модификаций спиричуэла, содержанием песен которого являются сюжеты и повествование Нового Завета. Госпел существовал и ранее, но популярностью стал пользоваться, начиная с тридцатых годов 20 века. В госпел, в отличие от спиричуэла, выражающего коллективное или об-

щинное чувство, преобладает индивидуальное начало, то есть исполняется солистом сольно, что во многом сближает его с блюзом и балладой. Одним из основных качеств госпела является наличие в нём джазового бита и свинга. От остальных духовных стилей его отличает импровизационность, наличие блюзовых нот и определённых черт джазового вокала. Как правило, госпел создаётся профессиональными композиторами на стихи поэтов, исполняется под аккомпанемент фортепиано или небольшого инструментального ансамбля. Госпел не является частью религиозной церемонии и имеет художественное, концертное, а не прикладное значение. Импровизация в госпеле – это, как правило, преобладание варьирования мелодии, с обогащением её различными вокальными приёмами, над варьированием гармонии. Госпел иногда несёт на себе отпечаток других музыкальных жанров, таких как буги-вуги, ковбойских напевов хилл-билли, ритмики вальса, рок-н-ролла.

Известными исполнителями спиричуэлов и музыки госпел были Михелия Джексон с джазовым оркестром Дюка Эллингтона, великий джазовый трубач Луи Армстронг, который записал несколько спиричуэлов, Томи Дорси – руководитель джазового оркестра, который написал огромное количество госпел-сонгов. Необходимо сказать, что творчество великого исполнителя соул музыки Рэя Чарльза формировалось во многом благодаря и под воздействием музыки госпел. Гершвин и Дворжак писали произведения, основанные на спиричуэлах.

Спиричуэл и джаз по специфике музыкального языка, по художественным приёмам, по кругу образов не идентичны, так как спиричуэл, являясь проявлением духовного начала на американ-

ской земле, по сути, продолжает традиции протестантского хора. Негритянское население в церкви гораздо проникновеннее выражало своё горе угнетённого народа и надежду на лучшую жизнь, чем белое население, исполняющее европейские религиозные гимны. Обладая иным по сравнению с белым населением тембром голоса, иным чувством ритма и произношением, негры во многом подсознательно изменяли, преобразовывали протестантские хоралы и подчиняли их своей натуре, своему темпераменту.

Отношение негритянского населения к джазу не как к развлечению, а как к неизбежному порождению окружающей их действительности, полной несправедливости и страданий, как и в религии, способствовало довольно простому взаимопроникновению элементов религии и джаза друг в друга, поэтому джаз для негров всегда являлся не просто музыкой, а частичкой их собственного «я». Надо заметить, что многие современные западные священнослужители рассматривают джаз как одну из разновидностей религиозной музыки, а религиозную музыку как одну из разновидностей джаза.

Список литературы

1. Барбан Е. Джазовые диалоги интервью с музыкантами современного джаза. – СПб. Композитор, 2006.
2. Бондаренко В., Дроздов Ю. Энциклопедия популярной музыки. – Мн.: Издательский центр «Экономпресс», 2002.
3. Верменич Ю. И весь этот джаз. – Воронеж: «ИНФА», 2002.
4. Королёв О. Краткий энциклопедический словарь джаза, рок- и поп-музыки. Термины и понятия. – М.: Музыка, 2002.

5. Музыка наших дней. Современная энциклопедия. – М.: «Аванта+», 2002.
 6. Овчинников Е. Джаз как явление музыкального искусства: К истории вопроса. – М.: ГМПИ им. Гнесиных, 1984.
-

**ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО
КОНТРОЛЯ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ:
ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Коваленко С.В., Сазонова Л.А.

*Дальневосточный федеральный университет,
Владивостокский государственный
университет экономики и сервиса,
Владивосток, Россия*

**FORMATION OF A SYSTEM OF SOCIAL CONTROL
IN THE FAR EAST: TRENDS AND PROSPECTS**

Kovalenko S.V., Sazonova L.A.

*Far Eastern Federal University,
Vladivostok State University of Economics and Service,
Vladivostok, Russian Federation*

В статье выявляются основные тенденции формирования системы общественного контроля на примере Дальневосточного региона. На основе анализа документов и

данных социологических исследований рассматривается проблема транспарентности (открытости) деятельности дальневосточных общественных палат. Кроме того, в исследовании выявляются проблемы институализации общественного контроля как основы гражданского общества.

Ключевые слова: *гражданское общество; общественный контроль; общественные палаты; гражданская экспертиза; государственное управление; экспертное сообщество.*

The paper identifies the key trends shaping public control system as an example of Far Eastern region. Based on the analysis of documents and data of sociological research it deals with the problem of transparency of the Far Eastern public chambers. In addition, problems of institutionalization of social control as the basis of civil society are identified in this study.

Keywords: *civil society; social control; public chambers; public advisory councils; civil expertise; public administration; the expert community.*

Прежде всего, интерес к исследованию проблематики гражданской экспертизы и общественного (социального, гражданского) контроля над действиями властей деятельности в отечественной науке обусловлен как модернизационными процессами в общественно-политической сфере в целом, так и институциональными изменениями в системе государственного и муниципального управления в частности.

Изучение системы общественного контроля способствует пониманию процессов становления, укрепления и развития демократических институтов современного общества. Заявленный в настоящее время руководством страны курс на модернизацию общества требует привлечения значительных ресурсов, в том числе и активизации потенциала граждан, структур гражданского общества.

Анализ социокультурных и институциональных барьеров в процессе становления, функционирования и развития института общественного контроля в демократическом процессе позволяет выявить не только существующие модели и практики, но и учитывать зависимость его содержания и форм от различных факторов (от особенностей исторического развития, институционального дизайна, политического режима и т.д.).

Исходя из действующего законодательства, общественный (гражданский) контроль может осуществляться на различных уровнях: надгосударственном (межгосударственном), общегосударственном, региональном и местном. Измерения такого контроля также могут быть разными: правовое – контроль над созданием и реализацией законодательных норм; экономическое – контроль бюджетных потоков; административное – контроль за деятельностью органов власти и отдельных должностных лиц; политическое – контроль работы избирательной системы, деятельности политических институтов и т.д. [1, с. 5].

В целом общественные палаты играют центральную роль в формировании системы общественного контроля в Российской Федерации. В основу системы «Общественная палата Российской Федерации – общественные палаты субъектов Российской Федерации»

Федерации» при отсутствии иерархии законодательно заложен принцип самостоятельности органов гражданского представительства, предусмотрено также развитие различных связей между палатами и советами различных регионов [3].

В данном исследовании рассматривается проблема транспарентности (открытости) региональной системы общественного контроля в Дальневосточном федеральном округе в 9 субъектах Российской Федерации. В качестве параметров транспарентности (открытости) рассматривается во-первых, наличие и организация сайта общественной палаты; во-вторых, размещение отчетов о деятельности общественных палат в открытом доступе; в-третьих, уровень осведомленности граждан о деятельности общественных палат.

В настоящее время при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Дальневосточном федеральном округе действует Общественная палата, которая была создана для проведения общественно-политических консультаций по основным проблемам государственного, экономического и социального развития Федерации Дальневосточного федерального округа. Кроме того, данная структура призвана вырабатывать рекомендации для подготовки решений федеральных органов государственной власти, органов власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. Данных и отчетов Общественной палаты в открытом доступе нет, таким образом, нарушается принцип транспарентности деятельности экспертно-го сообщества

Во всех изучаемых субъектах Российской Федерации, находящихся в пределах Дальневосточного федерального округа, созда-

ны общественные палаты, приведено в соответствие с федеральным региональное законодательство об общественном контроле.

Приморский край

В Приморском крае с 2014 года действует Общественная палата в составе 30 человек. В соответствии с действующим законодательством, данная структура призвана осуществлять общественный контроль за деятельностью органов государственной власти Приморского края, органов местного самоуправления [7].

Для освещения деятельности Палаты создан сайт – [http://общественнаяпалатаприморья.рф.](http://общественнаяпалатаприморья.рф), который организован в виде форума. Все поступающие сообщения фиксируются в статистике сайта Общественной палаты Приморского края. Среди очевидных достоинств данного сайта необходимо отметить наличие общественной приемной, которая содержит книгу жалоб и предложений для граждан. Возможность онлайн-консультирования, открытость сообщений, размещение отчетных документов о деятельности Общественной палаты Приморского края, информирование граждан о формировании муниципальных палат (советов) свидетельствует о достаточном уровне открытости данной структуры [13].

Опрос экспертов, проведенный в рамках данного исследования, выявил ряд определенных недостатков, которые связаны, прежде всего, с незначительным позиционированием Общественной палаты Приморского края в медиапространстве. Кроме того, в открытом доступе отсутствуют доклады «О состоянии и тенденциях развития гражданского общества в Приморском крае», которые содержат данные социологических исследований

об уровне информированности граждан в сфере общественного контроля и гражданской экспертизы.

Амурская область

В Амурской области в июне 2008 г. областным законом была учреждена Общественная палата Амурской области – первая в Дальневосточном федеральном округе [6]. Сайт данной структуры – www.opamig.ru содержит информацию о структуре, деятельности, планах работы, общественных советах и общественных палатах. К преимуществам сайта можно отнести, во-первых, наличие ссылок на ресурсы, имеющих прямое отношение к системе общественного контроля (НКО Амурской области, бесплатная юридическая помощь, мониторинг исполнения Указов Президента Российской Федерации и т.д). Во-вторых, наличие общественной приемной позволяет подавать обращения в электронном виде через официальный сайт Общественной палаты Амурской области. Кроме того, в открытом доступе по прямой ссылке на сайте Общественной палаты Амурской области находятся полные отчеты о деятельности Общественной палаты Амурской области за шесть лет (2009 – февраль 2015 гг.), доклады «О состоянии и тенденциях развития гражданского общества в Амурской области» (2009-2014 гг.). К недостаткам можно отнести, прежде всего, не работающие ссылки – «общественные палаты (советы)», «формирование Общественной палаты Амурской области» [14].

Данные социологического опроса населения Амурской области, проведенные Общественной палатой Амурской области в 2014 году, показали, что амурчане скептически относятся к общественной активности населения – более 85% граждан оцени-

вают свою вовлеченность в общественно-политическую жизнь как «слабое». При этом более 60% опрошенных высказали свою готовность к «совместным действиям с другими людьми в целях реализации общих интересов» [14].

В целом, на наш взгляд, с учетом ряда недостатков в Амурской области обеспечивается достаточный уровень транспарентности (открытости) системы общественного контроля.

Хабаровский край

В Хабаровском крае Общественная палата Хабаровского края сформирована в соответствии с требованиями Закона Хабаровского края от 21.12.2011 № 151 «Об Общественной палате Хабаровского края».

Сайт Общественной палаты Хабаровского края – www.opkhv.ru охватывает содержательную информацию о составе палаты, ее членах (фотографии и биографии). Отчетность о деятельности Общественной палаты Хабаровского края, представленная в протоколах заседаний комиссий и сводных отчетах, носит открытый характер. Она доступна по прямой ссылке на сайте Общественной палаты Хабаровского края. Недостатком сайта является отсутствие интернет-приемной, позволяющей гражданам непосредственное онлайн – общение с членами Общественной палаты [15].

Данные социологического исследования, осуществленное Общественной палатой Хабаровского края, выявляют уровень осведомленности граждан и таким образом позволяют оценить уровень транспарентности деятельности общественной палаты в данном регионе.

В оценках населения информационное присутствие палаты в медиапространстве является недостаточным для широкого информирования населения. Так, примерно лишь каждый десятый (9,9%) житель края что-либо слышал или читал в течение последнего месяца о деятельности Общественной палаты [2, с. 42].

Согласно социологическим данным, с деятельностью Общественной палаты Хабаровского края в той или иной степени сегодня знаком примерно каждый третий (31,4%) житель Хабаровского края. Однако в основном это «лишь общее представление о ее деятельности» (28,9% от числа опрошенных). Доля жителей Хабаровского края, которые отметили, что «имеют хорошее представление о ее деятельности», крайне незначительная (2,5% от числа опрошенных). Таким образом, отмечается низкий уровень информированности жителей Хабаровского края о деятельности Общественной палаты Хабаровского края [2, с. 55].

В результате недостаточной информированности населения о деятельности Общественной палаты, а также низкой оценки влияния данной структуры на органы власти края в общественном мнении сформировался и невысокий уровень доверия населения к этой общественной структуре. Так, в той или иной степени доверяет Общественной палате Хабаровского края только, каждый пятый житель края [2, с. 58].

В целом, на наш взгляд, наличие сайта, открытость данных о деятельности Общественной палаты Хабаровского края позволяют делать выводы об интенсивной работе «над ошибками». Это позволяет положительно влиять на уровень информированности населения о роли и деятельности Общественной палаты Хаба-

ровского края в частности, и на успешный процесс институционализации Общественной палаты Хабаровского края в качестве института гражданского общества в целом.

Сахалинская область

В 2012 году в соответствии с изменениями в законодательстве была сформирована Общественная палата Сахалинской области [8]. Сайт данной структуры – www.doveriesakh.ru, запущенный только в 2014 году, содержит информацию о структуре Общественной палаты Сахалинской области; законопроекты, представленные на общественное обсуждение, фото заседаний Совета Палаты.

К недостаткам можно отнести, во-первых, неинформативность ссылки «структура», которая содержит списочные списки членов Общественной палаты Сахалинской области, Совета и комиссий. Во-вторых, обратная связь представлена лишь справочными данными – почтовый адрес, телефон/ факс, электронная почта, отсутствует интернет-приемная. В-третьих, ссылка «документы» содержит только планы работы Общественной палаты Сахалинской области. Отчеты о деятельности Совета, комиссий Общественной палаты Сахалинской области в открытом доступе отсутствуют [16].

В целом, на наш взгляд, выше перечисленные недостатки, а также отсутствие данных об информированности населения о деятельности Общественной палаты Сахалинской области свидетельствует о наличии ряда нерешенных проблем в сфере обеспечения транспарентности региональной системы общественного контроля.

Камчатский край

Общественная палата Камчатского края действует с 2010 года на основании краевого Закона «Об Общественной палате Камчатского края».

Сайт Общественной палаты Камчатского края – <http://www.orkam.ru/> содержит информацию о структуре Совета, рабочих комиссий, рабочих групп; о деятельности палаты (планы, отчеты, конкурсы и мероприятия); о структуре и деятельности общественной наблюдательной комиссии.

К достоинствам сайта можно отнести, во-первых, наличие подробной информации о членах Общественной палаты Камчатского края (фотографии, биографические данные), которая позволяет улучшить узнаваемость гражданами членов данной структуры [18].

Недостатками является отсутствие в открытом доступе отчетности о деятельности Общественной палаты Камчатского края, размещенные документы содержат отчетные данные за 2010-2011 гг. [10].

Еврейская автономная область

В марте 2013 года была сформирована Общественная палата Еврейской автономной области, ее деятельность осуществляется в рамках областного закона от 26.11.2012 №187-ОЗ «Об Общественной палате Еврейской автономной области» [4, с. 12]. Для повышения информационной активности уже с апреля 2013 года запущен и функционирует официальный сайт Общественной палаты Еврейской автономной области – www.oreao.ru, на котором постоянно обновляется информация о деятельности Палаты, раз-

мещается полезная информация для некоммерческих организаций области, а также находится вся информация непосредственно о самой Общественной палате области: ее состав, регламентирующие деятельность документы, планы работы, решения. Отдельно вынесен раздел «Обратная связь», где есть все контактные данные Общественной палаты, а также предоставлена возможность подать электронное обращение или задать вопрос членам палаты. Безусловно, создание интернет-сайта позволило значительно расширить присутствие Общественной палаты в информационном пространстве, однако наполнение и сопровождение сайта пока нуждается в корректировке. Посещаемость этого ресурса пока не очень высока – в среднем в день от 3 до 7 посетителей, не размещаются комментарии к статьям, в том числе и от членов палаты. Помимо собственного сайта деятельность Палаты освещается через официальный интернет-портал органов государственной власти области и средства массовой информации. [19].

Чукотский автономный округ

Общественная палата Чукотского автономного округа сформирована в соответствии с требованиями Закона Чукотского автономного округа от 24 июня 2009 года № 76-ОЗ «Об Общественной палате Чукотского автономного округа». Общественная палата обеспечивает взаимодействие граждан Российской Федерации, проживающих на территории Чукотского автономного округа, с органами государственной власти и органами местного самоуправления Чукотского автономного округа в целях учета потребностей и интересов граждан, защиты их прав и свобод и прав общественных объединений при формировании и реализа-

ции государственной политики, а также в целях осуществления общественного контроля за деятельностью органов исполнительной власти и органов местного самоуправления Чукотского автономного округа.

Сайт Общественной палаты Чукотского автономного округа содержит информацию о структуре, деятельности, нормативно-правовые документы. Среди достоинств сайта необходимо выделить наличие общественной приемной (ссылка – обратная связь – вопрос власти), позволяющей подавать обращения не только в традиционной письменной форме, но и отправлять электронные сообщения с сайта Общественной палаты Чукотского автономного округа. К недостаткам можно отнести неработающие ссылки, в частности ссылка «опрос населения». Кроме того, в открытом доступе отсутствует как отчетная документация Общественной Палаты Чукотского автономного округа, так и доклады о состоянии и развитии гражданского общества, содержащие данные опросов населения [20].

Магаданская область

В Магаданской области в 2013 году была создана Общественная палата, в составе которой 27 человек, 5 рабочих комиссий. Сайт данной структуры до сих пор не создан. Ссылки, указанные на сайте Общественной палаты Российской Федерации в разделе «региональные общественные палаты», отсылают к устаревшей версии сайта администрации Магаданской области (вкладка – общество), что в крайней степени затрудняет поиск необходимой информации [11].

В целом, данные об Общественной палате Магаданской области имеют разрозненный характер. В открытом доступе отсутствуют отчетные документы, отражающие деятельность данной структуры. Подобные недостатки не способствуют достижению необходимого уровня транспарентности (открытости) региональной системы общественного контроля.

Итак, создание общественных палат (советов) – это социальная инновация, направленная на модернизацию системы взаимодействия государства и общества, на формирование условий развития гражданского общества. Важной проблемой можно назвать неурегулированность вопроса о юридическом значении решений, рекомендаций, заключений общественных палат. Кроме того, в ряде субъектов Российской Федерации не в полной мере обеспечено условие открытости системы общественного контроля.

Список литературы

1. Бабинцев В.П., Надуткина И.Э., Сапрыка В.А. Экспертное сообщество как субъект гражданского участия в регионе // Власть. 2014. № 7. С. 5-9 [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/download/75075814.pdf> (дата обращения 03.04.2015).
2. Доклад о состоянии и развитии гражданского общества в Хабаровском крае. 2013. – Хабаровск, 2014. 35 с.
3. Доклад о состоянии и развитии гражданского общества в Амурской области. 2013. – Благовещенск, 2014. 47 с.
4. Доклад о состоянии и развитии гражданского общества в Еврейской автономной области. 2013. – Биробиджан, 2014.

5. Лаврик М.В. Влияние экспертного сообщества на становление гражданского общества в России на современном этапе // Вестник Бурятского университета. 2009. № 6. С. 202-205 [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/download/27867562.pdf> (дата обращения 26.03.2015).
6. Овсийчук С.А., Карловская А.А. Общественная палата как субъект общественного контроля за властью (по итогам первого года работы ОП Амурской области) [Электронный ресурс]. URL: http://www.amursu.ru/attachments/article/9535/N48_7.pdf (дата обращения 04.04.2015).
7. Официальный сайт администрации Приморского края [Электронный ресурс]. URL: <http://primorsky.ru/authorities/open-government/public-expert-councils/public-expert-councils.php> (дата обращения 04.04.2015).
8. Официальный сайт администрации Сахалинской области [Электронный ресурс]. URL: <http://www.admsakhalin.ru> (дата обращения 12.04.2015).
9. Официальный сайт правительства республики Саха Якутия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sakha.gov.ru/government> (дата обращения 12.04.2015).
10. Официальный сайт правительства Камчатского края [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kamchatka.gov.ru/> (дата обращения 12.04.2015).
11. Официальный сайт администрации Магаданской области [Электронный ресурс]. URL: <http://www.49gov.ru/> (дата обращения 12.04.2015).
12. Официальный сайт Общественной палаты Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: www.oprf.ru (дата обращения 15.04.2015).

13. Официальный сайт Общественной палаты Приморского края [Электронный ресурс]. URL: <http://primorsky.ru/obshchestvennaya-palata/index.php> (дата обращения 15.04.2015).
14. Официальный сайт Общественной палаты Амурской области [Электронный ресурс]. URL: www.opamur.ru (дата обращения 15.04.2015).
15. Официальный сайт Общественной палаты Хабаровского края [Электронный ресурс]. URL: <http://www.opkhv.ru/>(дата обращения 15.04.2015).
16. Официальный сайт Общественной палаты Сахалинской области [Электронный ресурс]. URL: <http://doveriesakh.ru> (дата обращения 15.04.2015).
17. Официальный сайт Общественной палаты республики Саха Якутия [Электронный ресурс]. URL: www.opsakha.ru (дата обращения 15.04.2015).
18. Официальный сайт Общественной палаты Камчатского края [Электронный ресурс]. URL: www.opkam.ru (дата обращения 15.04.2015).
19. Официальный сайт Общественной палаты Еврейской автономной области [Электронный ресурс]. URL: <http://www.opreao.ru> (дата обращения 10.04.2015).
20. Официальный сайт Общественной палаты Чукотского автономного округа [Электронный ресурс]. URL: http://chuk.dot.ru/directories/public_chamber (дата обращения 10.04.2015).

**ОСОБЕННОСТИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО
ВЫБОРА ЙОДИРОВАННОЙ СОЛИ
КАК УНИВЕРСАЛЬНОГО СРЕДСТВА
ПРОФИЛАКТИКИ ЙОДНОГО ДЕФИЦИТА**

Ковальжина Л.С.

*Тюменский государственный нефтегазовый университет,
Тюмень, Россия*

**FEATURES OF CONSUMER CHOICE
OF IODIZED SALT AS A UNIVERSAL MEANS
OF PREVENTING IODINE DEFICIENCY**

Kovalzhina L.S.

*Tyumen State Oil and Gas University,
Tyumen, Russia*

В статье представлены результаты социологического исследования по изучению потребительского поведения взрослого населения при выборе йодированной соли, проведен анализ знания респондентов о йодированной соли как средстве профилактики йодного дефицита. Опрос проведен на территории юга Тюменской области по репрезентативной гнездовой выборке методом анкетирования. В исследовании приняли участие родители школьников 5-11 классов дневных общеобразовательных школ региона (n=677). В статье обсуждаются критерии потребительского выбора родителями школьников йодированной соли,

особенности хранения и частота употребления йодированной соли в семьях респондентов. Отмечается недостаточная информированность населения о возможности йодированной соли как доступного средства профилактики йодного дефицита, а также низкая доля ежедневного употребления йодированной соли в домохозяйствах респондентов.

Ключевые слова: *потребительский выбор; йодированная соль; йодный дефицит; профилактика; родители школьников; отношение; социологическое исследование; Тюменская область.*

The article presents the results of a study on the consumer behavior of the adult population in the selection of iodized salt, as well as an analysis of respondents' knowledge of iodized salt as a means of prevention of iodine deficiency. The survey was conducted in the south of the Tyumen region on a representative sample of the breeding method of questioning. The study involved parents of students grades 5-11 day comprehensive schools in the region (n = 677). The paper discusses the criteria for consumer choice by parents of schoolchildren iodized salt, especially storage and frequency of use of iodized salt in households of respondents. It noted the lack of awareness about the possibility of iodized salt as an affordable means of prevention of iodine deficiency, and the low proportion of daily consumption of iodized salt in households of respondents.

Keywords: *consumer behavior; consumer choice; iodized salt; iodine deficiency; prevention; parents of schoolchildren; attitude; sociological research; Tyumen region.*

Для Российской Федерации ликвидация йодного дефицита является актуальной проблемой. По оценке главного санитарного врача, более 50% субъектов Российской Федерации являются йододефицитными, более 60% населения проживает в регионах с природно-обусловленным дефицитом этого микроэлемента. Показатели заболеваемости диффузным зобом, связанным с йодной недостаточностью среди всего населения регистрировались на уровне выше среднероссийских в 30 субъектах Российской Федерации, в том числе в республиках Адыгея, Дагестан, Тыва, Алтай, Бурятия и Ингушетия, Чувашской, Кабардино-Балкарской, Чеченской и Карачаево-Черкесской республиках, Ненецком автономном округе, Ульяновской, Саратовской, Астраханской областях, Алтайском крае, Кемеровской, Томской, Иркутской, Амурской области, Брянской, Орловской, Владимирской, Ивановской областях [3], [6].

По мнению экспертов Всемирной организации здравоохранения, причиной дефицита микронутриентов (в том числе йода) является кризис в питании населения. Особенностью возникновения йодного дефицита является то, что ежедневно в организм человека с пищей должно поступать необходимое количество йода.

Недостаточное поступление микронутриентов с пищей – общая проблема всех цивилизованных стран. Только рациональное, сбалансированное питание человека обеспечивает нормальный рост и развитие организма, определяет умственное и физическое развитие, оптимальное функционирование всех органов и систем, формирование иммунитета и адаптационных резервов организма [2], [4]. Особое влияние йодный дефицит оказывает на здоровье

детей, подростков, а также женщин репродуктивного возраста, ввиду физиологических особенностей этих групп риска [5].

Результаты социально-гигиенического мониторинга 2012 г. в части сбалансированности и полноценности питания показали, что в 24 субъектах Российской Федерации отклонение от рекомендуемых норм превышает 25% [3].

Опыт многих стран мира показывает, что наиболее эффективным решением проблемы йодного дефицита населения является принятие, и реализация закона о всеобщем йодировании соли [8], [10].

Проведение массовой профилактики йододефицитных заболеваний при помощи йодированной соли – это наиболее эффективный метод, рекомендованный ВОЗ, который практически не требует затрат из федерального бюджета [9].

В Российской Федерации программа профилактики йододефицитных заболеваний регулируется постановлением Правительства России (1999 г.) предусматривает добровольное использование йодированной соли совместно с комплексом мер по насыщению рынка этим продуктом и повышению знаний населения о йододефицитных заболеваниях и мерах по их профилактике.

Тем не менее, большая доля ответственности за индивидуальную профилактику сегодня перекладывается на конечного потребителя. Далеко не все потребители способны сделать правильный выбор.

С целью изучения особенностей потребительского выбора йодированной соли взрослым населением (отвечающим за питание детей, подростков) на территории юга Тюменской области в 2012-2014 гг. было проведено социологическое исследование.

Опрос проведен по репрезентативной гнездовой выборке методом анкетирования. В исследовании приняли участие родители школьников 5-11 классов 34-х дневных общеобразовательных школ из 5 городов и 10 сельских районов региона ($n=677$) [1], [7]. В статье представлен фрагмент исследования.

Результаты исследования

Из числа родителей медиана возраста отцов 41 год, матерей 39 лет. Подавляющее большинство родителей 80,9% отнесли себя к группе работающих, 14,2% домохозяйки, 2,8% пенсионеры, 1,6% безработные, 0,5% студенты.

Из числа респондентов, ответивших на вопрос, 71,8% состоят в браке (из них в 58,3% семей двое детей, в 19,6% семей один ребенок, трое детей – 13,1%, более трех детей в 9% семей); 10,3% респондентов отметили что состоят в гражданском браке, а 10,8% родителей разведены; 4% респондентов холосты (не замужем), в 3,1% семей родитель вдовец (а). Между переменными «Брачный статус» и «Число детей в семье» отмечается высоко значимая зависимость, существующая связь слабая ($\lambda^2 = 51$, $df = 28$, $p = 0,005$; V Крамера = 0,14, $n = 648$).

Возможность предотвращения развития йододефицитных заболеваний при регулярном потребления йодированной соли отметили 38,4% родителей; 29,7% с ними не согласились, т.е. данная группа родителей не имеют знания о йодированной соли как средстве профилактики, при этом 31,9% родителей затруднились с ответом.

Чрезвычайно низкая информированность родителей наблюдается при ответе на вопрос «Достаточно ли в качестве профи-

лактики йодного дефицита использовать только йодированную соль?». Только 14,9% респондентов-родителей ответили утвердительно, 59,1% ответили «нет», 26% родителей затруднились с ответом. Таким образом, подавляющая часть родителей не имеют знания о достаточности использования йодированной соли в качестве средства профилактики.

Между знанием о достаточности использования йодированной соли в качестве профилактики йодного дефицита и оценкой родителями-респондентами своего уровня жизни наблюдается достоверная связь (χ^2 Пирсона = 15,747, $p = 0,046$, V Крамера = 0,111, $n=639$), а также между оценкой качества жизни (χ^2 Пирсона = 15,994, $p = 0,014$, V Крамера = 0,118, $n=574$).

Между знанием о достаточности использования йодированной соли в качестве профилактики йодного дефицита и полом, возрастом, уровнем образования, территорией проживания (город/село), местом проживания (конкретный населенный пункт), социальной и профессиональной группы, семейным положением достоверной связи не отмечено ($p > 0,05$).

Респонденты ведущие здоровый образ жизни более осведомлены, так 22,8% из них знают, что для профилактики йодного дефицита достаточно использовать только йодированную соль, затруднились с ответом 29,4%. Среди родителей, не ведущих ЗОЖ, доля имеющих знание 7,7%, а затруднившихся с ответом 53,8% (χ^2 Пирсона = 18,697, $df = 6$, $p = 0,005$, V Крамера = 0,119, $n=661$).

Наблюдается фрагментарные знания респондентов о йодированной соли как средстве профилактики йодного дефицита:

- Среди респондентов, знающих о возможности заболевания при недостатке йода в организме, только 15,5% отмечают, что ис-

пользование в питание йодированной соли является достаточным средством для профилактики йодного дефицита, 62,6% не знают этого, 21,9% затруднились с ответом (χ^2 Пирсона = 34,662, $df = 4$, $p = 0,000$, V Крамера = 0,161, $n=665$).

- Среди респондентов, знающих о проблеме йодного дефицита в Тюменской области (54,6% от общей численности родителей-респондентов), только 17,5% знают, что для профилактики йодного дефицита достаточно использовать только йодированную соль, 66,0% не знают и 16,5% затруднились с ответом. Среди респондентов, не задумывающихся о проблеме йодного дефицита в Тюменской области (21,0% от общей численности родителей-респондентов), только 11,3% знают, что для профилактики йодного дефицита достаточно использовать только йодированную соль, 58,9% не знают и 29,8% затруднились с ответом. Среди респондентов, затруднившихся с оценкой наличия проблемы йодного дефицита в Тюменской области (18,9% от общей численности родителей-респондентов), только 6,8% знают, что для профилактики йодного дефицита достаточно использовать только йодированную соль, 46,2% не знают и 47,0% затруднились с ответом (χ^2 Пирсона = 60,441, $df = 8$, $p = 0,000$, V Крамера = 0,214, $n=660$).

- Среди респондентов, знающих что методы профилактики йодного дефицита существуют и являются доступными (75,0% от общей численности родителей-респондентов), только 16,5% знают, что для профилактики йодного дефицита достаточно использовать только йодированную соль, 61,4% не знают и 22,1% затруднились с ответом (χ^2 Пирсона = 37,949, $df = 8$, $p = 0,000$, V Крамера = 0,170, $n=660$).

• Из числа респондентов, знающих что для профилактики йодного дефицита достаточно использовать только йодированную соль, 83,0% отмечают что средства профилактики йодного дефицита являются общедоступными.

• Среди респондентов, знающих что для профилактики йодного дефицита необходимо ежедневное употребление продуктов (добавок, препаратов) содержащих йод (37,8% от общей численности родителей-респондентов), только 18,8% знают, что для профилактики йодного дефицита достаточно использовать только йодированную соль, 66,7% не знают и 14,5% затруднились с ответом (χ^2 Пирсона = 95,985, $df = 10$, $p = 0,000$, V Крамера = 0,269, $n=663$). 25,2% (от общего числа опрошенных) респондентов полагают что употребление продуктов (добавок, препаратов) содержащих йод необходимо по рекомендации врача; 22,3% (от общего числа опрошенных) затрудняются с оценкой частоты употребления продуктов (добавок, препаратов) содержащих йод; 14,7% (от общего числа респондентов) отмечают, что продукты (добавки, препараты) содержащие йод, необходимо употреблять 1-3 раза в неделю.

• Из числа респондентов, знающих что для профилактики йодного дефицита достаточно использовать только йодированную соль, 48,5% отмечают что употребление продуктов (добавок, препаратов) содержащих йод должно быть ежедневно; 19,2% по рекомендации врача; 17,2% затруднились с оценкой и 15,1% опрошенных отмечают, что продукты (добавки, препараты) содержащие йод, необходимо употреблять 1-3 раза в неделю.

• Из числа респондентов, знающих что для профилактики йодного дефицита достаточно использовать только йодирован-

ную соль, 13,4% отмечают что организм человека может вырабатывать йод; 15,5% думают, что организм человека вырабатывает незначительное количество йода; 35,0% родителей дали верный ответ – йод должен поступать в организм из внешних источников; 36,1% затруднились с ответом. При этом из числа родителей знающих, что организм не вырабатывает йод, только 17,4% полагают что для профилактики йодного дефицита достаточно использовать только йодированную соль.

Таким образом, подавляющая часть родителей не имеют знания о достаточности использования йодированной соли в качестве средства профилактики йодного дефицита.

Одна из причин низкой информированности населения о возможности предотвращения развития йододефицитных заболеваний при регулярном потребления йодированной соли является низкое знание о йодированной соли (о существовании такого продукта). Только 87,6% родителей отметили что знают про йодированную соль. В распределении ответов в группе родителей значимой связи пола, возраста и знания о йодированной соли не наблюдается ($p > 0,05$). В группе родителей наблюдается зависимость знания от уровня образования, связь статистически высоко достоверная ($\chi^2 = 32,212$, $df = 12$, $p = 0,001$, V Крамера = 0,160, $n=629$; ОП=28,575, $p = 0,005$), связь ответов с местностью проживания высоко достоверная ($\chi^2 = 13,051$, $df = 2$ $p = 0,001$, V Крамера = 0,139, $n=672$).

В своей семье всегда употребляют йодированную соль только 26,7% опрошенных родителей, 30,7% чаще йодированную, чем обычную, 20,8% чаще обычную, чем йодированную, 12,9% ре-

спондентов употребляют редко, 7,1% отметили что не употребляют, а 1,8% затруднились с ответом (рис. 1).

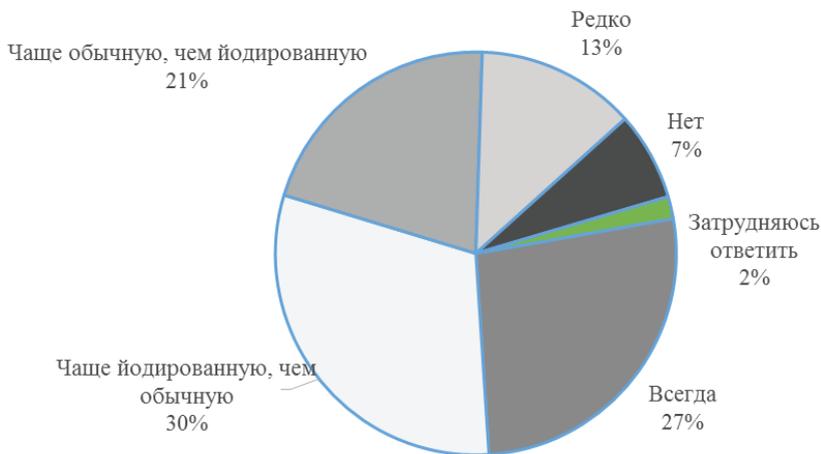

Рис. 1. *Распределение ответов родителей на вопрос «Употребляют ли в вашей семье йодированную соль?», в процентах от числа респондентов*

На вопрос «Кому рекомендовано потреблять йодированную соль?» 85,1% родителей ответили «всем без исключения», 10,8% родителей рекомендовали детям и подросткам, 8,7% респондентов рекомендовали беременным и кормящим женщинам, 7,5% затруднились с ответом, 6,0% отметили «только лицам, имеющим эндемичный зоб» (респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа на этот вопрос).

По мнению 67,9% респондентов йодирование соли не влияет на вкус соли, 19,4% отметили, что вкус соли изменяется, 12,7% затруднились с ответом.

На вопрос «В каких количествах нужно употреблять йодированную соль?» 61,9 % респондентов-родителей ответило, что «вместо обычной соли в таком же количестве», 16,2% – «в меньшем количестве, чем обычную соль» и 4,0% – «в большем количестве, в дополнение к обычной соли», затруднились с ответом 17,9% родителей.

Низкую осведомленность показали респонденты-родители о сроке годности йодированной соли: 37,0% затруднились ответить на вопрос, 30,7% респондентов не обращают внимания на срок годности. По мнению 8,7% родителей йодированная соль имеет срок годности 6 месяцев, по мнению 7,9% девять месяцев, один год – отметили 7,8% респондентов, более года 7,9%.

Обращают внимание на срок годности при покупке соли только 37,8% опрошенных родителей, 51,7% не обращают внимание, 10,5% родителей затруднились с ответом.

При покупке надпись о «йодированности» на упаковке соли читают 65,9% родителей, 27,8% не читают, 6,3% затруднились с ответом.

Оценивая свое покупательское поведение при покупке соли в торговой организации 37,1% родителей выберут йодированную соль, 31,3% любую соль, 7,4% морскую соль, 6,8% не йодированную, 17,4% респондентов затруднились с ответом.

Выбирая по цене, 62,6% родителей отметили, что покупают любую соль, 6,8% соль, которая дороже остальных, 6,9% более дешевую соль, 23,7% затруднились с ответом.

Выбирая соль по упаковке третья часть (34,3%) респондентов приобретут соль в пакете, 28,8% любую, 4,3% в картонной упаковке, 3,8% в стеклянной упаковке с мельничкой, 9,5% в упаковке с герметичной застежкой, 19,3% затруднились с ответом.

Большая часть родителей 32,9% выбирает соль преимущественно российского производителя, 29,4% любого производителя, 18,6% всегда только российского производителя; зарубежного производителя 2,0%, затруднились с ответом 17,1% опрошенных.

Выбирая соль по помолу (размер помола), 31,9% родителей отметили «любой помол», 26,1% выбрали крупный помол, 20,8% мелкий помол, 21,2% затруднились с ответом.

Распределение ответов на вопрос «При покупке соли, что для Вас определяющее?» представлено в таблице 1. Половина респондентов (49,2%) назвала определяющим фактором при выборе соли – это российский производитель. Четвертая часть респондентов (23,5%) подчеркнули, что покупают любую соль, не задумываясь и не выбирая.

Таблица 1

***Распределение ответов респондентов на вопрос
«При покупке соли, что для Вас определяющее?»,
в процентах от числа респондентов****

Варианты ответов	%
Российский производитель	49,2
Беру любую, не задумываясь	23,5
Герметичная, застегивающаяся упаковка	22,9
Упаковка в виде баночки (картонная)	7,7
Наличие большого выбора соли разных производителей	7,7
Цена, чтобы было дешевле	6,3
Беру любую в центре торговой полки	5,9
Цена, что дороже, то лучше	4,9
Упаковка стеклянная с мельничкой и крышкой	4,7
Соль зарубежного производства	2,5
Не покупаю соль	1,5

* Респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа. Представлены варианты ответов с частотой выбора более 1% респондентов.

Предпочтение при покупке соли одной и той же торговой марки выразили 34,0% родителей, 52,1% не имеют предпочтений, 13,9% затруднились с ответом.

Необходимо отметить правильное хранение йодированной соли в домохозяйствах респондентов. Так третья часть респондентов (34,7%) хранят соль в посуде с крышкой; 28,6% пересыпают в герметичную тару; 13,9% хранят в купленной пленочной, картонной упаковке (при вскрытии срезается часть упаковки); 9,7% хранят соль в купленной упаковке, стеклянной или картонной баночке (герметичной); 8,1% респондентов пересыпают соль в не герметичную тару.

В ходе анкетирования респондентам предлагалось посмотреть на упаковку соли используемой в домашнем питании и ответить на вопрос «Эта соль йодированная?». Только 36,5% ответили «да, йодированная», 30,4% «нет», у 28,1% родителей упаковка не сохранилась, 1,5% не имели дома соли, 3,5% затруднились с ответом.

У 3,6% респондентов (от числа имеющих дома йодированную соль с сохранившейся упаковкой) на момент проведения опроса истек срок годности йодированной соли.

В результате изучения мнения родителей школьников о йодированной соли как методе профилактики йодного дефицита отмечена низкая осведомленность. При приобретении соли ценовой фактор не является определяющим, важный фактор выбора – российский производитель. Большая доля родителей выбирает соль в пленочной упаковке, не позволяющей герметично хранить йодированную соль. Для сокращения доли выбирающих

любую соль в пользу повышения выбора йодированной соли и достижения большего результата, при реализуемой в России стратегии самостоятельной профилактики, необходимо расширение доступности информации о мерах и способах профилактики йодного дефицита среди родителей и школьников, составляющих репродуктивный и интеллектуальный потенциал региона и страны в целом. Необходимо проводить информационно-разъяснительные кампании среди населения о влиянии и пользе употребления в домашнем питании йодированной соли.

Список литературы

1. Ковальжина Л.С., Суплотова Л.А., Макарова О.Б. Профилактика йодного дефицита: информированность учащейся молодежи, проживающей на эндемичной территории // Терапевт. 2014. № 4. С. 53-58.
2. Общественное здоровье и здравоохранение: учебник / В.А. Медик, В.К. Юрьев. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2012. 288 с.
3. Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 14.06.2013 №31 «О мерах по профилактике заболеваний, обусловленных дефицитом микронутриентов, развитию производства пищевых продуктов функционального и специализированного назначения» (Зарегистрировано в Минюсте России 09.09.2013 №29) Российская газета 18 сентября 2013 г. <http://www.rg.ru/2013/09/18/onishenko-dok.htm> l (дата обращения 19.01.2015).

4. Решетников А.В., Шаповалова О.А. Здоровье как предмет изучения в социологии медицины. – М., 2008.
5. Суплотова Л.А., Губина В.В., Карнаухова Ю.Б. Скрининг врожденного гипотиреоза как дополнительный метод изучения эпидемиологии йододефицитных заболеваний // Проблемы эндокринологии. 1998. Т. 44. № 1. С. 19.
6. Суплотова Л.А., Туровина Е.Ф., Шарухо Г.В., Кретинина Л.П., Сметанина С.А., Михальчук В.В. Система мониторинга йододефицитных состояний в западно-сибирском регионе // Проблемы эндокринологии. 2008. Т. 54. № 3. С. 14-17.
7. Шляпентох В.Э. Проблемы качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал. – М.: ЦСП, 2006. 664 с.
8. Andersson M, Karumbunathan V, Zimmermann MB. Global iodine status in 2011 and trends over the past decade. *The Journal of Nutrition*, 2012, 142(4):744
9. Bruno de Benoist, Maria Andersson, Ines Egli, Bahi Takkouche Iodine status worldwide: WHO Global Database on Iodine Deficiency /World Health Organization. Department of Nutrition for Health and Development. 2004. Geneva. 58 p.
10. UNICEF. State of the World's Children. – New York, 2007. http://www.childinfo.org/files/The_State_of_the_Worlds_Children_2007_Executive_Summary_E.pdf. (дата обращения 09.10.2014).

**АДЕКВАТНОСТЬ ПОЛОЖЕНИЙ ФИЛОСОФИИ
ПОСТМОДЕРНИЗМА ДЛЯ ПОНИМАНИЯ
ФЕНОМЕНОВ ОБЩЕСТВА ПОСТМОДЕРНА
(НА ПРИМЕРЕ НЕФОРМАЛЬНОЙ
МОЛОДЕЖНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ)**

Левикова С.И., Пилюгина Е.В.

*Московский педагогический государственный университет,
г. Москва, Россия*

**THE ADEQUACY OF THE PROVISIONS
OF THE PHILOSOPHY OF POSTMODERNISM
FOR UNDERSTANDING THE PHENOMENA
OF THE POSTMODERN SOCIETY (ON THE EXAMPLE
OF INFORMAL YOUTH SUBCULTURE)**

Levikova S.I., Pilyugina E.V.

*Moscow Pedagogical State University,
Moscow, Russia*

В статье обращается внимание на то, что, несмотря на то, что целостная методология исследований в пост-модернизме на данный момент отсутствует, представляется возможным использовать различные наработки философов-постмодернистов для исследования феноменов общества постмодерна. К подобным наработкам относятся в частности деконструкция, ризомная структура, отказ от бинарных оппозиций и др. Данные наработки

применяются для рассмотрения социального феномена неформальной молодежной субкультуры.

Ключевые слова: *модерн; постмодерн; постмодернизм; методология; деконструкция; бинарные оппозиции; неформальная молодежная субкультура.*

The article draws attention to the fact that, despite of the fact that holistic methodology of research in postmodernism is currently absent, it is possible to use various developments of postmodernism philosophers to study the phenomena of postmodern society. Among such developments we can name particularly deconstruction, rizoma structure, the rejection of binary oppositions etc. These developments are applied to the consideration of social phenomenon of informal youth subculture.

Keywords: *modern; postmodern; postmodernism; methodology; deconstruction; binary oppositions; informal youth subculture.*

Неоспоримым фактом является то обстоятельство, что для понимания и изучения того или иного феномена необходимо использовать адекватные средства. Так, например, если мы имеем дело с развивающимся феноменом, то нам следует применять диалектическим метод исследования. Но как быть, если мы рассматриваем социальный феномен, который не только принадлежит настоящему и частично прошлому социальному устройству, но также обладает рядом элементов, характерных черт будущего, которое еще не полностью сформировалось? Рассмотрение подобных феноменов с помощью лишь старого методологического

инструментария вряд ли позволит нам получить исчерпывающий результат. А потому необходимы новые средства, которые позволят вскрыть те стороны исследуемого феномена, которые ранее ускользали от исследователей, оставаясь в тени. То есть необходима новая методология, соответствующая иной исторической ситуации и иным историческим реалиям. Но как быть если такая методология еще не наработана, вернее, не оформилась как методология, а представляет собой лишь разрозненные элементы? Обратиться к тому, что уже появилось и существует, пусть даже в качестве разрозненных элементов, не представляющих собой единое целое, поскольку рассмотрение социального феномена, находящегося на границе трех временных пластов – прошлого, нынешнего и будущего – будет неполным без их использования. То есть для достижения искомого результата необходимо соединить «возможное» и «действительное».

Философия постмодернизма, возникшая во второй половине XX столетия, с одной стороны, как попытка уйти от классической рациональности и создать иные принципы познания, с другой стороны, как реакция на стандартизацию, однотипность массового сознания, универсальность норм, унификацию социального бытия, а, с третьей стороны, как стремление осмыслить и элементы возникающего социального будущего, прорастающего в настоящем, и в целом современное ей социальное состояние, включающее в себя эти элементы и, то сопротивляющееся им, то принимающее их как неизбежность, именно эта философия постмодернизма и по сей день остается внутренне предельно многообразной. Однако эта многообразность вовсе не исключает ее целостности, создаваемой характерными чертами мышления и

теоретизирования, присущими только представителям этой философии. Поэтому несмотря на то, что методология постмодернизма как стройная система еще отсутствует, правомерно собрать отдельные методологические моменты, рассыпанные по работам различных авторов данного направления, и с их помощью рассмотреть то или иное социальное явление, которое, безусловно, само можно рассматривать как принадлежащее к эпохе постмодерна. И в качестве такого феномена мы хотим обратиться к неформальной молодежной субкультуре и применить к ней отдельные методологические принципы философии постмодернизма. Подобная процедура позволит нам, с одной стороны, убедиться в том, что неформальная молодежная субкультура, действительно, является социальным феноменом эпохи постмодерна, а, с другой стороны, позволит лучше понять этот феномен.

Не ставя перед собой задачи выявления истоков философии постмодернизма, отметим лишь то обстоятельство, что корнями она уходит в структурализм и постструктурализм, которые вышли из структурной лингвистики, что, в свою очередь, обернулось тем, что представления о тексте как вербальной конструкции были перенесены ими на окружающую действительность. В результате всё – и культура, и общество и мир вообще – стало восприниматься в постмодернизме как текст, который наполнен множеством смыслов и значений. Однако любой текст имеет языковую основу, а уже язык, как подчеркивал Р. Барт, представляет собой жесткую организацию, в которой все элементы занимают четко определенные им места и между ними установлены вовсе не случайные прочные связи; и эта организация подчиняется выражаемому ей смыслу [1]. Но стоит поменять элементы местами

и между ними возникнет иная взаимосвязь, а, следовательно, откроются и иные смыслы. А потому «игра» смыслами, коррекция взаимосвязей между элементами языка текста-мира, текста-общества, текста-культуры наделяет тех, кто научился это делать, истинной властью. Кроме того, подобные операции обнажают тот факт, что для текстов не может быть и речи о едином принципе структурности, поскольку от изменения контекстов-дискурсов их составляющих кардинально меняется их значение, что приводит, в конечном, счете к констатации ценностной эквивалентности всех текстов.

Однако для того, чтобы подобным образом обращаться с текстами, необходим некий методологический инструмент, каким в постмодернизме становится так называемая деконструкция [2], введенная Ж. Деррида. Вернее, это даже не столько методологический прием, сколько своеобразный анализ текстов, их трактовка, благодаря которым происходит разрушение тех структур, которые лежат на поверхности и с которыми человек сталкивается в первую очередь, обращаясь к тому или иному тексту. Однако подобный деконструктивный метод нацелен не на упразднение смысла как такового, или упразднение «поверхностных» структур, а на демонстрацию того, что, помимо этих «поверхностных», текст обладает множеством иных структур и смыслов, которые не менее, если не более важны. Вернее, эти скрытые структуры и смыслы столь же ценны, как и те, которые общедоступны, а на основании этого возможно сделать вывод, что все смыслы текстов равноценны и равнозначны. Желание же понять текст, разобраться в нем и в его смысловом значении неминуемо выведет на его деконструкцию. Ведь, по сути, стремление прийти к однознач-

ности, одноструктурности и к единственному смыслу есть ничто иное, как игнорирование, пренебрежение реальной действительности, которая вовсе не однозначна.

По сути, данный пафос позиции философии постмодернизма и Ж. Дерриды как ее представителя нацелен на то, чтобы увидеть мир, общество, культуру такими, какие они есть в действительности, и попытаться подходить к ним не с одной какой-то стороны, а видеть их объемно, голографически и, по возможности, учитывать все возможные стороны, грани, ракурсы текстов. Ведь игнорирование любой детали может привести к неадекватному восприятию. Именно так, по мысли, французского философа и происходило в эпоху модерна, когда всецельна была формальная логика, и существовало представление о том, что абсолютная истина существует, а это, в свою очередь, переносилось и на восприятие мира, общества и культуры. В результате структуры и смыслы, которые не вписывались в подобные представления, просто отсекались, игнорировались или «подминались» теми, которые вписывались.

Так, например, логический закон исключенного третьего гласил, что любое положение (предложение) может быть либо истинным, либо ложным и иных вариантов быть не могло. Таким образом, мир-текст укладывался в «детскую» бинарную оппозицию: либо хороший, либо плохой; либо живой, либо мертвый; либо сухой, либо мокрый; либо день, либо ночь и т.д. Все, что выходило за грани этой бинарной оппозиции, все полутона и промежуточные состояния либо игнорировались и отменялись. Таким образом, получалось, что может быть либо свет, либо тьма,

а сумерки как таковые и переход из дня в ночь просто не существовали.

И именно против такого видения и направлена деконструкция Ж. Дерриды. Тексты становятся объемными, богатыми в смысловом плане. Но проблема в том, что если в рамках эпохи модерна расставлялись акценты и намечались линии продвижения (например, прогресс или регресс), то философия постмодернизма отказывается от подобных акцентов и от любой иерархии, ставя знак равенства абсолютно всем и вся, стирая различия между центром и периферией, отмечая любые предпочтения, а, по сути, девальвируя все значимое, приравнивая его к случайному, релятивизируя «старые» традиционные ценности, что, в конечном итоге, ведет либо к хаосу, поскольку в мире (и даже мире-тексте), где все равноценно и равнозначно, где отсутствует любая иерархия и нет ни центра, ни периферии, ориентироваться фактически невозможно, либо к установлению новых иерархий, ценностей и центров. И фактически именно это мы и наблюдаем в настоящее время, что говорит о том, что Ж. Деррида очень четко отразил процессы, происходящие в современных обществах, вошедших в эпоху постмодерна.

По большому счету, ряд идей, получивших развитие в постмодернизме и ставшими его методологическими установками, возникли задолго до этой философии. И здесь достаточно вспомнить хотя бы античных софистов, а, конкретнее, Протагора, пришедшего к чрезмерному выводу о том, что «все истинно», или Горгия, пришедшего к противоположному выводу о том, что «все ложно». И это лишний раз подтверждает постмодернистские идеи «смерти автора» (Р. Барт) и «смерти субъекта» (М. Фуко),

суть которых в том, что индивидуального, то есть собственно авторского текста как такового в эпоху постмодерна больше не существует, поскольку все уже давно было придумано и высказано другими, а современным сочинителям текстов только и остается, что создавать различные новые комбинации из того, что было наработано предшественниками. При этом поскольку все равноценно и равнозначно, то вовсе не порицается, а, наоборот, приветствуется, чтобы эти комбинации больше походили на коллажи, включающие в себя часто не сочетаемые различные фрагменты и отличались бы неопределенностью.

В ряду текстов эпохи постмодерна то обращает на себя внимание, то скрывается за иными равноценными и равнозначными ему текстами такой социальный феномен как неформальная молодежная субкультура. Очень громко заявив о себе во второй половине XX столетия, то есть во времена перехода ряда стран мира от эпохи модерна к эпохе постмодерна, неформальная молодежная субкультура затем как бы ушла в тень, фактически став привычным явлением и перестав потому бросаться в глаза, что создало у ряда исследователей ощущение, что она фактически канула в лету. Однако данное явление, хотя и несколько изменилось, поскольку прошло определенные этапы развития, но никуда девалось и может служить моделью для применения и демонстрации методологических принципов постмодернизма.

Сразу следует отметить, что все сказанное выше распространяется на феномен неформальной молодежной субкультуры. И, прежде всего, следует отметить то обстоятельство, что его всегда пытались представить в варианте бинарной оппозиции: при взгляде извне он выступал почти всегда в черном свете, с чем,

к сожалению для окружающих, приходилось мириться; а при взгляде изнутри субкультуры, то есть при восприятии ее самими неформалами, этот феномен оказывался белым, не омраченным никакими негативными тонами и нотками. Причем ни первые, ни вторые даже не пытались смешать черное с белым (или, наоборот, белое с черным) и увидеть в казавшемся им плохом что-то хорошее, а в казавшемся хорошем что-то плохое, что свидетельствует о том, что на феномен постмодерна смотрели через призму модерна, что было в корне неверно и, естественно, требовало иного подхода. Анализ же неформальной молодежной субкультуры, опирающийся на деконструкцию Ж. Дерриды, позволил не только увидеть полутона и смысловые переходы в исследуемом социальном феномене, но и его многозначность и полифоничность. Кроме того, стало очевидно, что при всей многовариантности неформальных молодежных субкультур все вместе они представляют нечто единое целое, в котором все составляющие элементы (субкультуры) одновременно и автономны, и взаимосвязаны, а также равноценны и равнозначны; в котором нет ни центра, ни периферии и полностью отсутствует иерархия и ценностей с самих неформальных молодежных субкультур, т.е. ни одна из существующих субкультур не является основной, главной, доминирующей по отношению к другим.

Для неформальной молодежной субкультуры как единого социального образования эпохи постмодерна характерно ризомное структурное строение. В принципе понятие «ризомы» ввели в философскую терминологию и понятийный оборот Ж. Делез и Ф. Гваттари [6], позаимствовав его из ботаники. Там это понятие существует для обозначения формы корневища, у которого нет

ярко выраженного основного (центрального) подземного стебля. Это приводит к тому, что в ризоме отсутствует четкая структура, а имеется лишь запутанная корневая система. Множество хаотически переплетающихся побегов ризомы, отмирая и заново отрастая, будучи непредсказуемыми, постоянно взаимодействуют с окружающей средой, что характерно и для неформальной молодежной субкультуры, не существующей вне «большого» общества, в котором носители субкультуры живут. Кроме того, следствием «ризомной» структуры неформальной молодежной субкультуры является отсутствие у нее таких характеристик, как централизация, упорядоченность и симметрия, что полностью соответствует миру постмодерна.

Ж. Делез и Ф. Гваттари выделили целый ряд принципов организации ризомы-корневища, которые соотносимы со сферами общественной жизни. Это, в первую очередь, принципы: «связи», «гетерогенности», «множественности», «незначущего разрыва», «картографии и декалькомании (переводной картинки)» [5]. Но насколько перечисленные принципы свойственны неформальной молодежной субкультуре?

По сути, принципы «связи» и «гетерогенности» означают лишь то, что все элементы и составляющие ризомы, а также их взаимосвязи равноценны и равнозначны, что подтверждается всей многолетней историей неформальной молодежной субкультуры: она всегда являлась единым социальным феноменом, включающим в себя различные по проявлениям и по численности неформальные молодежные субкультуры, ни одна из которых не доминировала в рамках этого феномена.

Чтобы проиллюстрировать принцип «множественности», Ж. Делез и Ф. Гваттари прибегли к аналогии с кукловодом, управляющим марионеткой. Философы наглядно показали, что всеми движениями куклы в действительности руководит вовсе не кукловод, стремящийся к тому, чтобы марионетка выполнила то или иное действие, а «множественность нервных волокон» кукловода. В итоге, кукловод сам превращается в марионетку этой множественности. Применительно к неформальной молодежной субкультуре это означает, что всевозможные детали и элементы, которые часто игнорируются, в действительности оказывают серьезное влияние на саму природу феномена. А потому необходимо не упускать из виду даже то, что на первый взгляд кажется малозначительным.

Согласно принципу «незначущего разрыва», корневище, разорванное в любом месте, возобновляет рост. Применительно к неформальной молодежной субкультуре, можно вспомнить, что все попытки советского Государства покончить с КСП, хиппи, панками и др., ни к чему не привели. Даже «ликвидированные» неформальные молодежные субкультуры появлялись вновь. Таким образом, этот принцип означает бессмысленность борьбы с неформальной молодежной субкультурой, являющейся результатом естественного развития общественных систем.

Посредством принципов «картографии» и «декалькомании» Ж. Делез и Ф. Гваттари показывали, что ризома – не механизм копирования, а карта с множеством входов. Эта карта открыта, подвижна, восприимчива к изменениям. Калька же не создает лишь копирует то, что уже есть. Рисунок на карте постоянно меняется, как меняется сама действительность; кальки же – лишь копии че-

го-либо. А потому ризоморфные объекты невозможно калькировать: любые попытки сделать это обречены на провал.

Иной ракурс рассмотрения неформальной молодежной субкультуры показывает, что она является племенной, «номадной» культурой, связанной с попытками молодых людей противостоять стереотипам массового сознания. К неформальной молодежной субкультуре таким образом применима концепция «номадологии» [5], согласно которой, когда престижность общественного человека ушла в прошлое, появился интерес к малым группам, или малым племенам, то есть маргинальности во всех ее проявлениях.

По Гваттари, в обществе «племена» склонны к «поперечности» ко всему по отношению к общепринятому. Племена-номады, отрицают идею исторического прогресса и заменяют ее «полифоническим витализмом», приводящим к «социальной живучести», или способности масс сопротивляться воздействию властных структур.

«Номады» – это племена кочевников, которые были менее культурными, чем оседлое население. Однако именно они сумели в прошлом противостоять власти государства, создав «машину войны», способную сокрушить империи. Номады – олицетворение сил, борющихся с централизованной властью. Любые свободные действия номад, не связанные с «государственным миром», превращаются в «машину войны». При этом сказанное позволяет провести аналогию между «племенами кочевников» и неформальными молодежными субкультурами, создающими собственные культуры, противостоящие Государству и всему, что с ним связано. Эти субкультуры не подвластны Государству, вы-

ступают против единого центра и не соответствуют «монолитной государственной структуре» модернизма. В результате неформальная молодежная субкультура, не имея собственного центра, оказывается нацеленной на децентрацию Государства.

Вплетенность неформальной молодежной субкультуры в социокультурную систему, завязанность ее «членов» и на родителей, и на место обучения размывает «границы» субкультуры. При этом в рамках самой неформальной молодежной субкультуры как социального феномена, несмотря на закрытость субкультур, входящих в нее, границы между субкультурами порой стираются. В результате неформальные молодежные субкультуры одновременно и дифференцируются и интегрируются.

Поскольку в неформальной молодежной субкультуре целью является отработка ее «членами» социальных ролей вплоть до насыщения ими, то в ней нет и не должно быть четкой иерархии и фиксированного центра, поскольку отработка ролей предполагает возможность попробовать как главные, так и второстепенные роли. Это приводит к «плавающему центру» и отсутствию «руководящего органа».

При использовании методологии постмодернизма необходимо учитывать, что в настоящее время совершается лишь переход индустриально-развитых обществ к постиндустриализму. Поэтому возможно говорить лишь об экстраполяции отдельных принципов и подходов методологии постмодернизма и об исследованиях, в которых этот подход сочетается с элементами иных подходов. Следовательно, правильнее говорить о постмодернистском уклоне или тенденции в социогуманитарном знании.

Неформальная молодежная субкультура – это явление, которое не укладывается в общую схему. А потому следует отказаться от попыток подвести его под общий знаменатель. Переход к полифонии позволяет подойти к неформальной молодежной субкультуре в ее многогранности и создать объемное, голографическое отображение [3], тем самым приблизив нас к пониманию и современным этой субкультуре общества и человека.

В рамках постмодернизма чужую культуру можно понять только тогда, когда она касается глубинных струны души человека [9]. Причем любая «чужая» культура должна обязательно стать субъектом диалога [4, с. 41]. Это неминуемо обернется рефлексией собственной культуры, потому что культуры могут существовать только во взаимном отражении; при этом, изучая культуры, мы познаем лишь их границы, а также их различия и сходства.

Диалогичность в познании «чужой» культуры в итоге приводит к изучению собственного социокультурного пространства. Таким образом, деконструкция чужой культуры на деле оказывается деконструкцией собственной [8].

Полифоническая исследовательская стратегия продуктивна лишь, если сам объект полифоничен, а также обладает такими характеристиками как ярко выраженные текучесть, фрагментарность, нониерархия составных частей и изменчивая конфигурация элементов. Только к таким культурам, а к ним относится и неформальная молодежная субкультура, возможно применять постмодернистскую методологию. Однако работа с неформальной молодежной субкультурой осложняется тем, что ее носители, выступая «комментаторами» и «интерпретаторами» собственно «культурного текста», по разным причинам создают ей целостный образ, искусственно придавая ее неопределенной совокуп-

ности четкую форму, заглушая одни голоса и усиливая другие. Данную ситуацию хорошо иллюстрирует идея Дж. Джексона, согласно которой субкультура выступает «как динамичный процесс, для которого подходит аналогия джаз-оркестра. Джазмен обладает определенным репертуаром, в рамках которого осуществляется импровизация, но музыка, исполняемая в каждом конкретном случае, зависит от аудитории и от товарищей по оркестру. Так же и конкретная конфигурация элементов культурного наследия есть мгновенный результат взаимодействия носителей культуры с конкретным внешним окружением. По-настоящему существует только игра, комбинаторика отдельных элементов культуры, целое всякий раз рождается заново» [7, с. 3-27].

Таким образом, носители неформальной молодежной субкультуры занимаются ее сознательным самоконструированием: они озабочены тем, как их воспринимают окружающие, какой образ они создают в глазах Другого, то есть они «конструируют» свою культуру в расчете на зрителя, внешнего наблюдателя (это не касается полностью закрытых неформальных молодежных субкультур).

Таким образом, обращение к неформальной молодежной субкультуре позволило нам продемонстрировать адекватность положений философии постмодернизма для понимания феноменов общества постмодерна.

Список литературы

1. Барт Р. Мифологии. – М., 1996.
2. Деррида Ж. О грамматиологии. – М., 2000.

3. Clifford J. Introduction: Partial Truths // Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography. – Berkeley, 1986.
4. Clifford J. The Predicament of Culture. – Cambridge. 1988.
5. Deleuze G., Guattari F. Nomadology: The War Machine. – N.Y., 1992.
6. Deleuze G., Guattari F. Rhizome. – P., 1976.
7. Jackson J. Culture. Genuine and Spurious: The Politics of Indians in the Vaupes. Colombia // Am. Eth. 1995, Vol. 22, № 1.
8. Marcus G., Fisher M. Anthropology as a Cultural Critique: An Experimental Moment in the Human Sciences. – Chicago. 1986.
9. Rosaldo R. Culture and Truth: The Remaking of Social Analysis. – Boston, 1989.

**О КРИЗИСЕ ПОСТМОДЕРНА, ПОСТМОДЕРНИЗМЕ
И НОВЫХ ОЖИДАНИЯХ «КОНЦА ИСТОРИИ»**

Левикова С.И., Пилюгина Е.В.

*Московский педагогический государственный университет,
Москва, Россия*

**ABOUT THE CRISIS OF POSTMODERNITY,
POSTMODERNISM AND NEW EXPECTATIONS
OF THE «END OF HISTORY»**

Levikova S.I., Pilyugina E.V.

*Moscow Pedagogical State University,
Moscow, Russia*

В статье рассматривается активизация в современном социогуманитарном знании концепций кризиса пост-модерна (постмодернизма). Она объясняется спецификой общества постмодерна и постмодернизма как его осмысления, а также, остаточными явлениями модерна, что ведет к использованию модернистских трафаретов (линейной концепции истории) при социально-историческом анализе постсовременности. Выявляется семантическая подоплека проблемных моментов в постпостмодернистских теориях: размытость и конвергенция понятий «постмодерн», «постмодернизм», «постиндустриальное общество». Представляется авторское видение ситуации названного «кризиса».

Ключевые слова: *постмодерн; постмодернизм; постиндустриальное общество; информационное общество; постпостмодерн; постпостмодернизм.*

Activation in modern socio-humanitarian knowledge of concepts of crisis of post-modern (post-modernism) is examined in the article. It is explained by the specifics of post-modern society and post-modernism as its comprehensions, and also by the remaining of modern phenomena that conduces to using of modernistic stencils (linear conception of history) for the socio-historical analysis of post-contemporaneity. The semantic hidden motive of problem moments comes to light in post-modernism theories: washed out and convergence of concepts «post-modern», «post-modernism», «postindustrial society». The authors' vision of situation with the «crisis» is given.

Keywords: *postmodern; postmodernism; postindustrial society; information society; postpostmodern; postpostmodernism.*

В связи с текущим масштабным геополитическим кризисом, вызванным кризисом сложившейся глобальной экономической системы, а также цивилизационным кризисом, предвосхищающим смену цивилизационной вехи, связанной с мировой гегемонией Западной цивилизацией, охватившее сегодня человечество преапокалипсическое состояние выливается в метафизические размышления о «начале конца», его предпосылках и о том посткризисном мире, который «в зародыше» или уже готов родиться. В активизации подобных размышлений нет ничего удивительного; первые попытки проанализировать кризис накануне кризиса были представлены еще «философией жизни» А. Шопенгауэра и Ф. Ницше, а также, геоисторическими теориями О. Шпенглера, Н. Данилевского, А. Тойнби; а в разгар кризиса – экзистенциалистской философской волной от С. Кьеркегора и М. Хайдеггера до Х. Ортеги-и-Гассета и Ж.П. Сартра. Речь идет о кризисе общества модерна, конце Нового и начале Новейшего времени, преобразовании индустриального общества в постиндустриальное, модернистской ментальности в постмодернистскую.

Сегодняшние философские, социологические, культурологические, политологические и даже экономические «кризисные» концепции, поспешно констатирующие окончание текущего *исторического* периода и начало какого-то нового этапа, вызывают ряд вопросов. Прежде всего: о кризисе и возможном конце *чего* мы говорим? Если человечество находится в «состоянии

постмодерна», что зафиксировали Л.Ж. Лиотар [4] и его последователи, то в основе всех этих теорий должно быть представление о конце постмодерна как историко-культурного этапа развития Западной цивилизации и мира в целом. Действительно, названия исследований говорят за себя: «Смерть постмодернизма» [12], «От модернизма к постпостмодернизму...» [6], «От пост- к про-то-. Манифест нового века» [8], и даже «Постмодернизм – реальность или фантазия?» [7]. Показательно, что особенно активно тема «конца постмодерна/постмодернизма» обсуждается в сегодняшней России; куда меньше эта проблема интересует западную мысль, даже в лице главных идеологов постмодерна, французских философов-постмодернистов Ж. Делеза, Ж. Бодрийера, Ж. Деррида, Л.Ж. Нанси.

Более того, логика (мультилогика) постмодернистского подхода, как и понимание общества постмодерна постмодернистами таковы, что ни о каком «конце» принципиально спонтанной, непрерывно семантически деконструируемой, сингулярной, *ризоморфной* социальной действительности, развивающейся *нелинейно и горизонтально* (параболически), или, даже, по принципу «ленты Мебиуса», когда прошлое плавно переходит в будущее («начало» в «конец») и обратно, говорить не приходится. В лучшем случае, следует рассуждать о «реальности конца», размноженной и бесконечно растянутой во времени, трактуемом нелинейно и не одномерно. Отсюда, концепт социальной имплозии у Ж. Бодрийера [1, с. 42-45] как латентного внутреннего взрыва – своеобразного «инсульта» общества, который вовсе не обязательно знаменует «окончательный конец» и «смерть пациента»; или теория «непрерывно прерываемого мифа» как основания и оправдания совре-

менного социального бытия у Л.Ж. Нанси [6, с. 94], или идеи деконструкции Ж. Деррида. Поэтому неудивительно, что большая часть сегодняшних рассуждений о возможном переходе на новую ступень происходят в призме линейной вертикальной концепции истории и свидетельствуют не о предощущении «конца постмодерна», а о тенденции оценивать постмодерн по старым лекалам модерна. Это объясняет, почему подобные идеи популярны вне поля тяготения «классического постмодерна» (вне Западной Европы). Если же учитывать, что мир глобализировался и, так или иначе, постмодерновая/постмодернистская реальность эпидемически охватывает все человечество, актуализация теорий «конца постмодерна» на периферии от «ядра» постмодерна представляется как попытка незападного переосмысления постмодерновой реальности, открытия возможности ее иного ветвления (в духе семантической полифонии постмодернизма). А активность российской культурной элиты в роли «застрельщиков» постмодерна имманентна русской ментальности, тяготеющей и к развитию, и к противостоянию западноевропейской традиции.

Но если постмодерн – исторический этап развития, то, даже учитывая ускорение исторических процессов, не слишком ли мало отводится времени для проявления, реализации, углубления и распространения его базовых принципов? Ведь общество постмодерна и постмодернистский взгляд на мир как его ментальность, сформировавшиеся после двух мировых войн (во 2-ой половине XX в.), еще не преобладают во всем мире (хотя, проявления очевидны и в России, и в Китае, и в Индии, и в арабском мире). *Насколько* втянуто в постмодерн и постмодернизм западное мировое сообщество, также, как оно было втянуто в мо-

дернизм – вопрос открытый. Общество модерна, выпестованное на Западе в XVI-XVIII вв., активно распространяемое в XVIII-XIX вв., лишь к середине XX в. окончательно покорило человечество от Европы до Азии и даже Африки. Но на это понадобилось 500 лет. Отведенные же вестниками «конца постмодерна» немногим более полстолетия – катастрофически мало для разворачивания цивилизации или ее типа (как бы ни трактовали постмодерн). А, учитывая, что размышления о кризисе постмодерна/постмодернизма начались чуть ли не с его осознания, то тем более преждевременное стремление «похоронить» его вызывает недоумение. Как иронично сказал об этом М. Липовецкий, «пациент скорее жив, чем мертв» [10]. Постмодернистско-постмодерновый мир подобен «коту Шредингера», который то ли есть, то ли нет; и понять это точно в минуту размышления (пока от социокультурной системы не дистанцированы *реально*) невозможно. Теории «конца постмодерна/постмодернизма», апеллирующие к определенному пониманию терминов, свидетельствуют лишь о том, что мы еще в процессе его осознания и в «состоянии постмодерна», или в семантическом поле его тяготения.

Но «поле постмодерна» – ноуменальное и номинальное пространство: пространство языка и понятий. Слова всегда имеют значение, а в современном мире только слова и имеют значение, ведь они наиболее важные знаки информационной среды. И здесь приходится отметить, что, несмотря на активное исследование постмодерна, постмодернизма и базовых принципов постиндустриального общества на протяжении полувека, термины, начинающиеся с приставки «пост», все так же размыты; а значит, соответствующие им социальные явления тоже семантически

и социально не расчленены. Поэтому заданный выше вопрос: «О кризисе и конце *чего* мы собираемся рассуждать?», – должен стать преамбулой всех рассуждений о современном обществе. Проблема в том, что в большинстве работ о постмодерне/постмодернизме так вопрос не ставится, в результате чего обозначенные термины часто трактуются как тождественные и взаимозаменяемые, хотя используются для описания совершенно разных сегментов социума и явлений социальной жизни.

Важно отметить, что в европейских языках (и соответствующих им культурах) чаще употребляется одна из принятых форм: *postmodernism* в англо-американской традиции, *la postmoderne* во французской культуре, *postmoderne* в немецкой. Можно было бы постулировать эквивалентность этих обозначений и их денотатов только в том случае, если бы культура, общество, цивилизация являлись идентичными понятиями и явлениями. Путаница возникла на заре «осознания постмодерна». Так, Ж. Лиотар называет работу «Состояние постмодерна» («*La condition postmoderne*») [4] и описывает признаки новой духовной ситуации, ментальности Запада; В. Вельш («*Postmoderne. Genealogie und Bedeutung eines umstrittenen Begriffs*») [11] при выяснении генеалогии понятия «постмодерн» перечисляет признаки и общества, и культуры, сопоставляя, одновременно, и с «постиндустриальным обществом» социолога Д. Белла, и с культурологической концепцией «постистории» Ж. Бодрийяра. Более последовательны представители англоязычной культуры, употребляющие, как правило, понятие «*postmodernism*» и говорящие при этом только о культурологических явлениях; термин «*postmodern*» используется как прилагательное – «постмодернистский», а современное

общество обозначается «post modernity». Но при этом именно в англосаксонской гуманитарной традиции (особенно, американской) оказались смешаны понятия «постмодернизм» и «постиндустриализм».

Предпосылками такой смысловой конвергенции явился диссонанс между генеалогией указанных понятий и динамикой соответствующих им проявлений в социальной среде. В. Вельш отмечает, что понятие «постмодерн» (имея в виду «постмодернизм») родилось раньше, чем феномены, обозначаемые им: активное проявление «постмодернистской волны» в культуре и обществе традиционно относят ко второй половине XX в., а дебют понятия «постмодерновый» («postmodern») приходится на 1917 г. (в книге Р. Паннвица «Кризис европейской культуры»); в 1934 г. испанским литературоведом Ф. де Онисом была артикулирована трактовка «постмодернисимо» («postmodernisimo») [2, с. 111-113], а в изданной в 1947 г. работе «Постижение истории» английского историка А. Тойнби понятие «пост-модерн» (post-Moderne) обозначило современный этап общества в противовес предыдущему этапу «модерна» (Нового времени).

В русской речи термин «постмодерн» фиксирует социальные (гендерные, экономические, технологические, политические, этнические) признаки; постмодернизмом обозначают явления в культуре (искусстве, литературе, философии) или современный этап развития культуры; когда хотят отметить специфические черты в экономике: преобладание сферы обслуживания над производством, банковской сферы над промышленностью и т.д., используют понятие «постиндустриальный мир». Хотя и у русскоязычных авторов часто встречаются «разночтения» и смешение

понятий: так, М. Хазиным [7] понятия «постмодерн» и «постиндустриальное общество» представляются как эквивалентные и трактуются как негативные и бесперспективные; М. Эпштейн [8; 9] же рисует красочный позитивный образ Будущего – информационного общества «постмодерна» и предлагает заменить приставку с «пост» на «про», полагая, что постсовременность – это не «конец», а «начало» новой эпохи. М. Липовецкий и Н. Маньковская [5], будучи исследователями постмодернизма в литературе, определяют понятия «постмодернизм» и «постмодерн» как синонимичные, или постмодернизм как культурное явление, свидетельствующее о вступлении России в социальную постмодерновость.

Путанность и зыбкость понятий обеспечивает размытость и симуляцию обозначаемых ими явлений, когда все неоднозначное в культуре и не прогнозируемое в социальной жизни трактуются как «постмодернизм». Дабы избежать такого давления слов, следует договориться о ключевых терминах современного социума. Мы исходим из того, что эти понятия не эквивалентны, но конгруэнтны друг другу (то есть, не взаимозаменяемы, а субконтрарны); а соответствующие им социальные явления – когерентны по времени и событийно синхронны; иначе наиболее значимые и емкие понятия ассимилировали бы другие, что не происходит, так как указанные термины еще актуальны – ими обозначаются различные социальные явления или даже сегменты общества.

Так, понятием «постмодернизм» правильнее маркировать явления культуры. При этом надо иметь ввиду два уровня понимания «современной культуры»: как относительно целостного устойчивого явления, воплощающего смысл общества, и как от-

дельные частные явления, представляющие его специфические черты. В первом случае постмодернизм – ментальность общества постмодерна, духовная квинтэссенция современного социума; включает такие характеристики, как интересубъективность, интерактивность, принципиальную нестабильность (кризисность – метафизическую увлеченность кризисными явлениями), радикальную установку на семантический плюрализм, толерантность, трансгрессию, событийность, конвергенцию рационального и иррационального, полилогию и паралогию, новую мифологизацию реальности. В таком понимании «конец постмодернизма» наступит, когда исчерпает себя эпоха, возникнут предпосылки перехода к новому обществу, которые люди почувствуют и попытаются осознать, воплотив в новых явлениях культуры. Рассуждения о «конце постмодернизма» как культуры в этом случае будут конгруэнтны рассуждениям о «конце постмодерна» как определенного типа общества, – настолько, насколько конгруэнтны собственно культура и общество.

Если же под «постмодернизмом» понимать частные явления в культуре – философии, литературе, искусстве (что наиболее активно исследовалось в XX в.), предполагающие гипертекстуальность, «смерть автора», подчеркнутую деидеологизацию, дискурсивность, смешение стилей и образов, провокационность, фрагментированное обращение к псевдоисторическим фактам, то размышления о «конце постмодернизма» не выходят за рамки искусствоведения и литературоведения, выглядят как прикладные теории о стилях и моде на них, и не должны трактоваться как метафизические концепции. Проблема в том, что именно так и трактуются, а присущая таким (постмодернистским) произведениям

стистика представляется как трансцендентальные основания культуры в целом (или, по М. Липовецкому, «метафизическая парадигма культуры» [5]). Но это ведь тоже самое, как если бы все стили и направления искусства модерна были сведены к одному, например, футуризму, обозначенному «метафизической парадигмой культуры» модерна.

Дело в том, что общество постмодерна развивается слишком быстро, из-за чего происходит динамичная трансформация постмодернизма как стиля и направления культуры в постмодернизм как выражение культуры в целом через наложение одного на другое. Причем постмодернизм как стиль, будучи полилогичным, поливекторным и плюралистичным в искусстве, в литературе и в философии, оказался безальтернативным. Философские направления деконструктивизма, структурализма и постструктурализма выглядят как ветвления постмодернизма, или даже акценты. В области же литературы и искусства нет и этого – постмодернизм настолько в себя вобрал все возможные стили (смешав их произвольно), став, фактически, универсальной категорией для обозначения всего нового, авангардного, что оказался вне стилей, или, над стилями; причем на протяжении полувека. В результате, суть постмодернизма как культурного явления – борьба против метанарративов и тоталитарных идей – парадоксальным образом стала новым метанарративом и новой «идеей-фикс». Культурный постмодернизм (и философский, и литературный) – воплощение кризисного взгляда на мир. Если, с одной стороны, экзистенциалисты, а с другой, кубисты, импрессионисты, сюрреалисты начала XX в. зафиксировали кризис (общества модерна) с целью его преодоления, то постмодернизм – попытка «сжить»

ся» с кризисом. И в этом случае, разговоры о «конце постмодернизма» призваны преодолеть «кризис самого кризиса», разрешив возникшую дилемму универсализации деуниверсализации, пунктирно обозначив возможности развития творческой сферы. Вводимый Н. Маньковской термин «постпостмодернизм» (но не другими исследователями) призван решить эту задачу, и может использоваться в таком контексте лишь в сфере литературоведения и искусствоведения, даже не культурологии и тем более не философии. В этом плане термин «постпостмодернизм» соизмерим с другими аналогичными понятиями («диджимодернизм» А. Кирби, «постмиллениум» Э. Ганса, «метамодернизм» Т. Вермюлена и др.) и должен рассматриваться как стремление преодолеть неестественную для постмодернизма универсализацию самого постмодернизма в искусстве и литературе через диверсификацию, и как естественный процесс развития духовной культуры посредством новых стилей – в рамках единой культурной парадигмы.

Подчеркнем, в данном случае, и постпостмодернизм, и его искусствоведческие синонимы вовсе не противостоят постмодернизму, как авангард, кубизм, экспрессионизм представляли собой разные стили в рамках одной модернистской парадигмы. Напротив, развитие новых разнообразных стилей и направлений искусства и литературы раскрывает потенциал постмодернистской культуры и постмодернового социума как плюралистичной и полифоничной среды. Но тогда следует четко ограничить сферу применения термина «постпостмодернизм» только искусствоведением и литературоведением и не маркировать им социально-исторические явления.

Примечательно, что для социальных философов, социологов, политологов, экономистов характерно смешение, отождествление понятий «постмодерн» (реже – «постмодернизм») с введенным Д. Беллом технократическим концептом «постиндустриальное общество», акцентирующем даже не экономическую сферу, а определенные ее признаки и сегменты. Сам термин американского социолога лишь указывает на состояние экономики, максимально реализовавшей программу промышленного развития, и обозначает рубеж, когда переносится акцент с техники на технологии, то есть, с реального сектора экономики, занятого производством жизненно необходимых вещей – в виртуальный мир технологий от финансовых до информационных, от технологий маркетинга и менеджмента до политехнологий. Возможно, в узко экономическом плане, обоснованно говорить об исчерпаемости такого варианта общества. Но мы обращаем лишь внимание, что более емкие понятия «постмодерн» и «постмодернизм» не сводимы к понятию «постиндустриальное общество», скорее, перекрещиваются, или даже включают постиндустриальный вариант экономического обоснования постмодернового мира, также, как модерновый мир имел несколько вариантов экономик: либерально-рыночную, планово-административную, смешанную. И если выдвигаются обоснования критичного состояния американского постиндустриального варианта экономики, то следует говорить об этом, а не о «конце постмодерна» или «постмодернизма». Ведь постмодерн как тип общества и постмодернизм как культурная парадигма наиболее полно и ярко воплощены в Западной Европе, а не в Северной Америке. США, представляемые некоторыми аналитиками «чистым» постмодерном, на деле, выглядят как дайджест

западноевропейской постмодерновой реальности; или, как колоритно выразился Жан Бодрийяр [1, с. 9], «свежезамороженный инфантильный мир» – практика консервации западноевропейского постмодернового общества через семантическое упрощение и даже выхолощивание постмодернистских постулатов, замену их искусственным «генетически модифицированным» теоретическим материалом и, тем самым, симуляцию «живости объекта» через сохранение *формы*.

Для Западной Европы же постмодерн – это состояние духовное, а не экономическое и не экономико-политическое; это трансцендентальное состояние диверсификации и *разложения ценностей*, связанное с полиценностным неиерархизированным (семантически четко не структурированным) социальным бытием. Это кризис, но кризис *депрессивного*, а не стрессового типа, что не делает его менее опасным; кризис реальности, диссонанс между метанарративным постмодернистским западноевропейским восприятием социальной реальности и непосредственно социальной реальностью – мультинарративной, полиморфной, многовекторной.

Введение социологического термина «информационное общество» было попыткой компромисса между термином Белла и социокультурными терминами «постмодерн»/«постмодернизм». Концепт «информационное общество» маркирует современный мир как глобальную информационную среду. Информация, трактуемая широко, пронизывающая и определяющая содержание всех сфер социальной реальности квалифицируется как признак сегодняшнего социума. Но информация – это пока лишь *количественное* явление. Плюс термин «информационное общество»

акцентирует содержание, *сущность* современной социальной среды. Понятиями же «постмодерн» и «постмодернизм» обозначают признаки, свойства, специфику и форму проявления, *существования* социальной среды. А, так как для современного информационного мира, в котором всякая вещь (факт, явление) может быть представлена как информация о вещи, куда важнее не то, какая информация представляется (распространяется), а то, *как* она представляется (распространяется); то есть не информация, а ее маркетинг, брэндинг и мерчандайзинг. Форма, образ оказываются социально значимее, влиятельнее, чем содержание; содержание может быть и симулякром. То есть, в гипероткрытом сверхинформационном обществе суть не в информации, а в маркетинге информации. Такое информационное общество может развиваться лишь в постмодерновом варианте, а постмодернизм предстает как надстройка над информационным базисом современного социума. Утверждать о «конце постмодерна/постмодернизма» – то же, что свидетельствовать об окончании информационного общества (переходе в другую стадию с перерастанием количества информации в ее качество); и то же, что рассуждать о «завершении» или «кризисе глобализации» только на основании обострения в современном мире этнических и межгосударственных конфликтов.

Итак, активизировавшиеся теории «конца постмодерна/постмодернизма» выдают желаемое за действительное. Как глобализация или информационные технологии, так и постмодерн еще не в полной мере проявились/охватили мировое сообщество, на периферии своего влияния вступая в противостояние с локальными

культурно-экономико-политическими структурами и модернистскими взглядами. С другой стороны, одностороннее представление о постмодерновом обществе как квинтэссенции развития западной цивилизации и ее стагнации, в духе модернистской линейной «вертикальной» концепции истории, противоречит горизонтальной динамике и ризоматической сущности самого постмодерна, отрицающего конец в линейно-историческом модернистском измерении. Тем более, что сама постмодерновая реальность как мир-ризома предполагает множественные разнообразные варианты ветвления социальной действительности, и вовсе не обязательно через развитие изначальных, «родовых» «отростков»: ризома-«корневище», по Ж. Делезу, растет с середины [3, с. 18].

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция // <http://existencia.livejournal.com>
2. Вельш В. «Постмодерн». Генеалогия и значение одного спорного понятия // Путь, 1992. № 1.
3. Делез Ж., Гваттари Ф. Ризома / Капитализм и шизофрения: Тысяча плато. – М.: АСТ, 2010.
4. Лиотар Ж. Состояние постмодерна. – СПб: Алетейя, 1998.
5. Маньковская Н.Б. От модернизма к постпостмодернизму via постмодернизм // Коллаж-2. – М.: ИФ РАН, 1999.
6. Нанси Ж.Л. Не производимое сообщество. – М.: Водолей, 2009.
7. Хазин М. Постмодерн: реальность или фантазия? // <http://worldcrisis.ru/crisis/170860>

8. Эпштейн М. De'but de siecle, или От пост- к прото-. Манифест нового века // <http://magazines.russ.ru/znamia/2001/5/epsh.html>
9. Эпштейн М. Прото-, или конец постмодернизма // Знамя, 1996. № 3.
10. Это критика. Интервью с Марком Липовецким о постмодернизме // <http://www.litkarta.ru/dossier/lipovetsky-interview/>
11. Welsch W. «Postmoderne» oder der Kampf um die Zukunft / Hrsg. v Peter Kemper. – Frankfurt. Frankfurt am Main, 1988.

**«СОБЫТИЙНЫЙ ЧЕЛОВЕК»
В СОБЫТИЙНОЙ РЕАЛЬНОСТИ ПОСТМОДЕРНА**

Левикова С.И., Пилюгина Е.В.

*Московский педагогический государственный университет,
г. Москва, Россия*

«EVENT-MAN» IN EVENT POSTMODERN REALITY

Livikova S.I., Pilugina E.V.

*Moscow State Pedagogical University,
Moscow, Russia*

Феномен «событийного человека» активирован современной социальной реальностью постмодерна, воспринимающей факты и явления как события (истории). Ключевыми аспектами формирования «событийного человека»

оказываются: семантически многослойный пространственно-временной континуум постмодерна, «горизонтальная полиценностность» – обесценивание социальной реальности (социальных отношений, социума в целом) в результате культивирования множества равновесных ценностей, отсутствия иерархии между ними. Такой человек обитает в панмифологизированной реальности – сконструированных с помощью масс-медиа мифических образах реальности посредством конвергенции и реверсии сознания и подсознания; и гипертрофии связей при аннулировании субъектности.

Ключевые слова: *событийная реальность; «событийный человек»; панмифологизация реальности; ризома; ризоморфные образования; горизонтальная полиценностность.*

The phenomenon of «event-man» is activated by contemporary social postmodern reality, perceiving facts and phenomena as events (history). Key aspects of the formation of «event-man» are: semantically multilayered space-time postmodern continuum, «horizontal multivaluableness» – depreciation of social reality (social relations, society in general) as a result of the cultivation of the set of equilibrium values, of the lack of no hierarchy between them. Such a person lives in panmythologized reality – constructed with the help of mass media mythical images of reality through convergence and reversal of conscious and subconscious; and hypertrophy of relations with cancellation subjectivity.

Keywords: *event reality; «event-man»; panmythologization of reality; rhizome; rhizomorphic formations; horizontal multivaluableness.*

Одним из ключевых концептов постмодерна, призванных семантически «схватить» суть современного общества как полифоничной, спонтанной, динамичной, открытой, принципиально нелинейной системы является концепт «событие». Переформатирование в постмодернистском ракурсе и введение в оборот постмодернистской философией, и шире, постмодерновой гуманитарной наукой, концепта «событие», как и других терминов (ризома, симулякр, деконструкция – понятий введенных, соответственно, Ж. Делезом, Ж. Бодрийяром и Ж. Деррида [6; 12; 7]) было осуществлено с целью создания своеобразных «лингвистических инструментов», имманентных обозначенной многослойной среде с поливекторным развитием – не столько для отвлеченного понимания происходящего, сколько для ориентации в происходящем и бытия в самом фундаментальном смысле этого слова. Благодаря таким «лингвистическим инструментам» человек прояснил для себя некоторые аспекты сегодняшней действительности; но и, будучи непосредственно источником новых семантических заданностей, информационным «носителем» современной социальной информационной системы как определенного варианта понимания реальности, впитал в себя те принципы бытия, которые приписывал внешней среде. Другими словами, событийную реальность (ризоморфную, симулятивную, непрерывно семантически деконструируемую) может осознать лишь такой же «событийный человек». Событийная реальность производит

«событийного человека», который, в свою очередь, активизирует реальность не фактов, а событий. Событие же – всегда история, рассказ о происходящем, подразумевающий личную позицию «автора»; преамбулой же каждой такой истории является нарративное восприятие («рассказчика»), обеспеченное его участием (иногда чисто ноуменальным) в других событиях-историях. Так одно событие становится кодом для активации другого; события производят события, а между ними, как скрепа, помещается «событийный человек», для которого, кроме событий, в действительности уже больше ничего нет, по крайней мере, ничего такого, на чем стоило бы задержать взгляд. «Голые факты» его не только не интересуют, но и просто игнорируются; да, и нет больше никаких «голых фактов», – только факты, вписанные в событийную ситуацию, о которых можно было бы сочинить увлекательную, лучше, драматическую, историю. Это отображение реальности в форме не документального кино, а триллера. Точнее, теперь и так называемое «документальное кино» или даже новостные сюжеты телевидения выглядят как триллер, часто в нескольких «сезонах» и сериях, каждая из которых заканчивается «на самом интересном месте». Только такую реальность может воспринимать «событийный человек», будучи частью ее.

Однако как происходит активация «мода» «событийного человека» в глобальной информационной системе общества, каковы ее условия?

«Слоистый» пространственно-временной континуум

Сегодня человек, общество в целом и каждый его сегмент находятся одновременно в нескольких слоях исторического време-

ни и на разных уровнях социального пространства. В темпоральном аспекте речь идет уже даже не об излюбленном образе Жана Бодрийера, «ленте Мебисуа», когда прошлое плавно перетекает в настоящее, а настоящее в будущее, и затем обратно; причем это происходит непрерывно, так, что невозможно сказать, в прошлом ли находится субъект или уже в будущем. (На этом основывается сегодняшний феномен панмифологизации реальности, когда отдельные паттерны прошлого реанимируются, актуализируются посредством масс-медиа и подаются как мифические образы современности). Но сегодня процесс переформатирования знаковой связки времени-бытия идет дальше: человек как социальный субъект может осознавать себя одновременно находящемся и в прошлом, и в настоящем и в будущем как слоях действительности; сам субъект предстает не как символическая «точка» социальной реальности, но как «струна», пронизывающая все возможные временные слои.

Уже в начале постмодерна время как категория перестало быть «священной коровой» восприятия действительности. Оказалось, время можно перекраивать, сжимать или растягивать, диверсифицировать на отдельные фрагменты и затем произвольно их смешивать, составляя искусственную пазловую реальность. В отношении социального (исторического) времени – время событий выражается в обращении социума к отдельным событиям как априорным историческим «фактам» для оправдания действий в современности, а также, ремиксах истории – представлении современных социальных ситуаций как повторения важных исторических событий, хотя, на деле, они могут иметь отношение к этим протособытиям лишь опосредованное. Это не просто и

не только интерпретация «истории» и современности в ракурсе значимых драматических (по Ф. Анкерсмицу «травматических» [1, с. 34]) событий прошлого. Для «событийного человека» время сворачивается в условную точку «здесь и сейчас», а затем разворачивается, распадаясь на множественность событий, переплетенных и перемешанных друг с другом настолько, что уже невозможно определить хоть какую-то последовательность между ними. События связываются как проявления («ветвления») одной ризомоподобной событийной реальности. Человек оказывается одновременно в прошлом, настоящем и будущем, проявляясь в разных аспектах бесконечной сериальности событий, и хайдеггеровское бытие «здесь и сейчас», *Dasien* («тут-вот-есть бытие») [10, с. 37-47], для него становится не более, чем абстракцией, или «пустым именем», как у У. Эко «имя розы» [11, с. 4-7], которое может быть наполнено каким угодно содержанием (по Ж. Делезу, – «плавающим означающим», «странным аттрактором» [5, с. 77, 116]). Фактически, для «событийного человека» и нет уже никакого «здесь и сейчас», или оно трудноуловимо; есть *«многое во многом»*. Для представления и понимания такой социальной действительности применима популярная ныне в естествознании «теория суперструн» (что может свидетельствовать о конвергенции современных естествознания и гуманитарного знания [13]). В этом плане для «событийного человека» «точка отсчета» – событие никакая не точка, а струна, замкнутая или открытая, непрерывно перемещающаяся по «мембране» некоторого социального многообразия («общества»), взаимодействующая как с социальной «мембраной», так и с другими «струнами» событий, обладающая множеством семантических измерений. Осознавая

все события и самого себя находящимися одновременно в разных исторических «временах», в ракурсе разных темпоральных измерений, современный человек при этом сам фрагментируется.

То же происходит в пространстве социального бытия – оно расслаивается, что позволяет одновременно существовать на разных уровнях одного пространственного континуума, которые могут находиться во взаимной конфронтации, в результате чего часто воспринимаются как совершенно разные, не связанные пространства («миры»). Так, можно выделить уровни семьи, малой группы, этноса, государства (страны), человечества в целом. Если добавить, что есть еще подуровни, а также, что в глобализированном мире в силу конвергенции всех слоев границы между ними (государствами, этносами, социальными общностями и т.п.) размыты, то можно представить, каким сложным, запутанным – ризоморфным – предстает современное социальное бытие.

«Горизонтальная полиценность»

Конечно, человек и ранее считался (и был) частью этих групп и сообществ, но, в силу четких границ между ними, можно было *распределять действительность*. Целостность социального бытия обеспечивалась иерархией (культурной, исторической, личностной) социальных уровней и культурных ценностей. В традиционном обществе выбор – каким ценностям следовать «здесь и сейчас», в условную «точку» времени – делало за человека общество; в модерновом обществе акцент сместился на личность: право выбора и тяжесть (трагедия) выбора и ответственность него ложились на плечи индивида, обеспечивая его личностное становление. Сегодня же, в мире ценностной конвергенции и,

как следствие, «рассеивания ценностей» [2, с. 6], в мире ризо-мы, когда все ее ветвления возможны и не вероятностны одновременно, аннигилируется сам смысл выбора. В условиях, когда человек остро ощущает себя одновременно частью различных сообществ, между которыми не обозначена ценностная иерархия, происходит раздробление, расслоение, и затем, спонтанная фрагментация пространства бытия человека. И, как следствие, – раздвоение, растроение и т.д., личностное «размножение» человека. Ведь фрагментация бытия, по меньшей мере, опасна для сознания, для *направленности внимания* на объекты внешнего и внутреннего мира, выделения их. Выделить вещь (субъекта отношений, социальную среду) на основе ее ценности и значимости в радикально многозначном мире в условиях принципиальной ценностной толерантности едва ли возможно. Поэтому все «вещи» должны мыслиться одновременно. Но это – разрыв сознания. Разорванное, расколотое сознание уже не есть со-знание. Сегодня достаточно примеров «внезапной» агрессии и вспышек безумия в самых рациональных, цивилизованных, толерантных, семантически открытых, либеральных и демократических обществах: не подчеркнутый девиант, а тихий и скромный обыватель вдруг берет оружие и начинает стрелять – в метафизическом плане, не в других людей, а в эту хаотичную полиценностную (или бесценностную) реальность, в себя, как распадающуюся, фрагментарную часть этой реальности.

Панфмифологизация реальности

Чтобы сохранить себя в хаотичной и спутанной реальности, современный человек создает маркеры-мифологемы – символи-

ческие образы реальности, позволяющие ему хоть как-то ориентироваться в «ценностно-горизонтальном» мире. Вся современная социальная жизнь подчинена производству мифологем; это напрямую связано с событийным восприятием реальности: мифологемы проецируются в события, а события обеспечивают жизнь и активность мифологем, которые, подобны вирусам, распространяются в событийной среде. Причем, многие мифологемы – это искусственно возвращенные «вирусы» [8].

В многослойной пространственно-временной реальности символическая связность отдельных слоев (для создания более-менее целостной картинки в сознании) обеспечивается через событийное восприятие, которое осуществляется не в призме сознания (и логики, которым оно руководствуется), а в призме событийности. Современная мифологема – событийная ситуация, связанная с рационализацией подсознания (в отличие от мифов традиционного общества, воплощавших «чистое» подсознание, архетипы, и от идеологии общества модерна, апеллировавшей исключительно к разуму). Точнее, в поле мифологемы происходит непрерывная реверсия сознания к подсознанию и, затем, обратно. В результате, сознание и подсознание оказываются тоже связаны по принципу «ленты Мебиуса», когда определить, что же что вызывает невозможно: сильные эмоциональные переживания предопределяют некоторое рациональное обоснование социальной жизни, экономики и политики, или, наоборот, некоторое рациональное обоснование социальной жизни, экономики и политики обеспечивает сильные эмоциональные переживания.

Производство и распространение мифологем, представляемых обществу как адекватное объяснение реальности, на деле,

никакого отношения к действительному объяснению происходящего не имеет. Мифологема не отражает реальность, она ее *выражает* и, в некотором роде, создает (проецирует); но это символическая, виртуальная реальность. Мифологемы – «контактные линзы» постмодернового общества; использовать их вынуждает само общество (причем не обязательно это вызвано реальными социальными «болезнями»; спрос на мифологемы обеспечивается общественным мнением, или направленными технологиями брэндинга). Только вот, раз попробовав, отказаться от таких «линз» едва ли возможно, так как сквозь них реальность выглядит более красочно и ярко, более схематично и упрощенно, более выпукло и приближенно к реципиенту – как в комиксах или аниме. Ф.И. Гиренок называет такое восприятие действительности «клиповым», предполагающим «монтаж картин-иллюзий, которые мы сами себе показываем» [4].

Фактически, в социальном пространстве сегодня взаимодействуют не социальные субъекты, а мифологемы; одна мифологема порождает другую как средство борьбы с третьей, представляемой как альтернативная. Так происходит развитие событийных ситуаций, где всякая мифологема – событие, и всякое событие – мифологема. Отсюда, событие оправдывается только самим событием; не логика приводит к событиям, а события обеспечивают логику, то есть, специфику, акценты в восприятии и отражении сознанием действительности. Это может быть формальная двузначная (черно-белая полюсная) логика, логика в призме теории вероятностей, или какая-нибудь паралогика, или полилогика, включающая все одновременно. При этом постулируется необходимость наличия любой логики как связности, пусть даже эта

связность «притянута за уши», – всего лишь для фиксации наличия сознания, для оправдания его перед ним самим, ведь только в связности оно осуществляется (как со-знание).

Акцент на виртуальную связь

Только теперь эту связность сознание ищет (и находит) не в самой действительности (которая *уже* маркирована как хаотичная, то есть, бессвязная, по крайней мере, в призме формальной логики), а в символическом отражении и семантическом выражении действительности; это связность не вещей, а мифологем. Но ведь в событийной действительности важно не что и как связывается в некоторые последовательности, а наличие самой связности, так как она обеспечивает возможность со-бытия, как и со-знания – возможность не сойти с ума, провалившись в бессвязность. Более того, сами связываемые элементы (социальные субъекты/объекты) как вполне конкретные феномены социальной жизни постепенно теряются, растворяются в этих символических связях. В интерсубъективности, представляемой на заре пост-модерна как важный признак социального бытия и становления личности, теперь уже аннулируется собственно субъект, остается только «интер».

Действительно, убери сегодня у человека связи (реализуемые через мобильные системы, Интернет-технологии, масс-медиа) – возможно, ничего не останется, никакого реального личностного «ядра». Существование и реализация «событийного человека» возможны лишь в призме его инклюзивности, включенности в связи и (большей частью) символические взаимодействия. При этом «событийный человек» – «чистая» сингулярность и исклю-

живность; его символические связи не должны никого вводить в заблуждение: он не просто один на один перед хаосом и непредсказуемостью мира, он еще и культивирует свое феноменальное одиночество в призме сознательного самообмана о собственной инклюзивности (на деле, исключительно виртуальной).

Это, как если бы ризому ноуменально фрагментировали, чтобы потом собрать в единую картину мира на основании тех целей и ценностей, которые признаны важными сегодня. Если завтра актуальны окажутся другие цели и ценности, можно будет «разобрать» и «собрать» картину заново, «подрихтовав» ее на основе других критериев. Причем, предыдущая семантическая конструкция никуда не девается, а всегда имеется в виду; новые семантические конструкции накладываются на предыдущие как новые слои виртуальной реальности. Это можно делать до бесконечности, ведь деконструируется не собственно социальная реальность, не социальные субъекты и социальные феномены, основывающиеся на определенных фактах (что приводило бы к перманентным социальным катастрофам), а их ноуменальное воплощение, основывающееся на событийном восприятии. Отсюда феномен «информационных войн», а также, так называемых, «диванных воинов» – одновременно, реципиентов и инженеров-конструкторов «информационных войн». В принципе, «событийный человек» только в таком информационном противостоянии событий, а не фактов и может существовать, реализоваться. Выходя из виртуального пространства и сталкиваясь с реальными фактами, с действительностью, «событийный человек» просто аннигилируется, так как его событийное восприятие мира испаряется. Вопрос в том, выпадет ли при этом «в осадок» лич-

ностное «ядро», или оно уже полностью растворилось, ассимилировалось событийной оболочкой, – прояснить это можно только в реальном столкновении со всегда конкретной действительностью. «Я верю только идущим ко дну», – заявил ранее испанский философ-экзистенциалист Х. Ортега-и-Гассет [9, с. 440]. Только вот сегодня выключиться из событийной реальности «насовсем» едва ли возможно, даже в момент катастрофы. (Ну, может, только тем социальным субъектам на периферии информационного постмодернового мира, которые еще не включены в этот мир в полной мере). А это значит, что одни и те же факты реципиентами разных событийных ситуаций (и в призме сформированных под их влиянием нарративов) будут представляться как разные. Суть ведь не в том, что «событийный человек» намеренно игнорирует факты; суть в том, что они для него просто не существуют – только события (истории), в которые эти факты вкладываются как пазлы. Если какие-то пазлы не подходят, значит, им просто не место в этой картине мира, – значит, их нет и не может быть. Так, когда фоторепортер снимает, скажем, демонстрацию, имеет значение то, какую историю он хочет рассказать зрителям, как он представляет и осознает происходящее на глазах событие; в зависимости от этого он показывает определенных участников в определенном ракурсе. Заметим, он может честно ничего не утаивать, не интерпретировать. Просто высветит в общей картинке лица, в определенной последовательности, задав ориентиры той или иной трактовки события. Условный «зритель», являясь по умолчанию участником этой событийной ситуации, сам сочинит нужную (требуемую) историю.

Но есть еще одна проблема ориентации и бытия в событийной действительности: событийный мир-ризома непрерывно меняет форму, развивается, его ветвления предугадать нельзя; можно только частично прогнозировать, но такие прогнозы обманчивы и легко принимаются к сведению лишь теми, кто готов и хочет обманываться. Сознательная фрагментация периодически приводит к тому, что даже привычные «пазлы» перестают вкладываться в символическую реальность. Поэтому их семантически обрабатывают, скашивая образовавшиеся «углы» и заполняя зазоры клейким веществом мифологем. Этому и служат, в основном, сегодня масс-медиа – не распространению информации (ее и так сверхдостаточно, она максимально открыта), а фрагментации информации и «склеиванию» отдельных фрагментов в заданной последовательности. (Яндекс или Гугл задают эту последовательность по первым словам, или даже буквам при поиске нужной информации). В результате мы получаем парадоксальную ситуацию современности: практически вся информация находится в свободном доступе, но это никак не отражается на критичности ее восприятия. А ведь именно критичность и обеспечивает продуктивную деятельность сознания (что известно еще со времен Сократа с его принципом иронии как начала понимания). Почему и сегодня вроде бы образованные, информированные люди шаблонно реагируют на информацию, на мир и меняющуюся действительность, если информация противоречива, а действительность сложна и не однозначна? При новом вызове реальности (импульсе событийной энергии), люди поступают стереотипно. Вместо того, чтобы проанализировать ситуацию, познакомившись с находящимися в открытом доступе разными фрагментами

ее понимания, образами восприятия, сделать вывод, большинство использует информационные технологии от телевидения до Интернет только, чтобы подтвердить уже готовую (сформировавшуюся под влиянием некоторых социальных обстоятельств или сформированную масс-медиа) точку зрения. Что это так, убедится просто, обратив внимание на то, какую информацию человек, как правило, выбирает при ответе информационных поисковых систем на его вопрос: ту, что на первой странице (хотя страниц еще может быть десятки и сотни). То есть, ту, которую предлагает в первую очередь поисковая система. Поэтому имеет значение кто задает вопрос, место и время заданного вопроса. Скажем, при одном и том же вопросе, заданном одной и той же поисковой системе (например, Яндекс) с территории Украины или России на одном и том же языке развернется серия разных ответов и на первой странице предлагаемые ответы будут различаться.

Поэтому информационные системы, масс-медиа (а также, всегда стоящие за ними социально-политические силы) так уверены в реакции реципиентов, что не утруждаются планомерным сокрытием информации, вредной для себя. Слоистый пространственно-временной континуум современного социума обеспечил формирование и соответствующего человека с фрагментированным восприятием действительности, с ориентированным на событийность сознанием. Ведь если ранее в сознании акцент всегда был на «знании», а приставка «со» лишь показывала, как происходит процесс насыщения знанием (информацией), то сегодня, в перенасыщенном информацией обществе (обществе гиперинфляции информации, по Ж. Бодрийяру [3, с. 49]), информация перестает ассоциироваться и синонимироваться со знанием;

одновременно, акцент в со-знании переносится на приставку. В со-бытийной реальности суть не в знаниях (или информации вообще), а в со-причастности, в со-действии, – в со-бытии. Настроенный на событийное восприятие (восприятие фактов как событий, и только так), «событийный человек» таким способом чувствует и осознает себя как часть чего-то большего, как значимый субъект значимой реальности. Игнорируя при этом, что реальность-то виртуальная, придуманная.

Список литературы

1. Анкерсмит Ф.М. Изучение истории как политическая проблема // Вопросы образования. 2006. № 4.
2. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / Пер. Л. Любарской, Е. Марковской. – М.: Добросвет, 2000.
3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / Электронный ресурс // Жан Бодрийяр. Симулякры и симуляция. URL <http://existencia.livejournal.com> (дата обращения 18.03.2015).
4. Гиренок Ф.И. Клиповое сознание / Электронный ресурс. Газета «Завтра». Вып. №51. Форум. URL: / <http://zavtra.ru/content/view/klipovoe-soznanie/>
5. Делёз Ж. Логика смысла. – Екатеринбург: Деловая книга, 1998.
6. Делез Ж., Гваттари Ф. Ризома / Капитализм и шизофрения: Тысяча плато. – М.: АСТ, 2010.
7. Деррида Ж. О грамматологии. – М.: Ad Marginem, 2000.
8. Пилюгина Е.В. Состояние постмодерна: сингулярность бытия, транспарентность сознания и панмифологизация реальности / Гуманитарный научный журнал, 2014. № 1.

9. Ортега-и-Гассет Х. В поисках Гете / Эстетика. Философия культуры. – М.: «Искусство», 1991.
10. Хайдеггер М. Гейдерлин и сущность поэзии / Логос. Философско-литературный журнал. Вып. 1. – М., 1991.
11. Эко У. Заметки на полях «Имени Розы». – СПб, 2007.
12. Baudrillard J. Simulacres et Simulation. – P.: Galilée, 1981.
13. Pierre John M. Введение в суперструны // Электронный ресурс. Теории мироздания. URL: http://scorcher.ru/art/theory/hoking/suoer_lines.php

ДЕМОГРАФИЯ В ПРЕДМЕТНОМ ПОЛЕ СОЦИОЛОГИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Мамижева З.Х., Блягоз Э.Г.

*Маикопский государственный технологический университет,
Маикоп, Российская Федерация*

DEMOGRAPHICS IN THE SUBJECT AREA OF SOCIOLOGY: REGIONAL FEATURES

Mamizheva Z.Kh., Bljagoz J.G.

*Maikop State Technological University,
Maikop, Russian Federation*

В статье раскрываются научные подходы к исследованию социально-демографических процессов на общероссийском и региональном уровнях. Отмечается важность

формирования демографического имиджа государства как фактора национальной безопасности, очерчивается круг основных проблем исследований (баланс уровня смертности и рождаемости, миграционные процессы, развитие культурной инфраструктуры, финансовое обеспечение оптимизации демографической ситуации). Выявляется основное отличие региональных исследований от общероссийских, заключающееся в способности за безликой массой «человеческого капитала» видеть живых людей с разными психологическими, культурными и поведенческими характеристиками.

Ключевые слова: демография; социология; демографический имидж; социокультурная инфраструктура; человеческий капитал; миграция.

In the article scientific approaches to the study of socio-demographic processes at the national and regional levels are described. The importance of the formation of the demographic image of the state as a factor of national security is accented, the main areas of concern of the research is defined (the balance of mortality and fertility, migration processes, development of cultural infrastructure, financial security of optimization demographics). The main difference for regional studies of Russia's detected. It appears in the ability for a faceless mass of «human capital» to see real people with different psychological, cultural and behavioral characteristics.

Keywords: demography; sociology; image of demographic; socio-cultural infrastructure; human capital; migration.

Современные отечественные и западные ученые отмечают особую значимость исследования демографических процессов в обществе, т.к. именно они, в конечном счете, являются показателем жизнеспособности человечества сегодня и в перспективе. Демография как самостоятельная наука о закономерностях воспроизводства населения, структуры и территориального расселения не способна быть результативной без использования методов смежных наук, в какой-то мере являясь стимулом их развития. Авторы статьи «Взаимосвязь демографии и социологии в XX в. в Канаде» Варгон (Wargon) и Т. Силвия (T. Sylvia), говоря о том, что «чтобы отчетливо видеть свое будущее, мы должны быть хорошо осведомлены о прошлом», утверждают, что уже начиная с XVII в. демография в своих важных аспектах (происхождении, первопроходцах, использовании фактологических данных) неразрывно переплеталась с историей статистики, а также политической экономией. Они также отмечают, что демография старше социологии и первые социологи (О. Конт, Э. Дюркгейм, М. Фальбвакс и др.) не особо тяготели к работе со статистическими данными [8]. Вплоть до конца XIX в. основным интересом демографической науки было проведение эмпирических исследований, в то время как развитие теории значительно отставало. Но уже в начале XX в. данное отставание стало преодолеваться во многом благодаря «подключению социологии». В рамках демографии стали рассматриваться не только баланс смертности и рождаемости, как это было раньше, но и передвижение населения (внутренняя и внешняя миграция), а также уровень вертикальной социальной мобильности [8].

В последнее десятилетие в российской науке начинает оформляться осознание важности демографического имиджа государства как фактора эффективного средства в информационном противостоянии обществ противоположных геополитических систем. Е.П. Сигарева отмечает, что западная социальная демография целенаправленно искажает картину демографической структуры нашей страны, тем самым подготавливая мировое сообщество «к пересмотру геополитических императивов России» [6, с. 142]. В этом смысле сама Россия, по убеждению исследователя, должна заниматься формированием собственного демографического имиджа сейчас, чтобы впоследствии не прилагать более существенных усилий для адекватного позиционирования себя на международной арене [6, с. 143]. Данное обстоятельство обуславливает активное смыкание демографии с различными формами социологических исследований, способных объективно и теоретически обоснованно выявить демографическую реальность, а также дать прогноз на дальнейшее изменение структуры и функций человеческого потенциала нации.

При расширении предметной области социологического исследования демографических процессов, тем не менее, на первое место по-прежнему ставится проблема соотношения уровней смертности и рождаемости. Так авторитетный российский исследователь Г.А. Гольц, рассматривая долговременные исторические тренды, в том числе в демографии, затрагивает проблему зависимости уровня смертности населения России от среднедушевого потребления алкоголя и его качества в период с 1950 по 2000 г. [3, с. 31]. Основываясь на вероятностном и математически-статистическом методах, ученый признает, что сами по себе они не могут

дать достаточно оснований для системного исследования. Всегда случаются экстраординарные всплески и падения демографических показателей, которые объясняются конкретными причинами [3, с. 36]. Сам Г.А. Гольц определяет население страны в качестве многомерного объекта, который должен исследоваться с разных позиций посредством сочетания многофакторного и спектрально-временным анализа. Только в этом случае обнаруживаются перманентно действующие детерминанты и «временная колеблемость, зависящие от разных периодических по времени причин» [3, с. 36]. Обозначенные ученым методы, тем не менее, укладываются в ряд математическо-статистических, т.е. количественных по своей сути. Вследствие этого остается потенциал для использования качественных методик, позволяющих как бы изнутри взглянуть на исследуемую проблему. Углубленные фокусированные интервью могут дать возможность не только выяснить, сколько потребляется алкоголя и какого качества, но также социально-психологические и социально-культурные причины этого явления, априори влияющего на уровень смертности населения.

К комплексному анализу и последующему решению проблем демографии призывает С.И. Колесников. Он акцентирует внимание на том, что решение демографических проблем должно лежать не только в плоскости медицины (очевидно являющейся основным фактором в борьбе с ранней смертностью – М.З., Б.Э.), но и осуществляться через осознанное влияние на взаимодействие социально-экономических факторов, образа жизни населения, науки и образования, законодательной и правоохранительной систем государства. Также, по мнению исследователя, зна-

чимую роль в этом процессе должны играть средства массовой информации [4, с. 11].

В современной отечественной гуманитарной науке сформировалась универсальная категория – человеческий капитал (ЧК), отвечающая реалиям постиндустриального общества, в коллективном сознании которого объединяются ценности биологического, социального и экономического характера в единый критерий позитивного развития. По мнению С.И. Колесникова, это является основой опережающего развития социокультурной сферы, в которую входят здравоохранение, наука, образование, культура, социальное обеспечение. При этом, отмечает ученый, российское общество продолжает жить по старым законам, в результате чего доля человеческого капитала в структуре национального богатства страны значительно ниже (48 %), чем в развитых странах, а в условиях экономического кризиса продолжает снижаться [4, с. 12]. Эффективным средством воздействия на ухудшающуюся демографическую ситуацию С.И. Колесников видит в политической воле властей по рациональному использованию бюджетных средств, предполагающему увеличение инвестиций в человеческий капитал посредством развития здравоохранения, науки, спорта, образования. Однако констатируется факт, что сейчас этого не происходит и в ближайшее время не произойдет. В этой связи исследователь говорит о необходимости научного анализа и прогноза развития ситуации на основе широкого мониторинга процессов, как в обществе, так и в экономической и промышленной сферах [4, с. 13]. С нашей точки зрения в объект мониторинга также должны войти и культурные процессы при понимании культуры в расширительном значении как способа символиче-

ского освоения мира в традициях. Особенно это актуально для регионального социума.

Отдельным вопросом в аналитике социально-демографических проблем стоит вопрос миграции. С одной стороны неуклонное сокращение населения России в среднем на 700 тысяч человек в год, которое многие исследователи оценивают как реальную угрозу наступления демографического кризиса, может быть решена, в первую очередь, стимулированием миграционных процессов, т.к. иные способы (повышение рождаемости, сокращение ранней смертности и другие внутренние ресурсы) не могут быть реализованы быстро в условиях экономической нестабильности. С другой стороны возникла проблема так называемой «низкокачественной» миграции, когда в страну въезжают из еще менее экономически развитых государств лица с низким профессионально-образовательным уровнем, с далекими от принимающего общества ценностями, обычаями и традициями. Образованные специалисты из этих стран предпочитают уезжать в страны с более стабильной, чем в России, экономикой (Германия, Великобритания, Франция, Италия, США). Несмотря на то, что в политической риторике по вопросам миграции артикулируется необходимость привлечения мигрантов, для чего следует «оказывать содействие добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом» [5], надежды на то, что в Россию массово вернуться русские из стран бывшего СССР, не оправдались.

В свете обозначенных проблем встал вопрос о национальных интересах России в сфере демографии, которые требуют тщательного научного анализа и практического удовлетворения. По

мнению Т.Н. Балашовой, «Учет общественных интересов – необходимое условие проведения реформ, основанное на трезвом политическом, патриотическом прагматизме, профилактика от широкомасштабного социального надувательства и соответствующих политических потрясений и взрывов. Именно в этом контексте следует рассматривать проблемы интересов и безопасности России» [1].

Россия – огромная страна, каждый регион которой имеет свою специфику в отношении не только ландшафтно-климатических и производственно-экономических характеристик, но и демографических, которые зависят в одинаковой мере, как от перечисленных факторов, так и от особенностей культуры этнических сообществ, населяющих эти регионы. Вследствие этого важным направлением социологического исследования демографических вопросов является рассмотрение их на региональном уровне. Существуют примеры такого рода исследований, демонстрирующие высокую степень результативности по отношению к практическому воздействию на оптимизацию демографической ситуации в отдельно взятом регионе. Так в 2011 г. была опубликована статья «Становление региональной демографии Дальнего Востока России», в которой авторы И.С. Безруков и В.И. Безруков отмечают, что на Дальнем Востоке наука в сфере демографических исследований накопила определенный опыт, который позволил решить ряд важных социальных проблем, таких как снижение возрастной смертности, рационализация женской занятости и пр. [2, с. 153].

Значимым аспектом исследований стали вопросы привлечения населения в восточные районы, повышение адаптивности новоселов и закрепления населения в слабо освоенных районах.

Для Дальнего Востока России исторически характерна малонаселенность при богатстве природно-экономического потенциала, требующего освоения. В силу этого И.С. и В.И. Безруковы большое внимание уделяют осмыслению необходимости миграции для воспроизводства и наращивания трудовых ресурсов. Они указывают на то, что прибытие и убытие населения характеризуется разными причинами, вследствие чего возникает изменение структуры населения по возрастно-половому критерию. Изменяется соотношение мужчин и женщин в регионе, меняется общая численность работоспособного населения, численность женщин репродуктивного возраста и т.д. Таким образом, даже если миграционное сальдо равно нулю (т.е. количество выезжающих и въезжающих одинаково), влияние миграции на регион весьма ощутимо.

Авторы предлагают выделить четыре типа миграционного поведения в зависимости от психологической установки:

- 1) на отъезд;
- 2) на скорое возвращение;
- 3) на возвращение спустя много лет;
- 4) не возвращаться никогда [2, с. 156].

В этом можно наблюдать главное отличие региональных социально-демографических исследований – за безликой массой «человеческого капитала» видеть живых людей с разными психологическими, культурными и поведенческими характеристиками.

Другим примером региональных исследований в сфере демографии является коллективная монография сотрудников отдела философии и социологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева под руковод-

ством Р.А. Ханыху «Динамика социально-демографической ситуации Республики Адыгея (1997-2012)» [7]. На основе результатов переписи населения 2002 и 2010 гг., а также проведенного широкомасштабного социологического опроса и анализа архивных документов была выявлена динамика социально-демографической ситуации в республике с 1997 по 2012 г. по отношению к адыгам. При этом были затронуты не только количественные показатели рождаемости и смертности, но и проанализированы многие другие факторы, прямо или косвенно влияющие на демографическую ситуацию в республике. В частности один из разделов посвящен актуальным социально-политическим проблемам Республики Адыгея и их восприятию в массовом сознании этнического населения, среди которых отношение к проведению Олимпиады в Сочи 2014 г., осмысление событий Кавказской войны, оценка со стороны жителей республики деятельности общественных организаций, партий и конкретных политических деятелей. Так, на основе объективных данных исследователи сделали вывод, что осведомленность этнического сознания об их деятельности критически низка. Например, на вопрос Известны ли Вам общественные организации, партии и общественно-политические деятели, добивающихся вхождения Адыгеи в СКФО?» более 90% респондентов ответили «нет». Однако следует заметить, что если вопрос об отношении адыгов к возможности вхождения Адыгеи в Северо-Кавказский федеральный округ выяснялся в ходе опроса (47% ответили, что такое вхождение никак не повлияет на сплочение адыгов, проживающих в разных республиках), то отношение к этому вопросу властей не было отражено, очевидно, в силу его дискуссионности и неоднозначности. При этом достаточная

доля опрошенных (почти 40%) оценила на «отлично» эффективность решения адыгских проблем региональной властью, что при укоренившейся традиции в России ругать власть является высоким показателем [7, с. 50]. В целом, на наш взгляд, продемонстрированное населением незаинтересованность в отношении деятельности политических организаций и лидеров может свидетельствовать о том, что этническое сообщество Адыгеи не испытывает неразрешимых проблем в сфере экономики и культуры, способных вызвать протестные настроения против общественно-политической элиты республики.

Приоритетом исследования демографической ситуации в Адыгее становится не столько выявление количественных показателей смертности, рождаемости, заключения и расторжения браков, но прежде всего анализ социального самочувствия населения через его отношение к экономическим, политическим и в равной степени этнокультурным факторам. Отдельной задачей исследования коллектива становится выяснение уровня сохранности и трансформации традиций, обычаев и нравственных установок в адыгской среде. Широкоохватное исследование, включающее респондентов моноэтнического Кошехабльского района Республики Адыгея, адыгов, проживающих в Причерноморской Шапсугии, Кабардино-Балкарской Республики, Карачаево-Черкесской Республики, в городах Москва, Санкт-Петербург, Краснодар, Стамбул, дало основание исследователям для следующих выводов. Под влиянием глобализации, – утверждают ученые, – происходят изменения в ментальности адыгов, особенно в среде молодежи. В смешанной этносреде молодежь вырабатывает способность к «двоемыслию»: если в среде аула молодые люди

продолжают соблюдать законы адыгского этикета, то попадая в большой город с равнодушным к себе окружением «они руководствуются правилами целесообразности, т.е. поступают так, как считают выгодным для себя, а не для окружающих» [7, с. 150].

В исследовании под руководством Р.А. Ханаху достаточно широко освещается вопрос международной миграции адыгов, обусловленной историческим результатом Кавказской войны. В частности, рассматривается проблема репатриантов – адыгов, вернувшихся на историческую родину из стран массовой эмиграции (Косово, Сирии), а также анализируются особенности этнокультурной идентичности адыгов – представителей диаспоры в Турции. Но необходимо заметить, что за рамками исследования остался вопрос двусторонней внутренней миграции «аул – город», во многом меняющий картину демографической ситуации в Республике Адыгея.

Анализ современных подходов к определению форм и направленности социально-демографических процессов показал базовое отличие региональных исследований от общероссийских, заключающееся в том, что население региона воспринимается не как безликая масса, человеческий капитал, но как социум – устойчивое взаимодействие персонифицированных личностей, групп, сообществ. Именно в этом, на наш взгляд, кроется ценность региональных социально-демографических аналитических работ.

Список литературы

1. Балашова Т.Н. Миграция и демография как неотложные направления развития приоритетных национальных проек-

- тов // Миграционное право, 2007, № 1. С. 19-22. URL: <http://www.5rik.ru/pass/pass-50584.html>
2. Безруков И.С., Безруков В.И. Становление региональной демографии дальнего востока России // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2011. № 1. С. 152-159.
 3. Гольц Г.А. Долговременные исторические тренды как фактор экономического прогнозирования: транспорт, экономика, демография // Проблемы прогнозирования. 2004. № 2. С. 25-36.
 4. Колесников С.И. Демография, общество, наука и власть // Известия Уральского государственного экономического университета. 2008. № 1 (20). С. 11-16.
 5. Начкин А.И. Проблемы демографии и национальная безопасность // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 56. С. 173-178.
 6. Сигарева Е.П. Западный взгляд на демографию России // Дневник АШПИ. 2009. № 25. С. 139-143.
 7. Ханаху Р.А., Делова Л.А., Пятакова Т.Л., Хот И.Г. Динамика социально-демографической ситуации Республики Адыгея (1997-2012). – Майкоп: АРИГИ, 2013. 170 с.
 8. Wargon, Sylvia T. Connections: Demography and Sociology in Twentieth Century Canada // Canadian Journal of Sociology. June 22, 2001. URL <http://www.highbeam.com/doc/1G1-79981197.htm> (дата обращения: 03.03.2015).

**ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ –
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ
СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА**

Маслобоева О.Д.

*Санкт-Петербургский Государственный Экономический
Университет, Санкт-Петербург, Россия*

**PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY –
THE THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASIS
OF MODERN SCIENTIFIC CREATIVITY**

Masloboyeva O.D.

*St. Petersburg State Economic University,
St. Petersburg, Russia*

В статье раскрывается обусловленность творческой деятельности природой и сущностью человека, которую призвана исследовать философская антропология. Сравнение научной и художественно-эстетической сфер позволяет выявить инвариант творческой деятельности и ее специфику в науке. Современное научное творчество, развивая идеалы классической науки в контексте деятельностного типа мировоззрения, принимает проективный характер.

Ключевые слова: *творчество; наука и искусство; философская антропология; деятельностный тип мировоззрения; проективное мышление; русский космизм; тео-*

ретико-методологические и мировоззренческие принципы; субъективный и объективный факторы.

The article reveals conditionality of creative activity by the nature and essence of the person which the philosophical anthropology is urged to investigate. Comparison of scientific and art spheres allows to reveal an invariant of creative activity and its specifics in science. Modern scientific creativity, developing ideals of classical science in the context of activity type of outlook, accepts projective character.

Keywords: *creativity; science and art; philosophical anthropology; activity type of Outlook; projective thinking; Russian cosmism; the theoretical; methodological and philosophical principles; subjective and objective factors.*

«Творчество – высшая, драгоценнейшая и священнейшая способность человека, проявление им божественной прерогативы духа».

Даниил Андреев

Научное исследование является творческим видом деятельности – это известно каждому соискателю учёной степени, ибо новизна – обязательное требование к тексту диссертации, как, впрочем, и к любому научному тексту. Но если данный пункт воспринимается автором как досадная «обязаловка», у него проблема: в свои ли сани он сел? Что же такое творчество и как припасть к его благодатному живительному источнику? Чтобы понять тайны творческой деятельности человека, необходимо вникнуть

в природу и сущность Homo Sapiens, чем призвана заниматься философская антропология.

Творчество раскрывается и в научном, и в религиозном, и в художественно-эстетическом типах мировоззрения как атрибут человека, поскольку он обладает разумом и волей и ему не присуще, в отличие от животного, только адаптироваться к окружающей среде, напротив, он её адаптирует под себя, исходя из своих потребностей и интересов. Человек – существо социальное и свободное. Вся система его биологических, психических и социальных свойств делает его сотворцом Бога в религиозном представлении и преобразующей силой – в научном понимании. Творчество в социальной практике существует в широком диапазоне: от подражания до создания чего-то принципиально нового, радикально изменяющего бытие человека и его мировоззрение. Вся палитра многоаспектности понимания творческой деятельности породила проблему демаркации истинного и неистинного творчества, что стало сквозной проблемой всей истории философской мысли и достигло максимальной актуальности в условиях техногенной цивилизации [8, 9].

Как и все значимые концептуальные позиции, обозначенная проблематика зародилась в античности. Не затрагивая богатство соответствующих идей античных мыслителей, отметим только гениальность Аристотеля, который в исторически первой классификации наук, выработанной в соответствии с его прогностической идеей о соотношении созерцательного и деятельностного типов мировоззрения, выделил знание ради знания («теоретическая философия»), знание ради деятельности («практическая философия») и знание ради творчества («пойэтическая фило-

софия»), раскрыв при этом, что основой творчества является мастерство. Не случайно, в своей классификации Аристотель обозначил творчество в целом категорией «поэзия», поскольку бытует широко распространённое отождествление творчества с искусством и в более широком понимании с художественно-эстетической деятельностью, на что есть свои основания. Творчество – процесс иррациональный, в отличие от мастерства не поддающийся прописанному алгоритму, и результат творческой деятельности может носить только авторский, субъективный характер. Иррациональность и субъективность – это атрибуты художественного образа как формы отражения в искусстве. Формой отражения действительности в науке выступает теория, обладающая прямо противоположными атрибутами: рациональностью и объективностью. Однако научную и художественно-эстетическую деятельность объединяет их творческий характер, при этом именно от искусства к науке идёт творческий импульс, можно сказать, крупные учёные «вампируют» от искусства в хорошем понимании: либо у них есть любимый поэт, композитор и т.д., либо они сами пробуют свои силы в каком-нибудь виде искусства. Так, А. Эйнштейн утверждал, что физика и музыка – две равнозначные страсти в его жизни: «Эйнштейн размышлял над сложнейшими вопросами физики, играя на скрипке. Когда проваливались научные эксперименты, а исследования не приводили к ожидаемым результатам, он обращался к музыке. На вопрос, что для него значит смерть, он отвечал: «Значит, я не смогу больше слушать Моцарта»» [15, с. 18]. Физик А. Берг утверждал, что «созерцание истины приводит в такой же экстаз, как и созерцание красоты». Красота проникает в «святая святых» науки, выступая

одним из внутринаучных критериев истины. М. Полани также отмечает, что оценка в науке «зависит, в конечном счёте от чувства интеллектуально прекрасного и представляет собой эмоциональную реакцию, не поддающуюся бесстрастной оценке (так же как мы не можем бесстрастно определять красоту произведения искусства или достоинство благородного поступка)» [12, с. 197]. В научном творчестве, как и в искусстве, необходимы воображение, творческая визуализация. А.С. Пушкин считал, что «вдохновение в поэзии нужно, как и в геометрии...». Гёте утверждал, что без творческой фантазии нельзя представить ни одного великого естествоиспытателя. Если искусство обогащает науку творческим импульсом, то в свою очередь наука посредством теоретичности укрепляет основы мастерства в искусстве.

Итак, несмотря на противоположность атрибутов научной теории и художественного образа в произведениях искусства, они обладают глубоким внутренним единством, обусловленным природными свойствами человека – творца всех элементов культуры. Анализ творческой мастерской Ф.М. Достоевского подтверждает истинность идеи А. Бергсона о «кинематографическом принципе мышления человека» [2, с. 290-293], содержание которого совпадает с логикой построения теории, заключающейся в итоговом возврате к исходному основанию на качественно новом уровне, что соответствует содержанию закона диалектического отрицания. В соответствии с обозначенным принципом мышление человека расчленяет «единую цельную «длительность» бытия на последовательный ряд фрагментов» [1, с. 184]:

1-й этап: «один кадр «киноленты» в одной точке континуума: образуется миф, где нет «внутреннего» и «внешнего», «меня»

отдельного от «мира»; нет ничего вне меня, и нет ничего во мне отдельного от остального» [1, с. 184-185]; такое интеллектуальное состояние при построении теории соответствует исходной эврике, содержащей самоочевидную истину и открываемой посредством интуиции, которая есть непосредственное знание и предстаёт как «Память Предвечная о довременном созерцании божественных идей – источник всякого личного творчества, гениального прозрения...» [7, с. 215].

2-й этап: «последовательный ряд нескольких кадров – один из настоящего и по несколько из прошлого и/или будущего (историческое, ретроспективное, перспективное мировосприятие): здесь возникает условие и возможность... отделения прошлого от настоящего, одного мира от другого, одной индивидуальной точки видения мира от другой» [1, с. 185].

3-й этап: «все кадры киноленты в одновременности их восприятия: возникает вневременная анарративная позиция, засчитывающая вечность в одну единицу времени его бытия, модель восприятия бытия во всех составляющих его компонентах. Сходной моделью такого рода системы станет объёмное пространство, которое описывает многомерное время-пространство ... Время снова исчезает», как и на первом этапе, «образуется сплошная одновременность, в которой, в отличие» от исходной позиции, «нет единой точки зрения, но есть бесконечная множественность абсолюта. Таков художественный символ, в определённом смысле – с обратной стороны – замыкающийся на мифе» [1, с. 185].

Наличие идентичности в построении теории и логике художественного творчества свидетельствует о наличии общего истока или корня любого творчества; и это есть «самостоятельная

сила духа», которая, выступая «на сцену всемирной истории из своей внутренней глубины и полноты, есть истинно-творческое начало на том сокровенном и как бы таинственном пути развития человечества, который мы поставили в противоположность открытому развитию, продолжающемуся в явной связи причин и действий. ...Она(сила духа) отличается особенно тем, что её произведения становятся не только основанием для дальнейшего развития, но сообщают и тот животворящий дух, которым они созданы. ...Производящая их сила действует при создании их со всем напряжением своей мощи, с полной сосредоточенностью, и вместе истинно-творчески, оставляя тайну их рождения неразгаданною» [6, с. 12-13].

В наш техногенный век творчество охватывает практически все сферы жизнедеятельности человека, поэтому не удивительно, что раскрытие воображения, творческой визуализации даётся, например, в книге по FOREX: «**Воображение** – это психологическая основа творчества, это способность ума создавать идеи или целостные образы на базе имеющегося практического, интеллектуального и эмоционально-смыслового опыта» [3, с. 70]. Однако любая массовость понижает качество соответствующей деятельности, что относительно творчества выражается в растворении его в так называемой «креативности». Не случайно, в словарях «креативность», определяясь как творческие способности, проявляющиеся в мышлении индивидов, в их трудовой деятельности, в созданных ими продуктах материальной и духовной культуры, раскрывается при этом как присущая также высокоразвитым приматам (шимпанзе), которые проявляют удивительную изобретательность и могут сделать своего рода открытие (напр., обна-

ружить новый прием, позволяющий отделить зёрна пшеницы от песка), распространяемое затем в стаде. Насколько сопоставима креативность человека и животных – оставим на откуп этологии, изучающей поведение животных. Что же касается человеческой жизни, то задача самореализации не может быть решена без креативности, развитой в той или иной степени, поскольку ничто так не создает индивидуальность человека, как развитие творческих навыков и способностей; и это самый главный творческий проект в жизни любого человека.

Однако нас интересует не творчество вообще, а именно, научное творчество, к которому не равнодушны художники [4]. Целенаправленно тайны научного творчества исследовались в истории философской мысли. Н. Коперник заслужил титул «автора первой подлинно научной революции», поскольку он открыл, как надо делать научное открытие на основе диалектики сущности и явления. Дж. Бруно, пропагандируя гелиоцентризм, а также идеи Н. Кузанского о совпадении противоположностей в бесконечности Вселенной и процессе познания, развил их в своей этике «героического энтузиазма», в соответствии с которой только в состоянии «бесконечной любви к бесконечному» возможно творчество, как художественное, так и научное, когда душа учёного или художника сливается в творческом экстазе с теоретической или эстетической гармонией Вселенной. «Героический энтузиазм» начинается с искренней увлечённости своей исследовательской задачей. Бруно, взойдя на костёр за свои убеждения, фактически выполнил наказ Конфуция более чем двухтысячелетней давности: «В любви к учению опирайтесь на искреннюю убеждённость; стойте до смерти за правильное учение». Ф. Бэкон, разрабатывая

методологию эмпирического уровня посредством системы классификаций и правил метода индукции, продемонстрировал при этом блестящие свойства классификатора, от которых зависит продуктивность исследования на этом уровне и ключ к которым состоит в способности вырабатывать адекватные критерии обработки эмпирического материала. Р. Декарт, разрабатывая методологию теоретического уровня посредством правил метода дедукции, отрефлектировал фактически уже существующую со времён античной разработки теории этики практику и сделал осознанным начало построения теории, расшифровав знаменитую «эврику!» в формуле своего «радикального сомнения»: «сомневайся во всём, кроме самого факта сомнения», – что подразумевает максимальную открытость миру, непосредственное восприятие объекта познания как умение посмотреть на привычное непредвзятым («незамысленным») взором и призвано, пробудив творческую интуицию, привести к самоочевидной истине, которая и становится исходным принципом построения новой теории. Как, например, в научно-популярном фильме «Тайны воды» прокомментировал успехи своего исследовательского коллектива один из ответственных руководителей: «Когда мы заняли позицию, что мы о воде ничего не знаем, начался продуктивный творческий процесс открытия новых, ранее неизвестных свойств воды». Но занять такую позицию искусственно невозможно, только «героический энтузиазм» Бруно, загорающийся благодаря искренней увлечённости своим предметом исследования, может поставить учёного в такую диспозицию.

О том же, но в контексте философии науки XX в., пишет М. Полани. В отличие от идеалов классической науки, которая со-

стоялась на основе методологической стратегии, разработанной Бэконом и Декартом, и которая элиминировала всё личностное, кроме авторского приоритета, эпистемология современной науки, по утверждению Полани, основана на идеале знания «с учётом глубоко личностного характера того акта, посредством которого истина провозглашается» [11, с. 105]. Однако, как и во времена классической науки залогом успеха исследователя является ощущение интеллектуальной красоты, наличие страстной увлечённости и интеллектуальной самоотдачи: «Тем, кто способен к самоотдаче, она предоставляет законные основания утверждения **личностных убеждений, всеобщих по своему содержанию**» [11, с. 338] (выделено М.О.), всеобщих именно на том основании, что эти убеждения есть «творческое проникновение в природу вещей» [11, с. 216].

Полани углубляет разработку проблемы самоотдачи, раскрывая её структуру в заключительной главе своей монографии, для чего вводит важнейшие категории из арсенала современного, т.е. деятельностного [10, с. 240], типа мировоззрения: «свобода», «ответственность», «веление совести», «обязательства, возлагаемые личностью самой на себя», «субъект, принимающий решения», «субъективированная личность», «ответственная личность», «ситуация», «риск». Структура и динамика самоотдачи разворачивается вокруг диалектики субъективного и объективного, личностного и всеобщего, общезначимого: «...мысль об истине предполагает желание этой истины и постольку является личностной. Однако этот личностный мотив направлен на безлично всеобщее, поскольку жаждать истины – значит жаждать чего-то общезначимого. ... *Свобода субъективированной*

личности поступать как ей заблагорассудится, преодолевается свободой ответственной личности поступать так, как она обязана» [11, с. 312-313, 314].

Деятельностный тип мировоззрения с его диалектикой субъективного и объективного факторов обусловил становление такой стратегии творчески-преобразовательной деятельности как методология проективного мышления, которая была заложена в философско-антропологическом проекте основоположника русского космизма – Н.Ф. Федорова на рубеже XIX-XX вв. Проективное мышление в XX в., прежде всего, стало практиковаться в научно-технической деятельности, однако современный уровень социальной практики демонстрирует «моду» на проекты во всех сферах жизнедеятельности социального субъекта: инженерной, хозяйственной, художественно-эстетической, образовательной и т.п. Почемуотмечается очевидная увлеченность именовать не только инженерно-технические профессиональные задачи, но и продюсирование фильма, разработку концепции и т.д. «проектом»? Не случайность частотных тенденций в языке отмечается философами: «Частотный словарь языка показывает, какие смыслы и отношения наиболее необходимы людям для выражения мыслей и, следовательно, скрыто содержит в себе систему логических и эпистемологических категорий, которые должен выявить и объяснить философский анализ. ... Мир – это мириады людей, по-разному мыслящих о мире. Что стоит на первом месте в их языке, то в первую очередь определяет их существование» [15, с. 465-466]. Задача философии, таким образом, заключается в том, чтобы проанализировать причины повышенного предпочтения некоторого словоупотребления и отрефлексировать глу-

бинный смысл ставших излюбленными понятий, как это осуществил Н.Н. Страхов относительно «органических категорий» в XIX в., уже обративший при этом внимание на стихию языка и особую роль философии в эволюции этой стихии [12, с. 121-122].

Философская рефлексия и естественное функционирование языка связаны многообразными нитями. Философия в этом взаимодействии не только призвана повышать качество осмысления глубин полнокровной содержательности языка, но в свою очередь она в своем творческом развитии стимулируется и направляется энергией языковой стихии: «Сомыслие языку оздоравливает философскую мысль и оберегает ее от произвола. Язык как целое – это и есть мера, задающая правильное, соразмерное понимание действительности. Но это понимание пребывает, так сказать, в бессознательном разуме целого народа или человечества, а донести его до сознания отдельной личности – это и есть дело философии, которая объясняет и толкует то, что говорит сам язык, как главный «отправитель» всех сообщений» [15, с. 467]. В случае со словоупотреблением понятия «проект» выявляется еще один важный аспект взаимовлияния философии и языка: рефлексия этого понятия была осуществлена задолго до того, как оно стало достаточно частотным и очевидно организующим деятельностью человека. Осуществил эту рефлексию Н.Ф. Федоров в конце XIX в.

Потребность в проективном мышлении обусловлена радикальным изменением места человека в мире в результате промышленного переворота рубежа XVIII-XIX вв., глобализацией деятельности социального субъекта и переходом от созерцательного к деятельностному типу мировоззрения, заключающемуся

в необходимости принятия человеком всей меры ответственности за результаты собственной деятельности. В истории западноевропейской философии начало рефлексии категории «деятельность» и перехода к деятельностному типу мировоззрения положило творчество немецкой классической философии. Продолжая анализ кантовских идей, Н.Ф. Федоров осмысливает содержание и значение категорий как наиболее осмысленного слова: ««Критика» не замечает, что *общее свойство всех категорий знания есть смертность, а общее свойство всех категорий действия – бессмертие* (или путь к нему). Вот почему разум получает значение не субъективное и не объективное, а *проективное*; и в этой своей проективной способности объединяются теоретический разум и практический» [13, с. 544]. Осознание и реализация единства теоретического и практического разума в проективной деятельности актуализирует роль субъективного фактора истории, которая раскрывается как развитие свободы социального субъекта, т.е. все более полнокровная его самореализация, возможная только с учетом фактора объективного. Проективность мышления и практической деятельности по учению Н.Ф. Федорова заключается в «слиянии воли с разумом» [13, с. 544].

Русские космисты разработали философско-антропологический проект, адекватный решению глобальных проблем современности. В силу универсальности философской теории, концептуальное содержание проекта русского космизма оборачивается общенаучной методологией разработки эффективных проектов в любой конкретной области жизнедеятельности. Содержание данной методологии заключается, прежде всего, в системе мировоззренческих и одновременно теоретико-методологических

принципов, герменевтически выявляемых в контексте российских органицистов и космистов: это принципы всеобщности жизни, целостности, деятельностного подхода к единому природно-социальному организму, естественности, гармонии и антиномичности бытия и мышления [9, с. 17-57]. Принцип всеобщности жизни, будучи исходным в системе, раскрывает жизнь как универсальную форму бытия, фундамент которого составляет противоречие между органическим и неорганическим. Принцип целостности конкретизирует понимание органического как организованной системы структурных связей между элементами, дающей сверхсистемный эффект. Принцип естественности позволяет осмыслить противоречие между естественным и искусственным, антагонистическое разрешение которого приводит к технологиям, угрожающим существованию человека. Принцип деятельностного подхода к единому природно-социальному организму разворачивает диалектику субъективного и объективного факторов в эволюции Вселенной. Принцип гармонии способствует осознанию противоречия между хаосом и организованностью, без чего невозможно сохранение культуры как меры человеческого в человеке. Антиномичность бытия и мышления раскрывает диалектичность разрешения противоречий в контексте деятельностного типа мировоззрения.

Система принципов российского органицизма и космизма позволяет преодолеть механицизм классической философии и науки и способствует развитию антиредукционистского подхода к системному исследованию природы и общества как методологического основания современной научной картины мира глобального эволюционизма. Соотношение субъективного и объек-

тивного факторов составляет основное противоречие в исследовании единого природно-социального организма, раскрывающее масштабы свободы современного человека. Суть этой проблемы заключается в выявлении того, что зависит от самого человека (субъективный фактор) и что от него не зависит (объективный фактор) в процессе собственной жизнедеятельности. Без осмысления данных координат не возможно эффективное научно обоснованное проектирование в любой области.

Список литературы

1. Баршт К. Идеография в творческой рукописи Ф.М. Достоевского: о нарратологическом аспекте экфрасиса // «Невыразимо выразимое»: экфрасис и проблема репрезентации визуального в художественном тексте. – М., 2013.
2. Бергсон А. Творческая эволюции. – М., 2006.
3. Блажко А. FOREX: теория, психология, практика. – М., 2013.
4. Гранин Д. Иду на грозу. Собр соч. в 5-ти тт. Т. 1. – Л., 1989.
5. Гумбольдт Вильгельм фон. О различии организмов языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода: Введение во всеобщее языкознание. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
6. Захаров В.Д. От философии физики к идее Бога. – М., 2012.
7. Зинченко И.С. Эволюция взглядов на сущность творчества в истории западной культуры // Научно-технические ведомости СПбГПУ. 2011. №2.
8. Зинченко И.С. Природа и сущность творчества в «Картина человека» А.И. Галича / И.С. Зинченко // Исторические, фило-

- софские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. 2012. № 6 (20).
9. Маслобоева О.Д. Российский органицизм и космизм XIX – нач. XX вв.: эволюция и актуальность. – М. 2007.
 10. Маслобоева О.Д. Глобальный тип мировоззрения // Глобалистика: междунар. междисципл. энцикл. словарь / Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. – М.; СПб.; Нью-Йорк, 2006.
 11. Полани М. Личностное знание. – М., 1985.
 12. Страхов Н.Н. Органические категории // Вопросы философии. 2009. №5.
 13. Федоров Н.Ф. Сочинения / Под общ. ред. А.В. Гулыга; Вступ. Статья, примеч. Сост. С.Г. Семеновой. – М.: Мысль, 1982.
 14. Эйнштейн. Серия «100 человек, которые изменили ход истории». – М., 2008. Вып. 3.
 15. Эпштейн М. Частотный словарь как философская картина мира // Проективный философский словарь: Новые термины и понятия / Под ред. Г.Л. Тульчинского и М.Н. Эпштейна. – СПб.: Алетейя, 2003.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УТОПИИ МАРКСИЗМА

Митина Н.Г.

*Дальневосточная государственная академия искусств,
Владивосток, Россия*

SOCIOCULTURAL FEATURES OF UTOPIA OF MARXISM**Mitina N.G.***Far Eastern State Academy of Arts,
Vladivostok, Russia*

В статье анализируются теоретические основы марксизма. Материалами исследования стали труды теоретиков марксизма. Основное внимание уделено раскрытию специфических черт, присущих марксистской утопии. Анализ теории марксизма позволил выделить в ней два направления: стихийное и государственное. Определено, что утопические проекты анархизма/марксизма спроецированы на социальное тело. На основе выделенных тенденций определены особенности социального тела марксизма.

Ключевые слова: *пролетариат; мобилизация труда; социальное тело; утопия; деструктивный; государственный марксизм; дионисийский марксизм.*

The article analyzes the theoretical foundations of Marxism. Investigation was scholarly writings of Marxism. Emphasis is placed on the disclosure of specific features inherent in the Marxist utopia. Analysis of the theory of Marxism it possible to identify two areas: natural and state. Determined that the utopian projects of anarchism / marxism projected onto the social body. On the basis of selected trends identified features of the social body of Marxism.

Keywords: *proletariat; mobilizing labor; social body; utopia; destructive; the state Marxism; the Dionysian Marxism.*

В основе марксизма лежит учение о пролетариате – классе, который должен решить задачу создания нового коммунистического общества. Пролетариат, в свою очередь, выступает в качестве социального тела утопических проектов марксизма. Учение о пролетариате, созданное К. Марксом и его сподвижником Ф. Энгельсом, обосновывает историческое значение и задачи данного класса. Для них рабочий является разрушителем ценностей цивилизации, прежде всего государства, которая создана угнетенными для обеспечения потребностей господствующего класса [9, с. 434-435]. На это указывает в своем исследовании рабочего и Э. Юнгер, подчеркивая, что новый мировой порядок не является сам собой, а создается «в рабочем ритме череды мировых и гражданских войн» [26, с. 142]. Более того, по мнению Маркса, «рабочие не имеют отечества», так как не являются национальным классом, и стать таковым они могут, только завоевав политическое господство [9, с. 444].

В.Д. Жукоцкий выделяет связь между философской концепцией К. Маркса и философией Ф. Ницше в желании решить проблему отчуждения человека «на парадоксальной основе: отрицании морали как самооценности, обособленной от реальной человеческой жизнедеятельности и диктующей ей сверху – какой быть». Они «едины в своем порыве морального бунтарства против всяческой *усредненности* человека» и для Маркса решение заключается в движении пролетариата, который должен взорвать капитализм снизу [2, с. 1-2]. Следовательно, у Маркса в пролетариате отсутствует позитивное начало – выступая против ценностей, разрушая, он проявляется, как анархистский тип человека, как деструктивный элемент, который должен «низвергнуть госу-

дарство, чтобы утвердить себя как личность» [8, с. 78]. Однако, выстраивая свою теорию, Маркс приходит к заключению, что пролетариат должен сыграть не только роль разрушителя старого, но и выступить создателем нового общества и пытается найти в нем позитивное начало. И это позитивное, по его мнению, заключается в способности к самоорганизации. Первый пример такой самоорганизации он видел в деятельности Парижской Коммуны, где рабочие пытались организовать повседневную жизнь Парижа [7, с. 548-550]. Но уже Ф. Энгельс, в ходе анализа опыта Коммуны, делает вывод о неспособности рабочих организовать свою деятельность и защитить свои завоевания, что было обусловлено отсутствием у рабочих самосознания, теоретической подготовки и широкой организации, [24, с. 625; 23, с. 197], то есть они составляли стихийную массу разрушителей старых ценностей. Таким образом, основоположники марксизма приходят к выводу о политической несостоятельности пролетариата, его неспособности к самоорганизации и необходимости его организации для завоевания политической власти [8, с. 32-33; 9, с. 447]. Ф. Энгельс организацию политической власти в Парижской Коммуне называет диктатурой пролетариата [23, с. 201], однако развитие данное положение в теории основоположников марксизма не получило.

Следовательно, основоположники марксизма видели в пролетариате дионисийское стихийное начало, класс свободный от собственности, но не способный к самостоятельной организации, с одной стороны, а с другой – ставили перед ним задачу захватить политическую власть с помощью диктатуры пролетариата. Развитие этих двух линий мы видим в русском марксизме: 1. диони-

сийский марксизм представлен у теоретиков анархизма – например, П. Кропоткина, М. Бакунина; 2. государственный марксизм в виде диктатуры пролетариата развивается в трудах – Г.В. Плеханова, В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, И.В. Сталина и др.

Одним из первых марксизм привносит на русскую почву Г.В. Плеханов, который в своих работах приходит к выводу о необходимости силы, которая организует пролетариат – «сильной и хорошо организованной *рабочей* социалистической партии» [11, с. 28, 29, 41]. Дальнейшее развитие теория государственного марксизма получила в трудах В.И. Ленина, который осознав неспособность стихийного элемента к самостоятельному действию [6, с. 29-40], останавливается на теории классовой борьбы. Он уделяет особое внимание идее политической организации пролетариата – диктатуре. Данная идея была развита им в учение о диктатуре пролетариата в работе «Государство и революция» [3, с. 34]. Для него пролетарское сознание – стихийный элемент, не способный к самосознанию, только партия способная внести элемент самосознания, организации в пролетарское движение и привести его к цели – диктатуре пролетариата. С. Жижек в исследовании, посвященном В.И. Ленину, отмечает, что Ленин ««формализовал» Маркса посредством определения Партии как политической формы» ее вмешательства в историю [1, с. 51]. Роль партии в организации рабочих отмечает Э. Юнгер, указывая на тот факт, что она является новой формой единства и находится «в культовом отношении к гештальту рабочего» [26, с. 379]. Следовательно, вопросы самоорганизации пролетариата и трудового люда (стихийного начала) после захвата власти решаются с помощью давления партийной и комсомольской организации и внутри

них [5, с. 201; 4, с. 316-317]. Как отмечает В.Д. Жукоцкий, нигде, кроме России, мы не встречаем такого яркого проявления синтеза марксизма и ницшеанства [2, с. 6-7].

Теория государственного марксизма получила развитие в этот период в трудах Л.Д. Троцкого. В своей теории перманентной революции он отмечает руководящую роль партии – главной организующей силы для пролетариата [21, с. 73]. В теории Троцкого дается основание для осмысления последовательности появления фигур рабочего и воина в России. Так, рабочий становится определяющей фигурой в XIX веке – в эпоху индустриального развития, что подчеркивает Ф. Энгельс [25].

Таким образом, в развитых странах фигура рабочего формируется раньше, чем фигура солдата, что отражено в исследовании Э. Юнгера [26]. Но для стран, которые в XIX веке не являлись индустриальными державами, а к ним относится и Россия, процесс формирования пролетариата происходит позднее (в России он начинается в конце XIX века, но до революционных событий 1917 года еще находится в процессе генезиса). Октябрьский переворот 1917 года стал последствием, в том числе, поражений России в Первой мировой войне, за годы которой в стране была сформирована большая, боеспособная армия, а особенно флот. Следовательно, в России фигура солдата предшествует фигуре рабочего, что отличает ее от развитых европейских стран.

Данный процесс осмыслен в трудах Л.Д. Троцкого, который предлагает проведение индустриализации через милитаризацию труда. Он выделяет ряд положительных черт милитаризации: военная дрессировка, точное исполнение, высшая форма сплоченности, доведения до совершенства техники. Все это позво-

лит использовать милитаризацию в строительстве социализма, распространив принцип военной организации на территории, и организовав в промышленных районах офицерские курсы, для подготовки руководителей промышленности [18, с. 7-9]. Военная система способна была решить задачу мирного строительства с помощью военного-солдата. Надо отметить, что если подготовка квалифицированного рабочего занимала продолжительное время, то подготовка солдата и младших офицеров происходили значительно быстрее, что и обусловило привлечение солдата для строительства социализма. Кроме того, армию (солдат) можно было эффективно использоваться не только для мирного строительства, но и для обеспечения надзора за массой трудового народа, что в дальнейшем и было взято на вооружение И.В. Сталиным.

В качестве способа организации пролетариата в период строительства социализма Троцкий предлагает мобилизацию труда и всеобщую трудовую повинность [18; 19; 20; 22]. Он приходит к выводу, что организация труда в новом обществе заключается в правильном проведении всеобщей трудовой повинности, захватывая основы хозяйства и быта [22, с. 72; 18, с. 6; 19, с. 7]. Кроме партии в этом процессе руководящая роль отводится профессиональным союзам [20, с. 9]. Система, предложенная Троцким, была в дальнейшем использована на стройках социализма И.В. Сталиным.

И.В. Сталин являлся сторонником строгой организации трудящихся. Его труды вносят свой вклад в государственный марксизм. Он также считал, что только пролетариат и структура Советской власти способны объединить неорганизованные и отста-

лые слои населения [17, с. 35]. После объединения Советов (при лидирующем положении в них рабочих), и подчинения их контролю партии, они становятся удобной формой власти для большевиков, власти, которая обеспечивала организацию и контроль над трудящимися. Реализованные государством формы контроля подчинили труд рабочих государству, который усугубился проведением коллективизации в деревне с помощью рабочих – лучших пропагандистов колхозного движения [15, с. 301].

Важную роль в трудовой организации пролетариата и его воспитании играют и практические методы, примененные Сталиным. Это грандиозное строительство периода индустриализации, одним из главных объектов которого, является московское метро, выполнявшее важную идеологическую роль. Исследователь метрореальности М. Рыклин, подчеркивает, что дискурс метро, является насильственной речевой практикой и в его рамках мобилизация и война становятся «чем-то естественным и неизбежным» [12, с. 1]. В ходе гигантского строительства и связанного с ним развития движения ударников производства, происходит «преобразование некультурного метростроевца в культурного» (М. Рыклин выделяет в этом процессе два пути: или осознание своей великой задачи, правильности курса партии, или, как незоснательный, он становится врагом и его перевоспитывают) [13, с. 1]. Он подчеркивает синкретичность системы общественных отношений, которая, по его мнению, приводит к идеологическому обоснованию трудовой установки, к правовому обоснованию данной политической линии [14, с. 67].

Выводы Рыклина подтверждает исследование Э. Юнгера, который рассматривая гештальт рабочего, приходит к выводу, что

последней и высшей ступенью мобилизации материи рабочего является осуществление тотального характера работы, а результат единства технического пространства и типа выражается в «стирании различий между органическим и механическим миром»; его символом является органическая конструкция [26, с. 260]. Таким образом, формируется трудовая механическая масса – народ, уничтожающая индивида и имеющая перед собой единую цель – строительство коммунизма. В данном процессе организации и воспитания пролетария используются все методы от «кнута» (репрессии с целью перевоспитания) до «пряника» (привилегии для ударников производства – Героев социалистического Труда).

Мобилизация труда по Троцкому была дополнена Сталиным политикой **«организованного набора рабочих для промышленности»**, предложением «закрепить рабочих за производством и сделать состав рабочих на предприятии более или менее постоянным», создать **«свою собственную производственно-техническую интеллигенцию»** из рабочих [16, с. 365-374]. Апогеем внесения организации в стихийное народное начало стало создание системы ГУЛАГа. Она охватила огромные просторы государства, и стала еще одной формой воспитания работников и, одновременно с этим, формой милитаризации труда. Система лагерей строилась как военная и это позволило использовать ее на территориях с особыми условиями труда. Создание ГУЛАГа предоставило власти решить задачи строительства социализма малыми средствами, используя бесплатный труд заключенных, контроль за которыми осуществляли военные (офицеры и солдаты, прошедшие военную подготовку). Жижек приходит к выводу, что с принятием Конституции в 1936 году, «возможность террора

была вписана в самую ее суть: поскольку с этого момента было объявлено о начале классовой войны, а Советский Союз мыслится в качестве бесклассовой отчизны народа» и выступавшие против власти являлись теперь врагами народа [1, с. 120]. В этом проявляется, по мнению В.Д. Жукоцкого, ницшеанская установка – относиться к массам беспощадно, что и делали вожди, становившиеся «сверхчеловеками поневоле», так как в условиях массового социального движения образ «Сверхчеловека – фактического Божества ... адаптировался в идею партии и ее вождя», вписывался в историческую перспективу «сверхчеловеческого сообщества людей» [2, с. 14, 23].

В результате большевиками была сформирована бюрократия, руководимая волей к власти, а не волей к истине, и соответственно находящаяся в конфликте со знанием данное противоречие еще более усугубилось в последующий период, достигнув гигантских масштабов. Результатом стали периоды, когда воля к власти открыто преследует волю к знаниям (судебные процессы над инженерами, врачами, деятелями науки, искусства), ценность истины становится минимальной, а знание носит характер избирательности. И как итог, созданная еще большевиками бюрократия не желает испытывать на себе влияние знания в форме экспертизы, что свидетельствует о деградации воли к истине. Т. Парсонс в своей теории социетального общества, отмечает важность взаимодействия бюрократии с профессионалами (обладателями знаний), что ослабляет линейные элементы бюрократической структуры и придает им ассоциативный характер. Данную модель он называет коллегиальной бюрократией, в которой происходит совмещение роли членов с ролями работников [10, с. 140-142]. Данная модель

в условиях современного общества является наиболее жизнеспособной, так как способна совместить и уравновесить знание и власть.

Однако для большевиков воля к власти была более приемлемой, чем воля к знанию, они использовали энергию бессознательного – стихийное сознание масс, которая с помощью визуальных образов, лозунгов, приводилось ими к необходимому, единственно правильному решению и массы готовы были выполнить задачу, руководствуясь только инстинктом, осуществить выбор – «свой – чужой». Опасность воли к власти не ограниченной волей к истине проявилась в неподконтрольности созданной бюрократии, которая являла собой образ сверх-человека, возвышающегося над обществом. Следовательно, государственный марксизм ставит своей задачей преобразовать стихийное пролетарское сознание, его деструктивное начало, в позитивное – через самоорганизацию, воспитав, таким образом, его самосознание, и создать позитивный тип – солдата и рабочего. И в этом процессе свою роль сыграл синтез марксизма и ницшеанства, проявившийся на почве большевизма-ленинизма.

Необходимо остановиться на понятии «рабочий-пролетарий», используемое в российских марксистских и анархистских проектах. Процесс формирования анархистских и марксистских концепций на российской почве происходит одновременно и берет свое начало с движения народничества, зародившегося в середине XIX века. Однако в ходе оформления между ними наметились противоречия, что привело в итоге к расхождению, но основа остается общей, что позволило нам отнести анархизм к линии дионисийского (стихийного) марксизма.

В теории анархизма относительно угнетенных слоев общества используется понятие «рабочие», «трудящийся народ». Анархисты делали ставку на люмпен-пролетариев, то есть деклассированный элемент, предполагая, что только они могут стать главной движущей силой будущей революции, способной разрушить ценности старого уходящего строя. К данной категории относится и масса беднейшего крестьянства, которое предполагалось использовать в качестве движущей силы, но только после предварительной подготовки.

В марксистской теории понятие «рабочий» заменяется понятием «пролетарий». Данный термин получает развитие в трудах основоположников марксизма – К. Маркса и Ф. Энгельса, использовавших его применительно к европейским рабочим, представлявшим собой в большинстве своем квалифицированную рабочую силу. В России данный термин появляется в работах русских марксистов – Г.В. Плеханова, В.И. Ульянова-Ленина и их последователей, которых мы относим к линии государственного марксизма. Именно Ленин придает данному термину особое значение в своей теории социалистической революции. Однако, в отличие от Запада, в России не было большинства квалифицированных рабочих в виде рабочих-пролетариев. Это привело к искажению данного понятия, оно было распространено на неграмотный, необразованный слой российского общества, присвоено люмпенам, которые представляли собой низы общества. Следовательно, применительно к российской действительности использование определения «пролетариат» в том контексте, в котором его использовали основоположники марксизма не представляется возможным. Эти особенности российской действительности могут

быть причиной оформления линии государственного марксизма, делавшего упор на необходимости скорейшего преобразования стихийного начала в организованный класс.

Анализ теории марксизма позволил выделить в ней два направления:

1-е – строится на стихийном начале в данном социальном теле;

2-е – исходя из неспособности пролетария к самоорганизации, выдвигает тезис о направляющей и руководящей им силе в лице партии и диктатуры пролетариата.

На основе выделенных тенденций удалось определить особенности социального тела марксизма – отсутствие в пролетариате позитивного, созидательного начала. Данная особенность ярко проявилась в условиях России, где процесс формирования рабочего класса приходится только на начало XX века, в то время как в Европе он относится к XIX веку.

Определены способы формирования позитивного тела в направлении государственного марксизма: организацию и контроль в виде партии, власть в форме диктатуры, террор, милитаризация труда, насильственная речевая практика, визуализация, культ вождя. Действия партийного руководства определены как источник ницшеанской воли к власти.

Были выделены две позитивные фигуры, способные к созиданию – солдат и рабочий. Обосновано, что в России первым удалось сформировать фигуру солдата, а формирование рабочего растянулось на десятилетия XX века (самосознание рабочего проявляется только во второй половине века). В то время как

в Европе первой была сформирована позитивная фигура рабочего и только после Первой мировой войны – фигура солдата. Созидательное начало в фигуре солдата, осознание им своих действий, обусловили его использование в мирной жизни, сделали его опорой власти в решении задач строительства социализма.

Список литературы

1. Жижек С. 13 опытов о Ленине. – М.: Ад Маргинем, 2003. 255 с.
2. Жукоцкий В.Д. Ницшеанство и марксизм: русский синтез. из URL: http://libelli.ru/alfa_n/ez.htm (дата обращения: 29.08.13). 26 с.
3. Ленин В.И. Государство и революция / В.И. Ленин // Полн. собр. соч.: 5-е изд. – М.: Политиздат, 1962-1981. Т. 33. С. 1-120.
4. Ленин В.И. Задачи Союзов Молодежи (Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 г.) / В.И. Ленин // Полн. собр. соч.: 5-е изд. – М.: Политиздат, 1962-1981. Т. 41. С. 360-361.
5. Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти / В.И. Ленин // Полн. собр. соч.: 5-е изд. – М.: Политиздат, 1962-1981. Т. 36. С. 165-208.
6. Ленин В.И. Что делать? / В.И. Ленин // Полн. собр. соч.: 5-е изд. – М.: Политиздат, 1963-1981. Т. 6. С. 1-192.
7. Маркс К. наброски «Гражданской войны во Франции». Первый набросок. Коммуна / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955-1975. Т. 17. С. 540-569.
8. Маркс К. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955-1975. Т. 3. С. 7-544.

9. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955-1975. Т. 4. С. 419-459.
10. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева // Под ред. М.С. Ковалевой. – М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.
11. Плеханов Г.В. Социализм и политическая борьба / Г.В. Плеханов // Соч. М.-Л.: Госиздат, 1923-1927. Т. II. С. 27-90.
12. Рыклин М. «Лучший в мире». Топос. 25/10/2005. URL: <http://www.topos.ru/article/4128> (дата обращения: 29.08.13). 2 с.
13. Рыклин М. Метродискурс. Окончание. Топос. 14/07/2005. из URL: <http://www.topos.ru/article/3812> (дата обращения: 29.08.2013). 2 с.
14. Рыклин М. Террорологии. – Тарту-Москва: Эйдос, Культура, 1992. 224 с.
15. Сталин И.В. Год Великого перелома. К XII годовщине Октября / И.В. Сталин // Вопросы ленинизма. 11-е изд. – М.: Госполитиздат, 1952. С. 294-305.
16. Сталин И.В. Новая обстановка – новые задачи хозяйственного строительства. Речь на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. / И.В. Сталин // Вопросы ленинизма. 11-е изд. – М.: Госполитиздат, 1952. С. 364-383.
17. Сталин И.В. Об основах ленинизма. Лекции, читанные в Свердловском университете / И.В. Сталин // Вопросы ленинизма. 11-е изд. – М.: Госполитиздат, 1952. С. 1-80.
18. Троцкий Л.Д. Мобилизация труда (доклад на объединенном заседании III Съезда совнархозов и Московского совета раб. и кр. депутатов). URL: <http://www.litres.ru/lev-trotsky/>

- mobilizaciya-truda-doklad-na-obedinennom-zasedanii-iii-sezdasovnarhozov-i-moskovskogo-soveta-rab-i-kr-deputatov/ (дата обращения: 28.08.13). 13 с.
19. Троцкий Л.Д. На пути к социализму. Хозяйственное строительство Советской республики (Приложения). URL: <http://www.litres.ru/lev-trockiy/na-puti-k-socializmu-hozyaystvennoe-stroitelstvo-sovetskoj-respubliki-prilozheniya/> ?just_bought=1 (дата обращения: 28.08.13). 9 с.
 20. Троцкий Л.Д. О мобилизации индустриального пролетариата, трудовой повинности, милитаризации хозяйства и применении воинских частей для хозяйственных нужд (тезисы ЦК РКП). URL: <http://www.litres.ru/lev-trockiy/o-mobilizacii-industrialnogo-proletariata-trudov-oy-povinnosti-militarizacii-hozyaystva-i-primenении-voinskih-chastey-dlya-hozyaystvennyh-nuzhd-tezisy-ck-rkp/> (дата обращения: 28.08.13). 13 с.
 21. Троцкий Л.Д. Перманентная революция. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl004.htm> (дата обращения: 28.08.13). 76 с.
 22. Троцкий Л.Д. Терроризм и коммунизм. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl033.htm> (дата обращения: 28.08.13). 135 с.
 23. Энгельс Ф. Введение к работе К. Маркса «Гражданская война во Франции» / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955-1975. Т. 22. С. 189-201.
 24. Энгельс Ф. Запись речи Ф. Энгельса о Парижской Коммуне / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955-1975. Т. 17. С. 625.

25. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. По собственным наблюдениям и достоверным источникам / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955-1975. Т. 2. С. 231-517.
26. Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт / Э. Юнгер // Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли. – СПб.: Наука, 2000. С. 55-440.

МЕЦЕНАТ ИЗ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКА

Несмиян О.А.

*Центр детского творчества,
г. Шуя, Ивановской области, РФ*

MAECENAS OF IVANOVO-VOZNESENSK

Nesmiyan O.A.

*Children's Creativity Center,
Shuya, Russian Federation*

Среди уездных предпринимателей-коллекционеров, перешагнувших грань обычного и широко распространенного «собираательства» в числе первых следует назвать и имя иваново-вознесенского фабриканта Д.Г. Бурьлина. Бурьлин не был ни историком, ни археологом, ни этнографом, но путешествия по странам мира, живое общение

с людьми культуры и искусства сделали его настоящим знатоком музейного дела и коллекционирования. За сорок лет Д.Г. Бурьлин собрал уникальную и очень разностороннюю коллекцию. В 1914 году Бурьлин начинает строительство музея, который изначально замыслился как культурно-образовательный центр, включающий не только экспозицию, но и библиотеку для общественного пользования, аудиторию для публичных чтений и лекций, обсерваторию. Он мечтал хотя бы немного приоткрыть для своих сограждан многогранный и чарующий мир.

Ключевые слова: *«Русский Манчестер»; купечество; коллекционирование; музейное дело; благотворительность; кружок любителей художеств; художественно-промышленная выставка.*

Among county entrepreneurs – collectors, who have stepped face of conventional and widespread «gathering», the name of the Ivanovo-Voznesensky manufacturer D.G. Burylin should be among the first to be called. Burylin was neither a historian nor an archaeologist or anthropologist, but traveling in the countries of the world, live communication with people of culture and art have made him a true expert in museology and collectibles. For forty years D.G. Burylin assembled a unique and very diverse collection. In 1914 Burylin begins construction of the museum, which was originally conceived as a cultural and educational center, which includes not only exposure, but also a library for public use, audience for public readings and lectures, the observatory. He wanted at least to unveil a little their fellow citizens multifaceted and fascinating world.

Keywords: *«Russian Manchester»; merchants; collection; museum; charity; circle of Art Lovers; Art and Industry Exhibition.*

С легкой руки литераторов XIX – начала XX веков, в умах российской общественности утвердился отрицательный образ купца, далекого от культуры, грубого и невежественного, отличающегося крайним корыстолюбием и приземистым отношением к жизни человека. Столь нелестные характеристики дополняют пьесы Островского, Боборыкина, Некрасова. Такие же суждения были распространены в интеллигентной и образованной среде тех лет даже в отношении выдающихся предпринимателей.

При этом следует отметить, что по свидетельствам мемуаристов среднестатистический предприниматель в крупном российском городе в середине XIX века мало чем отличался от своего европейского коллеги. На образование и воспитание промышленники не щадили сил и средств. В 1890-е годы наблюдалось стремление к тому, чтобы дети купцов получали классическое образование, а после окончания гимназии ещё получали престижный университетский диплом или диплом высшего технического вуза. Представители купечества становились не просто страстными библиофилами, но и знаменитыми коллекционерами книжных редкостей. Они не только «собирали, поощряли и пропагандировали», они сумели подняться над узкоклассовыми интересами и сознательно действовали для достижения общенациональных целей народного просвещения.

Этому во многом способствовал патриотический подъем в самых широких кругах русского общества, начавшийся ещё по-

сле Отечественной войны 1812 года. В конце XIX – началу XX века интерес к зарубежным народам и «дикивинкам» сменился плановым изучением «дикивинных» народов и отечественных «инородцев», а также русских и других славянских народов. Немалую роль сыграло и создание в каждой губернии, начиная с 30-х годов XIX в. губернских статистических комитетов, а потом ученых архивных комиссий, ставших организационными и издательскими центрами.

Среди уездных предпринимателей – коллекционеров, перешагнувших грань обычного и широко распространенного «собирательства» в числе первых следует назвать и имя иваново-вознесенского фабриканта Д.Г. Бурылина. Начав свою трудовую жизнь с 14 лет, Дмитрий Геннадьевич не получил никакого специального образования. Всю жизнь он сожалел, что не мог учиться в молодости, но природный ум и прекрасно развитая интуиция, а также книги сделали его человеком с широким общекультурным кругозором.

О разносторонности его интересов можно судить по каталогу библиотеки Дмитрия Геннадьевича, где имелись книги по самым различным отраслям знаний: богословские, философские, политические и социальные науки, география, этнография, история, естествознание, математические, коммерческие науки, сельское хозяйство, строительное искусство и ремесла, городское и земское хозяйство, периодические издания [3, л. 13]. С января 1904 года, для работы по составлению каталога этой библиотеки, привлекаются студенты ярославского демидовского лицея Николай Тарабукин и Георгий Самойлов. Создание каталога было необходимо для открытия публичной библиотеки, где пользование

книгами было бесплатным. В 1914 году работу по созданию каталога возглавил С.Н. Грищенко, специалист из Москвы и уже в сентябре каталог издается: «С изданием первого тома библиотеки мы создаем целое учреждение, которое сможет правильно функционировать» [4, л. 11]. В каталоге были описаны только книги на русском и церковно-славянском языках. Библиотека была открыта ежедневно для всех с 10 часов утра и до 10 часов вечера кроме праздников. В письме председателя правления Русского библиотечного общества Л.Б. Хавкиной-Гамбургер Д.Г. Бурылину говорилось: «...я назвала Вас меценатом и, несмотря на Ваш протест, считаю, что иначе Вас и нельзя назвать. Всякий, кто тем или способом, стремиться насаждать «симпатии народа к науке – источнику добра и силы», кто покровительствует насаждению знаний, устраивает для этого просветительские учреждения – есть меценат» [5, л. 2].

Бурылин не был ни историком, ни археологом, ни этнографом, но путешествия по странам мира, живое общение с людьми культуры и искусства сделали его настоящим знатоком музейного дела и коллекционирования. При посещении различных музеев Бурылин старался встретиться с их руководителями и интересовался постановкой дела в них [2, с. 57]. Текстильный фонд Бурылина насчитывал несколько сотен тысяч образцов тканей России, Западной Европы, Персии, Японии, ручных набоек XVII-XIX вв., рисунков для ситцев на бумаге, выполненных местными рисовальщиками, манер, перротин, набивных молотков и рецептурных книг для составления красок, а также собрание документальных материалов по истории промышленности города Иванова-Вознесенска. Он понимал, что для истории не-

обходимо реконструировать этапы развития и становления текстильной промышленности в Иваново-Вознесенске. Он хотел, чтобы традиции ивановских ситцев передавались из поколения в поколение. В городе при реальном училище с 1896 года работала школа колористов. Но Бурылин предпринял немало усилий, чтобы открыть в «Русском Манчестере» еще и рисовальную школу, филиал Центрального училища технического рисования барона Штиглица в Петербурге. В этой школе стали с 1898 года готовить художников для ситценабивных фабрик.

За сорок лет Д.Г. Бурылин собрал уникальную и очень разностороннюю коллекцию. Самым большим был русский отдел музея: собрание русского оружия и снаряжения, утвари и посуды, одежды. Отдел Дальнего Востока включал богатую коллекцию предметов буддийского и конфуцианского культа. Кроме того, были собраны богатые и разнообразные коллекции: часов, игральные карты, вееров. Нумизматический отдел заключал в себе до 60 тыс. монет, бумажных денег разных времен и народов. Масонская коллекция, насчитывала 1300 единиц хранения, из них 56 русских знаков и одежд были подробно описаны исследовательницей Т.О. Соколовской, которая в 1912 году издала небольшой иллюстрированный каталог [1, с. 110]. Именитые ученые Н.С. Щербатов, С.Ф. Ольденбург, Д.В. Цветаев, А.И. Успенский, П.И. Щукин и многие другие известные историки и коллекционеры указывали на ценность этого музея. С 1885 по 1917 гг. Дмитрий Геннадьевич участвовал более чем в 15 всероссийских и международных выставках [1, с. 111]. Выставочная деятельность, общение с учеными привели к мысли о необходимости научной обработки коллекций, создания каталогов и показа ши-

рокой публике. Бурьлин обратился В. Викентьеву – сотруднику Московского исторического музея с просьбой найти научных сотрудников для музея. При этом сам Дмитрий Геннадьевич был замечательным гидом и предпочитал сам рассказывать о своих коллекциях.

В 1914 году начинается строительство музея, который изначально замышлялся как культурно-образовательный центр, включающий не только экспозицию, но и библиотеку для общественного пользования, аудиторию для публичных чтений и лекций, обсерваторию. Ко дню открытия музея Дмитрий Геннадьевич хотел издать иллюстрированную книгу «История города Иваново-Вознесенска с его прошлым и настоящим».

Из общего круга коллекционеров-любителей, занимающихся собирательством ради заполнения своего досуга, удовлетворения личной прихоти или амбиций, стремления к роскоши, в российской провинции постепенно выделилась сравнительно небольшая, но авторитетная группа подлинных меценатов и ценителей искусства, литературы, просвещения. Они ставили перед собой высокие просветительские задачи. Они подготовили почву для развития интереса к сокровищам отечественной и мировой культуры широких масс населения. Мечта Д.Г. Бурьлина хотя бы немного приоткрыть для своих сограждан многогранный и чарующий мир осуществилась.

Список литературы

1. Анцупова Т. Страницы из жизни коллекционера. Ивановский архив. 1996. №1.

2. Додонова А. Дмитрий Геннадьевич Бурялин. Изд-во «Иваново», 1997.
3. ГАИО. Ф.205. Оп.1. Д.80.
4. ГАИО.Ф.205. Оп.1. Д. 99.
5. ГАИО. Ф. 205. Оп.1. Д.100.

**КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
ПРЕДПРИЯТИЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ
(НА ПРИМЕРЕ ПРИМОРСКОГО
ОКЕАНАРИУМА ДВО РАН)**

Прокопчук А.В., Пермякова О.Г.

*Морской государственный университет им. адм. Г.И. Невельского;
Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия*

**CULTURALLY-ENLIGHTENED POTENTIAL
OF SOCIO-CULTURAL ENTERPRISE
(PRIMORSKY AQUARIUM FEB RAS FOR EXAMPLE)**

Prokopchuk A.V., Permyakova O.G.

*Maritime state university named after admiral G.I. Nevelskoy;
Far Eastern federal university, Vladivostok, Russia*

*Культурно-просветительский потенциал предприятий
социально-культурной сферы во многом зависит от состо-
яния их ресурсной базы. Приморский Океанариум ДВО РАН*

– организация с мощнейшим культурно-просветительским потенциалом. Серьезные капиталовложения в материально-техническую, информационно-методическую базу, основные принципы кадровой политики – залог успешной культурно-просветительской деятельности этого предприятия и его стратегического развития в целом.

Ключевые слова: *Предприятия социально-культурной сферы; культурно-просветительная деятельность; культурно-просветительский потенциал; Приморский Океанариум ДВО РАН; материально-технический, информационно-методический, кадровый ресурсы организации.*

Culturally-enlightened potential of socio-cultural enterprises turns from their resources. Primorsky Aquarium FEB RAS is organization with high culturally-enlightened potential. Big investment for material, technical, information and methodical basis, mode of manpower policy exerts on progress this enterprise.

Keywords: *Socio-cultural enterprise; culturally-enlightened activities; culturally-enlightened potential; Primorsky Aquarium FEB RAS; material, technical, information and methodical basis; manpower resource of enterprises.*

В развитии современного общества большое значение имеет деятельность институтов социально-культурной сферы. К ним относят образовательно-воспитательные учреждения, социальные институты духовного производства, культуuroохранительные институты, культурно-досуговые и санаторно-курортные учреж-

дения, туристско-экскурсионные и другие организации. Важнейшую часть производственного процесса таких организаций составляет культурно-просветительная деятельность, способствующая инкультурации и социализации личности, гуманизации современного общества. В одних случаях такая деятельность состоит в оказании специализированных образовательных услуг, в других – представляет собой реализацию проектов и программ социально-культурной направленности.

Кроме того, в настоящее время существенно возросла потребность населения в организованном культурном досуге. В связи с этим разносторонний анализ культурно-просветительной и образовательной деятельности организаций социально-культурной сферы представляется необходимым и актуальным.

Активная культурно-просветительная работа ведется и научно-просветительными учреждениями – музеями, библиотеками, зоопарками, художественными галереями, планетариями, океанариумами и т. п.

Так, по сведениям официального сайта Океанариума города Санкт-Петербурга, на базе Учебного центра организации проводятся специализированные образовательные программы для детей младшего, среднего и старшего школьного возраста. Океанариум выступает организатором такого социально-культурного проекта как конкурс-путешествие «Большая регата», в ходе которого команды-участники посещают несколько музеев и образовательных учреждений Санкт-Петербурга [4].

Приморская краевая публичная библиотека им. А.М. Горького во Владивостоке регулярно организует просмотр тематических программ и дискуссии в Клубе любителей эксклюзивного кино

«Зеркало», ежегодно с 2005 года выпускает «Календарь памятных дат и событий Приморского края». На базе библиотеки функционируют Школа любительского садоводства (руководитель проекта А.В. Гринев), «Экологическая гостиная», где участвуют специалисты Ботанического сада-института ДВО РАН, Исторический клуб «Владивосток и его Гиляровские» и т.д. [5].

Планетарий в Москве позиционирует себя как многофункциональный научно-познавательный комплекс. Помимо специализированных образовательных программ для школьников с показом полнокупольных фильмов о космосе, здесь функционирует Театр увлекательной науки «В гостях у Звездочета», проводится цикл программ Универсариума «Времена года» и другие культурно-просветительные мероприятия. В апреле 2015 года Планетарий организовал Космический марафон, включающий комплекс социально-культурных проектов с космической тематикой, приуроченный к Дню космонавтики. Например, полнокупольное шоу с участием оркестра новой симфонической музыки MOONCAKE, заявленное как диалог двух видов искусств – музыки и видеоразмышлений на тему Космоса и Вселенной [3].

В нынешний век развлечений, идей и компьютерных технологий уже не достаточно иметь в наличии музейный артефакт, коллекцию книг или кинофильмов. Надо найти такой подход к потребителю, который поможет разбудить в нем желание познания мира, даст ему возможность проявить себя, превратит его из пассивного субъекта в объект познавательных отношений. Культурно-просветительная деятельность требует от предприятий социально-культурной сферы особого уровня подготовки кадров,

состояния ресурсной базы, создания особой системы управления. Поэтому, приступая к организации подобной деятельности, важно оценить и осмыслить культурно-просветительский потенциал организации, понять механизмы его эффективного использования.

Потенция – от латинского «возможности», внутренняя сила, способность к действию.

Шафиков М.Т. рассматривает потенциал как «...атрибут бытия и присущее всякой качественной определенности (предмету или явлению) свойство иметь ресурсы, возможности, способности для самосохранения и самодвижения, а также воздействия на окружающий мир и взаимодействия с ним» [6, с. 30]. Соответственно, можно говорить о потенциале личности, коллектива, организации, населенного пункта и др.

Аксенова О.П. и Фокина О.М. определяют потенциал предприятия как «атрибутивную динамическую характеристику бизнес-системы, выступающую в виде совокупности кадровых, производственных, информационных, финансовых и управленческих составляющих, которые присущи предприятию независимо от его организационно-правовой формы, сферы его деятельности, формы собственности и других характеристик» [1, с. 39]. Иначе говоря, характеристика потенциала предприятия, с точки зрения микроэкономики, базируется на характеристике его ресурсной базы.

Возможные способы реализации потенциала ресурсов предприятия социально-культурной сферы представлены в авторской таблице (согласно классификации ресурсов социально-культурной деятельности Т.Г. Киселевой и Ю.Д. Красильникова [2]).

Таблица 1

Реализация потенциала различных видов ресурсов

Виды ресурсов	Способы реализации потенциала ресурса
Нормативный ресурс	Юридическая ответственность, законность, документация организации.
Кадровый ресурс	Уровень образованности и профессионализма, эрудиция работников.
Финансовый ресурс	Финансовое обеспечение всех видов деятельности.
Материально-технический ресурс	Оборудование, имущество, инвентарь организации. Наличие и состояние.
Морально-этический ресурс	Профессионально-нравственная позиция, нормы общения и поведения, репутация организации и работника.
Информационно-методический ресурс	Переподготовка и повышение квалификации кадров, средства и способы организационно-методического руководства, сведения, данные, материалы.
Социально-демографический ресурс	Потенциальная и реальная аудитория.

Согласно выводам М.Т. Шафикова, «всеобщему потенциалу как системе характерно разнообразие конкретных форм проявления, и той или иной конкретике предметного бытия свойственно определенное (относительное) содержание потенциала...» [6, с. 30]. Таким образом, соответственно предметной принадлежности, выделяют личностный, трудовой, экономический, интеллектуальный, научно-образовательный и другие виды потенциала. Однако, культурно-просветительский потенциал нигде не рассматривается.

Каждое из перечисленных выше понятий определяет содержание комплекса возможностей, средств, необходимых для достижения конкретно обозначенных целей. Применительно к контексту культурно-просветительной деятельности предприятий социально-культурной сферы, мы считаем возможным выделить «культурно-просветительский потенциал» организации как комплекс ресурсов организации, качественное содержание которых позволяет человеку приобщиться к достижениям культуры, к ее ценностям, развивать способности, усваивать социальные нормы, способствует решению задач обучения и воспитания личности.

Что касается содержания культурно-просветительского потенциала предприятия социально-культурной сферы, то, по мнению авторов, представляя собой совокупность возможностей всех видов ресурсов, он, в большей степени опирается на возможности кадрового, материально-технического, информационно-методического ресурсов.

Одним из перспективных предприятий социально-культурной сферы в Дальневосточном регионе является строящийся на о. Русский Научно-образовательный комплекс ДВО РАН «Приморский Океанариум» (г. Владивосток).

Структура, подобная океанариуму на о. Русский, в системе российской науки создается впервые, и ее функции шире, чем ведение научных разработок и подготовка профессиональных кадров в области биологии. Океанариум является, своего рода, основной составляющей морского кластера, где соединяются и перемешиваются туристические, культурные, научные интересы, связанные с морем и морскими биоресурсами.

Повышение экологической культуры населения, т.е. просвещение населения в области морской биологии и экологии, изуче-

ния и охраны водных экосистем – одно из важнейших направлений деятельности океанариума.

Культурно-просветительную работу в океанариуме планируется осуществлять непосредственно в экспозиционных залах, в дельфинарии, где будут содержаться и демонстрироваться морские млекопитающие пяти видов, и в специализированном образовательном центре. Центр представляет собой автономное подразделение, имеющее отдельный вход, что позволит ему расширить свою деятельность и вести работу с клиентами вне пропускной системы океанариума. Согласно проекту, Морской образовательный центр – один из самых крупных в мире подобных центров – будет иметь все необходимое для осуществления задач образования и просвещения.

Так, затраты на оборудование являются основной частью капиталовложений в образовательный центр и служат определенным критерием отношения государства к просветительской и образовательной составляющей проекта. В арсенале центра находятся: учебные лаборатории, оснащенные оборудованием для ведения микробиологических и ихтиологических исследований; театр; электронная библиотека; лекционные аудитории; компьютерный класс, оборудованный для ведения занятий с использованием электронных технологий; специальное зонированное помещение для дошкольников, где детям дается возможность провести свои первые исследования, разыграть спектакль, зарисовать увиденных животных.

В главной части научно-образовательного комплекса планируется разместить девять экспозиций, среди которых наибольший интерес для посетителей будут представлять экспозиции «Поляр-

ный мир», «Японское море», «Реки и озера» и другие. В экспозиционных залах, наряду с танками (большими аквасистемами), в которых будут обитать морские и пресноводные гидробионты, планируется сконструировать механические и электронные устройства, с помощью которых процесс познания будет более эффективным. Для удобства индивидуального посетителя закупаются персональные переносные (аудиогид) и устанавливаются стационарные средства коммуникации (электронные справочники, сенсорные столы и панели).

На предприятии создаются условия для профессионального роста сотрудников. Наряду с повышением квалификации в крупных океанариумах и ведущих научных учреждениях страны и мира, большую роль здесь играет опыт создания нового, коллективного продукта. Примером приобретения такого опыта можно считать реализацию одного из совместных проектов «Лосось – рыба мира», в ходе которого сотрудниками была разработана и применена технология создания коммерческого продукта (спектакль; станционная игра; дидактическая игра; мастер-классы и др.). Была отработана система взаимодействия с другими организациями – партнерами; коммерческими фирмами; творческими специалистами – художниками и костюмерами, а так же технология применения созданного продукта в разных условиях: в экспозициях океанариума; на выездных площадках города; в школах, клубах, домах творчества. Этот пример демонстрирует, что в процессе культурно-просветительной деятельности, за счет реализации проектов, организация:

- а) усиливает свою информационно-методическую базу;
- б) расширяет внешние и укрепляет внутренние связи;

- в) повышает профессиональный уровень сотрудников;
- г) улучшает свой имидж;
- д) укрепляет и совершенствует систему управления.

Особо выделим формирование в океанариуме такой управленческой системы, которая направлена на изменение содержания просвещения через повышение культурного запроса посетителей. Достигается это с помощью подключения потенциальных клиентов к деятельности океанариума через реализацию социально-культурных проектов, создание постоянно-действующих структур, клубов, интернет-сообществ и т.д.

Таким образом, в океанариуме предусмотрено создание мощной ***материально-технической и информационно-методической базы***.

Своеобразие объекта отражается на специфике ***кадровой политики*** океанариума. В целях реализации образовательных и культурно-просветительских задач океанариума создан и ведет активную работу научно-образовательный отдел.

Основными функциями отдела являются организация и проведение образовательных программ, экскурсий и занятий, специальных событий (выставки, праздники, конференции), разработка экспозиций, проведение научно-методической работы в области музейной педагогики, психологии, дидактики, создание образовательных и просветительных материалов (путеводителей, этикеток и др.), разработка системы экспозиционной навигации.

Любой музей, зоопарк, океанариум продает, прежде всего, ***впечатления***. От компетентности специалистов, которые будут

работать с посетителями, в большей степени будет зависеть капитализация всей деятельности организации.

Поэтому, во-первых, при приеме на работу учитываются качественные показатели деятельности сотрудника: опыт работы с детским коллективом; достижения в области биологии; реальные результаты, доказывающие, что специалист опытен и разделяет идеологию природоохраны, владеет новыми формами и методами обучения и просвещения. На сегодняшний день в океанариуме из всех специалистов, деятельность которых связана с просвещением населения, 30% имеют ученую степень кандидата наук. Все сотрудники имеют опыт проектной деятельности, что необходимо в такой организации.

Во-вторых, важным аспектом является специализация каждого члена команды. Так, на настоящий момент подобраны специалисты в экскурсоведении, экологическом и биологическом образовании школьников, детей дошкольного возраста и студентов.

В-третьих, одним из принципов подбора кадров является совмещение их профессиональных качеств с универсальностью. В настоящее время сотрудники океанариума, которые представляют кадровый резерв образовательного центра, являются частью организованного коллектива, где каждый участник занимает определенное место.

В-четвертых, в роли субъектов культурно-просветительного творчества в океанариуме выступают не отдельные экскурсоводы, аниматоры, ученые и специалисты, а целый *коллектив единомышленников*, профессиональное сообщество. Продукт, производимый таким коллективом, рождается на спланированных творческих сессиях с использованием технологий креативного

мышления. Только тогда продукт получается «живой», интересный, а это один из критериев его качества. В связи с этим в качестве приоритетной формы генерирования культурно-просветительского потенциала в океанариуме признается коллективная деятельность.

В заключение отметим, что, в широком смысле, состояние маркетинговой среды также влияет на формирование культурно-просветительского потенциала океанариума, а именно:

- Общее устройство системы образования и просвещения в стране, в которую встраивается создаваемая в океанариуме система образования и просвещения.
- Общественные представления об океанариуме как о научно-просветительском учреждении.
- Политика и позиция научных организаций Приморья и Дальнего Востока, изучающих водную среду.
- Политика организаций – потребителей культурно-просветительских услуг, предлагаемых океанариумом: туристических фирм, учебных заведений (государственных и негосударственных), праздничных агентств и др.
- Содержание культурных запросов общества в целом, и социальных групп, с которыми работает океанариум.
- Специфика содержания культурно-просветительской деятельности океанариума.

Культурно-просветительская деятельность организаций социально-культурной сферы, направленная на формирование и удовлетворение культурных и духовных потребностей личности, способствует общественному прогрессу. Обеспечивая разносто-

роннее содержание и качественный уровень такой деятельности, руководство должно эффективно использовать необходимые ресурсы предприятия, учитывать состояние маркетинговой среды. Только в данном случае организация сможет в полной мере реализовать свой культурно-просветительский потенциал.

Список литературы

1. Аксенова О.П., Фокина О.М. Методика оценки потенциала предприятия, реализующего инвестиционный проект // Ин-ВестРегион. 2008. № 1. С. 38-43.
2. Киселева Т.Г. Социально-культурная деятельность: учебник / Т.Г. Киселева, Ю.Д. Красильников. – М.: МГУКИ, 2004. 539 с.
3. Московский планетарий [Электронный ресурс] / Большой планетарий Москвы. Центр популяризации естественно-научных знаний. – М., 2015. – Режим доступа: <http://www.planetarium-moscow.ru>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус., англ.
4. Океанариум [Электронный ресурс] / ТРК «Планета Нептун» – торговый развлекательный комплекс Санкт-Петербурга. – Спб, 2015. – Режим доступа: <http://www.planeta-neptun.ru/ocean/>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус., англ.
5. Приморская краевая публичная библиотека им. А.М. Горького [Электронный ресурс] / ПКПБ им. А. М. Горького. – Владивосток, 2011-2014. – Режим доступа: <http://www.pgpb.ru>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
6. Шафиков М.Т. Научно-образовательный потенциал как социальный феномен: автор-т дис. на соиск. учен. степ. д-ра филос. наук. – Уфа, 2006. 38 с.

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА
СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА СССР В 1965-1985 ГГ.**

Афонасьева О.В., Короткова И.И.

*Филиал «Тюменского государственного университета»
в г. Ишиме, Россия*

**STATE SUPPORT OF AGRICULTURE
OF THE USSR IN 1965 TO 1985**

Afonasyeva O.V., Korotkova I.I.

*Tyumen State University,
Ishim branch, Russia*

В данной статье рассмотрена государственная поддержка сельского хозяйства в 1965-1985 гг. Проанализированы изменения в сельскохозяйственной сфере в ходе реформ. Анализ государственной поддержки села раскрывает её основные достижения и проблемы развития аграрного сектора.

Ключевые слова: СССР; государственная поддержка; сельское хозяйство; материально-техническая база; социальная политика.

This article describes the state support of agriculture in 1965-1985, analyzes changes in the agricultural sector in the reform. Analysis of state support of the village reveals its main achievements and problems of development of the agricultural sector.

Keywords: *USSR; State support; agriculture; material-technical base; social policy.*

Политическое противостояние и введение экономических санкций Западных стран и России, ставит задачи поиска решений из сложившейся ситуации. Для нашей страны импортозамещение является одним из методов решения антикризисных задач. В первую очередь это касается продукции сельского хозяйства. В короткие сроки в стране необходимо наладить самообеспечение аграрной продукцией. Но для этого необходима эффективная поддержка государства.

На сегодняшний день проблема развития сельского хозяйства значительно шире вопросов продовольственной безопасности: поддержка отечественного производителя не только позволит стране выйти на уровень самообеспечения, но и возродит село, остановив его вымирание.

Одним из ярких примеров государственной поддержки сельского хозяйства является аграрная политика в СССР 1965-1985 гг.

После неудачной аграрной политики Н. С. Хрущева, перед новым руководством страны встала острая проблема, как быстрыми темпами вывести сельское хозяйство из кризиса. В марте 1965 г. на Пленуме ЦК КПСС руководство страны более подробно рассмотрело причины отставания, и наметило ряд мер по устранению недостатков. Было решено разработать новую политику по улучшению аграрного сектора. Важной особенностью этой политики стало, прежде всего, рост национального дохода, повышение на этой основе материального и культурного уровня жизни народа. На Пленуме были выдвинуты следующие задачи:

повысить темпы национального дохода; расширить производство сельскохозяйственной продукции; снабдить сельское хозяйство тракторами, современными машинами и минеральными удобрениями [1, с. 40].

Для решения аграрной проблемы руководством страны было решено изменить распределение национального дохода в пользу сельского хозяйства. Удельный вес капитальных вложений в эту отрасль был увеличен на 20% к их объему в целом по народному хозяйству в VII пятилетке (1961-1965 гг.) до 23% в VIII (1966-1970 гг.), 26% в IX пятилетке (1971-1975 гг.), 27 % в X пятилетке (1976-1980 гг.). Основная часть финансовых вложений была направлена на строительство, реконструкцию объектов производственного назначения и на приобретение современной техники [2, с. 107-109].

В связи с этим в апреле 1965 г. руководство страны принимает постановление «Об обеспечении сельского хозяйства тракторами, сельскохозяйственными машинами, транспортными средствами, землеройной техникой и минеральными удобрениями в 1966-1970 гг.» [3, с. 175].

Уже в 1966 г. на село было поставлено 239,5 тыс. единиц тракторов. Из них: МТЗ-50М, МТЗ-50Л – 58,8 тыс. шт., МТЗ-52М – 4,8 тыс.шт., Т-40, Т-40М, Т-40А – 28,7 тыс. шт., Т-16, Т-16М – 9,3 тыс. шт. Гусеничных тракторов типа Т-34 – 29 тыс.шт., ДТ-75, ДТ-75А – 35 тыс. шт. Суммарная мощность двигателей всех тракторов составила 12,8 млн. л.с. В 1970 г. общая численность поставленных сельскому хозяйству тракторов достигла 309,3 тыс. шт. Из них тракторов модели МТЗ-50М, МТЗ-50Л – 47,3 тыс. шт., МТЗ-52М – 14,1 тыс.шт., Т-40, Т-40М, Т-40А – 24,3 тыс. шт. Гу-

сеничные трактора типа Т-25, Т-25А – 22,0 тыс. шт., ДТ-75, ДТ-75А – 69,1 тыс. шт. Увеличивается суммарная мощность двигателей – 19,0 млн. л. сил [4, с. 240].

На последующих съездах ЦК КПСС (1971 г., 1976 г., 1981 г.) принятые программы развития сельского хозяйства так же увеличивали объем капиталовложений на приобретение техники сельскому хозяйству. За VIII пятилетку объем капиталовложений составил 41 млрд. рублей. За IX пятилетку в сельское хозяйство было направлено 111,2 млрд. руб. В колхозы и совхозы было доставлено 1700 тыс. тракторов, 449 тыс. зерноуборочных комбайнов, 1102 тыс. грузовых автомобилей [5, с. 215]. В X пятилетку капиталовложения увеличиваются до 156,2 млрд. руб. Соответственно и увеличились поставки техники [6, с. 144] (табл. 1)

Таблица 1

Поставка в сельское хозяйство сельскохозяйственной техники (по пятилеткам; тыс. шт.)

Пятилетка (годы)	Трактора (тыс. шт.)		Комбайны зерноуборочные (тыс. шт.)		Грузовые автомобили (тыс. шт.)	
	шт.	к предыдущей	шт.	к предыдущей	шт.	к предыдущей
VIII (1966-1970 гг.)	5 498	100%	1 748	100%	3 341	100%
IX (1971-1980 гг.)	8 613	в 1,5 раза	2 626	в 1,5 раза	5 012	в 1,5 раза
X (1976-1980 гг.)	12 475	в 2 раза	4 186	в 2,3 раза	9 031	в 2 раза
XI (1981-1985 гг.)	13 499	в 2,4 раза	3 975	в 2 раза	14 121	в 4 раза

Старые модели тракторов С-80, С 80Б, ДТ-54, ДТ-55, МТЗ-50 и комбайна СК-3, принятые на вооружение в конце 1950-х гг. стали заменяться на новыми машинами С-100, Т-100, ДТ-75, СКД-5 «Сибиряк», СК-6-II «Колос», СК-5 «Нива» [7, с. 107-109].

Новые машины не только отличались своей мощностью, но и были универсальными в применении. В начале 1970-х гг. в хозяйствах появился новый незаменимый трактор К-700, с двигателем в 266,6 кВт/200 л. с., которому по своим техническим характеристикам, не было равных ни в одной стране.

Сельскохозяйственное производство начинает, отходит от экстенсивного пути развития и переходит на более интенсивные методы.

Начинает активно внедряться в сельскохозяйственный процесс химизация и мелиорации земель. За период 1971-1975 гг. увеличилась поставка минеральных удобрений более 300 млн. тонн, а также за счет государственных колхозных средств в эксплуатацию было введено 4,6 млн. га орошаемых земель и осушено 4,4 млн. га переувлажненных сельскохозяйственных угодий. Площадь орошаемых и осушенных земель за 1976-1980 гг. достигла почти 35млн. га. Государство увеличило поставки сельскому хозяйству минеральных удобрений – около 390 млн. тонн [8, с. 302]. Для получения гарантированных урожаев и обеспечение на этой основе устойчивости земледелия за 1966-1982 гг. на мелиоративные мероприятия, освоение орошаемых и осушенных земель было направлено 89,5 млрд. руб. капиталовложений [9, с. 87].

С появлением в колхозах и совхозах большого количества высокопроизводительных машин и механизмов, значительно во-

зрастала потребность в квалифицированных механизаторских и инженерно-технических кадрах. В связи с этим, мартовским (1965 г.) и последующими пленумами и съездами ЦК КПСС ставилась задача более полного обеспечения сельского производства кадрами механизаторов и работников других массовых профессий.

Так, если в 1965 г. численность трактористов – машинистов, трактористов и комбайнеров составила 2245 тыс. чел., водителей автомобилей – 849 тыс. чел., о после принятия в 1970-е гг. ряда постановлений ЦК КПСС, предусматривающих создание новой системы повышения квалификации кадров при средних сельскохозяйственных учебных заведениях их численность к в 1970 г. увеличилась – 2420 тыс. чел., 1023 тыс. человек соответственно [10, с. 321].

Учитывая недостатки в подготовке и нехватку технических кадров для сельского хозяйства, ЦК КПСС и Совет Министров СССР в январе 1975 г. принял специальное постановление «О мерах по расширению сети средних сельских профессионально-технических училищ и по улучшению их работы». На 1976-1980 гг. предусматривалось строительство и ввод по РСФСР в эксплуатацию 250 комплексов средних СПТУ, а также значительное расширение масштабов подготовки кадров в действовавших училищах [11, с. 107-109].

После принятых государством ряда мер по обеспечению сельского хозяйства профессиональными кадрами с высшим и средним профессиональным образованием численность специалистов в сельском хозяйстве росла, но, незначительно. В 1975 г. количество специалистов с высшим и средним образованием

имеющих сельскохозяйственные специальности насчитывалось 1021 тыс. чел. Из них – агрономов, зоотехников, ветеринарных работников – 658 тыс. человек. К 1980 г. количество специалистов увеличилось до – 1283 тыс. человек [12, с. 289].

Тем не менее, текучесть технических рабочих из совхозов и колхозов продолжала оставаться на прежнем уровне (около 20% в год). Недостаток в численности профессиональных кадров объяснялся их миграцией из отдаленных сел в промышленные центры.

Чтобы не допустить утечки кадров государство на протяжении двадцати лет принимало меры по улучшению социальной политики на селе.

Первыми мерами было – повышение заработной платы труженикам села. Так, если в 1965 г. в стране среднемесячная заработная плата составляла работникам сельского хозяйства составляла 96,5 руб., то в последующие годы она выросла (в 1980 г. до 149,2 руб., в 1985 г. до 182,1 рублей) [13, с. 197].

Важной социальной мерой со стороны государства также стало введение в 1965 г. пенсионного обеспечения [14, с. 300]. В 1977 г. им было выплачено пенсий и пособий из централизованного союзного фонда на сумму более 4 млрд. руб. – это в 4 раза больше, чем в 1965 г. К середине 1980-х гг. минимальный размер пенсионного пособия составлял 45 рублей.

Другой главной задачей социальной политики государства в этот период было обеспечение и улучшение жилищных условий тружеников села. За VII пятилетку на селе было построено жилых домов 183,0 млн. кв. м, за IX пятилетку – 167,4 млн. кв. м,

за X пятилетку – 148,6 млн. кв. м и за XI – 167,4 млн. кв. м [15, с. 421]. На одного жителя села к 1985 г. приходилось 13,2 кв. м вместо 8,2 кв. м в 1965 году. В первую очередь новые квартиры получали специалисты и лучшие труженики сёл и деревень.

Выросли капитальные вложения государства и на строительство объектов непроизводственного значения (в VIII пятилетка – 128,7 млрд. руб., IX пятилетке составили 160,1 млрд. руб., в X пятилетке – 191,0 млрд. руб., и соответственно в XI – 228,4 млрд. рублей) [16, с. 365]. В сельской местности росло число садилов, домов культуры, библиотек, медицинских пунктов и т.д.

Благодаря экономическим мерам, принявших на мартовском (1965 г.) пленуме ЦК КПСС уже в VIII пятилетке среднегодовой объем валовой продукции возрос по сравнению с предыдущей на 21%. Производство зерна на увеличилось на 28,5 %, картофеля – на 16,2%, мяса на 24, %. Так, если валовая продукция сельского хозяйства в 1966-1970 гг. составляла 100,4 млрд. руб., то в 1971-1975 гг. – 113,7 млрд. руб., а в 1976-1980 гг. – 123,9 млрд. рублей [17, с. 77].

Хотя планируемые показатели развития сельскохозяйственного производства отчасти были достигнуты, правительство стремилось улучшить их, причем в короткие сроки.

В мае 1982 г. на Пленуме ЦК КПСС Л.И. Брежнев выступил с докладом «О продовольственной программе СССР на период до 1990 гг.: мерах по ее реализации» [18, с. 274]. Задача новой программы состояла в том, чтобы направить все силы отраслей народного хозяйства на решение проблем дальнейшего подъема сельскохозяйственного производства. Особенно нужно сосредото-

точить усилия на повышение культуры земледелия и животноводства, снизить себестоимость продукции колхозов и совхозов.

Важнейшим условием реализации продовольственной программы являлось дальнейшее увеличение производительности сельскохозяйственных предприятий, укрепление их материально-технической базы, улучшение кадрового состава и закрепления его на селе [19].

Существенные положительные изменения произошли в обеспечении колхозов и совхозов кадрами. На селе к 1985 г. работали 1,8 млн. специалистов с высшим и средним образованием, 4,5 млн. трактористов-машинистов и водителей автомобилей.

По сравнению с 1965 г. заработная плата рабочих и служащих совхозов увеличилась к 1980-м гг. в 2 раза, оплата тружеников колхозов в 2,3 раза [20, с. 45-49].

Многое было сделано для улучшения социально-бытовых условий. В сельской местности введены в эксплуатацию жилые дома общей площадью 500 млн. кв. метров, детские дошкольные учреждения на 2,6 млн. мест, клубы и Дома культуры на 7,7 млн. мест [21, с. 29].

Еще одной важной мерой со стороны государства являлось – увеличение государственной помощи на жилищное строительство, на строительство дорог малорентабельных и убыточных колхозов. На эти цели предусматривалось ежегодно выделять 3.3 млрд. руб. Для улучшения финансового положения колхозов и совхозов руководством страны было решено списать задолженность по ссудам банка на сумму 9,7 млрд. руб. и перенести на более поздние сроки погашение задолженностей в размере более

11 млрд. руб. Это позволяло колхозам и совхозам направить освободившиеся средства на дальнейшее расширение производства [22, с. 6-7].

За 1982-1985 гг. среднегодовой объем продукции увеличился на 10 %, в том числе валовая продукция сельского хозяйства на 9,5% [23, с. 103].

Повышение закупочных цен, финансирование села положительно сказалось на результатах деятельности колхозов и совхозов, окрепла их экономика. Возросли темпы производства продовольствия, увеличилась материально-техническая база. В период с 1965 по 1985 гг. государственные капиталовложения на развитие сельскохозяйственного комплекса СССР составили 670,4 млрд. руб. [24, с. 107-109].

Таким образом, к середине 1980-х годов благодаря государственным мерам поддержки были достигнуты большие успехи в сельскохозяйственном производстве. Значительно был поднят уровень механизации производства, профессионализма кадров, улучшена социально-бытовая инфраструктура села. Но, тем не менее, проблемы на селе сохранялись. Тормозящую роль в развитии общественных хозяйств играла государственная система закупочных цен. Несмотря на их постоянное повышение, они все еще не покрывали себестоимости основных видов сельскохозяйственной продукции (овощи, мясо молочные продукты). В условиях роста цен на сельскохозяйственную технику, минеральные удобрения это вело к снижению прибыльности хозяйств. Это сказывалось на выполнении планов сельскохозяйственного производства и обеспечения населения продуктам питания.

Список литературы

1. Экономическая история СССР: очерки / Рук. авт. колл. Абалкин Л.И. – М.: ИНФА-М, 2010. С. 44.
2. Афонасьева О.В. Материально-техническая база сельского хозяйства Среднего Зауралья: достижения и проблемы (1965-1985 гг.) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 28. История. Вып. 34. С. 107-109.
3. Справочник партийного работника. Вып. 6. – М., 1966. С. 175.
4. Народное хозяйство СССР. 1922-1982 гг.: Юбил.стат. ежегодник / ЦСУ СССР. – М.: Финансы и статистика. 1982. С. 240.
5. Народное хозяйство СССР в 1985 г.: Стат.ежегодник / ЦСУ СССР. – М.: Финансы и статистика. 1986. С. 215.
6. Материалы XXV съезда КПСС. – М., Политиздат. 1976 С. 144.
7. Афонасьева О.В. Материально-техническая база сельского хозяйства Среднего Зауралья: достижения и проблемы (1965-1985 гг.) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 28. История. Вып. 34. С. 107-109.
8. Экономическая история СССР. – М. 1987. С. 302.
9. Милосердов В.В. Аграрная политика и проблемы развития АПК. – М.: Агропромиздат, 1990. С. 87.
10. Народное хозяйство СССР. 1922-1982 гг.: Юбил.стат. ежегодник / ЦСУ СССР. – М.: Финансы и статистика. 1982. С. 321.
11. Афонасьева О.В. Материально-техническая база сельского хозяйства Среднего Зауралья: достижения и проблемы (1965-1985 гг.) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 28. История. Вып. 34. С. 107-109.
12. Народное хозяйство СССР. в 1982 гг.: Стат. ежегодник / ЦСУ СССР. – М.: Финансы и статистика. 1983. С. 289.

13. СССР в цифрах в 1987 г: Крат. стат. сб. / Госкомстат СССР. – М.: Финансы и Статистика. 1988 г. С. 197.
14. Косыгин А.Н. Избранные речи и статьи. – М.: Политиздат, 1965. С. 300.
15. Народное хозяйство СССР. в 1985 г.: Стат. ежегодник / ЦСУ СССР. – М.: Финансы и статистика. 1986. С. 421.
16. Там же С. 365.
17. Милосердов В.В. Аграрная политика и проблемы развития АПК. – М.: Агропромиздат, 1990 . С. 77.
18. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Изд. 9-е, испр. и доп. Т. 14. – М.: Политиздат 1987. С. 274.
19. Комсомольская правда 22 июня 1984 г.
20. Продовольственная программа СССР на период до 1990 года и меры по ее реализации: Материалы майского Пленума ЦК КПСС 1982 г. – М.: Полииздат, 1984. С. 45-49.
21. Решение партии и правительства по хозяйственным вопросам (1977-1979 гг.). – М., 1979. С. 29.
22. Там же. С. 6-7.
23. Милосердов В.В. Аграрная политика и проблемы развития АПК. – М.: Агропромиздат, 1990. С. 103.
24. Афонасьева О.В. Материально-техническая база сельского хозяйства Среднего Зауралья: достижения и проблемы (1965-1985 гг.) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 28. История. Вып. 34. С. 107-109.

ОСНОВНЫЕ ЦЕННОСТНЫЕ ПАРАДИГМЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Бормотов И.В.

*Финансовый университет при Правительстве РФ
(Тульский филиал), Тула, Россия*

THE KEY PARADIGMS OF THE RUSSIAN SOCIETY

Bormotov I.V.

*Financial University under the Government of Russian Federation
(Tula Branch), Tula, Russia*

В статье дается социально-философский анализ основных аксиологических парадигм, которые востребованы на современном этапе развития российского общества. Рассматриваются сложившиеся ценностные парадигмы: первая представляет субъектно-объектный характер ценностей, вторая выступает как проявление ценностей в межсубъектных отношениях. Выявляется группа принципов, раскрывающих содержание, смысл и назначение ценностных парадигм. В исследовании использованы результаты обобщения и типологизации, которые позволили не только вычлнить основные ценностные парадигмы, но и рассмотреть их содержание.

Ключевые слова: парадигма; ценность; иерархия; рефлексия; единство исторического и логического; единство организации и самоорганизации; единство объективного и субъективного; аксиологическая опосредованность.

The article dwells upon the social and philosophic analysis of the key axiological paradigms, which are in great demand at the present stage of the development of Russian society. The problem of existing axiological paradigms is stated. The first paradigm presents subjective and objective values; the second paradigm reveals the values in terms of the relations between the subjects. The principles are grouped enabling to reveal the contents, the sense and the purpose of value paradigms. The study employs the results of generalization and typology, which allowed the author to state the value paradigms and to present their complex analysis.

Keywords: *paradigm; values; hierarchy; reflexionism; the unity of historical and logical; the unity of organization and self-organization; the unity of objective and subjective; axiological mediation.*

Обращение к данной теоретической проблеме было вызвано следующими обстоятельствами:

- во-первых, обострением ценностных противоречий между Россией и Западом в связи с украинскими событиями (майдан, гражданская война);
- во-вторых, изменением сущностных основ аксиологической парадигмы (от либеральной к консервативной) внутри российского общества;
- в-третьих, наполнением ценностных парадигм новым содержанием и поиском научно выверенных методологических принципов.

Все это позволяет на более глубоком теоретическом уровне исследовать данную проблему. Так, например, в книге Т. Куна «Структура научных революций» дается обоснованный ответ на вопрос: «Что такое парадигма?»

Она представляет собой:

- теоретические законы и принципы;
- определенные философские допущения о природе изучаемых объектов;
- некоторые ценностные допущения о структуре и логике теоретического мышления – точность, предсказуемость, логическая простота;
- «образцы» или модели решения научных проблем и задач, которые формируются на основе предшествующих достижений.

Но самое любопытное в концепции американского теоретика состоит в том, что это относится не к эпистемологическим особенностям парадигмы, а к ее социальной функции, так как именно принятие учеными предписаний парадигмы в качестве определенных нормативов делает возможным существование научного сообщества и «нормальной» науки, стабильно функционирующей и не испытывающей кризисов.

В этом контексте при изучении основных аксиологических парадигм российского государства, как и любого другого социального явления, следует придерживаться анализа трех основных уровней: культура – социум – личность.

Парадигма, по меткому замечанию Т. Куна, «управляет не областью исследований, а группой ученых-исследователей». Ины-

ми словами, по своим социокультурным функциям парадигму можно уподобить ценностно-нормативному комплексу. Сам ученый признает, что «парадигма – это то, что объединяет членов научного сообщества. И, наоборот, научное сообщество состоит из людей, признающих парадигму» [7, с. 234]. Примерами парадигм в естественных науках могут служить классическая механика И. Ньютона, эволюционное учение Ч. Дарвина, генетическая теория Г. Менделя, концепции и теории других ученых, которые пережили периоды бурных революционных потрясений и в настоящее время существенно трансформировались.

Термин «*парадигма*» стал общеупотребительным и в других областях современной российской науки, претерпев некоторые смысловые изменения по сравнению с периодом «застоя». Отечественная наука испытала сильное влияние позитивизма и диалектического материализма, и то, что современные западные теории интерпретируются нашими учёными отчасти и с позиций «марксистской философии», не зазорно, напротив имеет позитивный смысл. «Парадигма» – понятие историческое и полисемантическое.

Не выясняя всю палитру смыслов (это тема отдельного исследования), проанализируем содержание отечественных доперестроечных и постперестроечных интерпретаций понятия «парадигма».

До 1990-х гг. под парадигмой понимали основание выбора проблем, моделей, образцов для решения исследовательских задач с определённым теоретико-методологическим багажом. В этом определении проявляется первоначальный, платоновский смысл: парадигма как модель определённого поведения – стиль

научного мышления. В конце 1990-х гг. интерпретация несколько расширилась и приблизилась к куновской трактовке: «в современной философии науки парадигма – это уже система теоретических, методологических и аксиологических установок, принятых в качестве образца решения научных задач и разделяемых всеми членами научного сообщества» [10, с. 504].

Опираясь на эти идеи В.Г. Лукьянов, выделяет две аксиологические парадигмы, которые сложились в современной российской философии. Первая утверждает субъектно-объектный характер ценностей (М.С. Каган, Л.Н. Столович, О.М. Бакурадзе и др.); вторая полагает, что специфику ценностей следует искать в межсубъектных отношениях (О.Г. Дробницкий, Г.П. Выжлецов и др.) [9, с. 29]. Между данными подходами существуют взаимосвязь и взаимодополнительность. Ценности возникают и функционируют в рамках определенных социальных систем.

Парадигма, характеризующая субъектно-объектный характер ценностей, исходит из такого понимания человеческой деятельности, которое в структурном плане включает в себя, наряду с другими, и ценностно-ориентационную деятельность. Продуктом такой деятельности выступает ценность. Поскольку сама ценностно-ориентационная деятельность представляет собой «возможный тип отношения субъекта и объекта» [2, с. 316].

Суть второй парадигмы заключается в том, что ценность представляет собой межсубъектные отношения. Поэтому важнейшим элементом данной концепции выступает «субъект ценности», в качестве которого с одной стороны, выступает «природа как источник и условие бесконечной вселенской жизни и ее духовного потенциала», а с другой – человек или любая социальная общ-

ность (семья, группа, класс и т.д.). Человек в межсубъектных отношениях предстает как гражданин, индивид, исполняющий ту или иную социальную роль. Поэтому вторым исходным элементом данной концепции является «объект – носитель ценности», в качестве которого выступает, во-первых, природа (но уже не как «самоценный субъект» и среда обитания, а как «объект-посредник межчеловеческих отношений»); и, во-вторых, любое явление, факт, событие, идея, которые приобретают в процессе оценки их субъектом положительную или отрицательную значимость. Значимость делает объект оценки носителем соответствующих ценностей – экономических, политических и др. Поэтому межсубъектные отношения опосредованы природой, объектом-носителем, его значимостью, нормой и идеалом, взаимосвязанными и взаимообуславливающими друг друга.

Предложенные теоретические размышления по поводу аксиологических парадигм, находят свое отражение в содержании научных положений, в качестве которых выступают методологические принципы.

Принцип иерархизма находит свое отражение в онтологической проблематике аксиологии, согласно которой сущность ценности заключена в вертикальной упорядоченности социального мира. Ценность – это важнейшее структурное свойство любой природной вещи или артефакта, указывающее на социальный и духовный (культурный) порядок, на общественную вертикаль. Каждый объект отличается от другого тем, что он имеет особый ранг, т.е. стоит на определенной ступеньке иерархической лестницы, уводящей «вверх» (и «вниз») [6, с. 90].

Принцип эмотивизма реализуется в гносеологической проблематике аксиологии, согласно которому в постижении ценностей основополагающая роль принадлежит человеческим эмоциям, их способности тонко реагировать на значимость явлений окружающего мира. Всё то, что вызывает эмоции, обладает какой-либо ценностью. Чем более облагороженной эмоциональной сферой обладает человек, тем более высокие ценности становятся ему доступны.

Впервые идею о том, что простейшие формы ценностного отношения возникают уже у животных в виде пристрастности, примитивной эмоциональной реакции высказал английский естествоиспытатель Ч. Дарвин. Эта идея нашла свое отражение в учении А.Н. Леонтьева о том, что «тело, не способное «пристрастно» отражать внешние воздействия, не способно к приспособлению; такое тело не может развивать своей жизни, не может жить» [8, с. 54]. Таким образом, принцип эмотивизма выражается в ценностной оценке действительности основанной на глубоких человеческих переживаниях.

Принцип рефлексии воспроизводит методологическую роль аксиологии, которая вытекает из способности представлять в качестве предмета внутренний мир человека. Аксиология, как часть философии, развивается как осмысление ценностных форм сознания. Известно, что философия исследует различные типы мировоззрения. При этом, поскольку мировоззрение в качестве обязательного компонента, наряду с онтологическими и гносеологическими представлениями, включает ценностные элементы сознания (нравственного, эстетического, религиозного, научно-го), то философия в этом смысле фактически оказывается не про-

сто видом ценностного сознания, но осознанием ценностей как таковых, в какой бы сфере бытия они ни существовали.

Принцип единства исторического и логического. Аксиологическое явление имеет свою «историю» и «предысторию», поэтому познание его возможно при мысленном восстановлении всех этапов, которые это явление прошло в своем развитии с момента возникновения и до его изучения. Логическое – это историческое, только осмысленное человеческим сознанием и преобразованное в нем.

Существует два варианта отношения логического к историческому:

- реальный объект исследования остается неизменным, а наука о нем развивается достаточно быстро (аксиология);
- объект изменяется быстро (на глазах одного поколения или в течение нескольких лет), вследствие чего эволюция науки, в лучшем случае, отражает эволюцию понятия «ценности», существенные перемены в его содержании.

Принцип единства эмпирического и теоретического компонентов аксиологического познания. Реальный мир ценностей не только теоретически познается средствами и методами науки, но и жизненно-практически испытывается людьми, которые непосредственно переживают различные формы практического и аксиологического опосредования социальной реальности.

В каждом из этих компонентов исследователь может иметь дело с одной и той же ценностной реальностью, которая изучается в разных предметных срезах и аспектах, а поэтому ее видение, представление, осмысление будет осуществляться в двух плоско-

стях. Эмпирический компонент в основе своей ориентирован на изучение аксиологических явлений и зависимостей в социальной среде, где сущностные связи еще не выделяются в чистом виде. На теоретическом уровне в анализе ценностей происходят процессы сравнения, абстрагирования и обобщения, позволяющие выделить их сущность в чистом виде.

Принцип единства организации и самоорганизации. Самоорганизация – представляет собой процесс, в ходе которого создается, воспроизводится или совершенствуется организация ценностей. Она проявляется, прежде всего, в их иерархичности, которая ранжирует ценности на отдельные подсистемы, блоки и звенья. Различают три типа процессов самоорганизации ценностей:

- процессы самозарождения организаций, которые декларируют ценности отличные от социальных;
- процессы, благодаря которым ценности поддерживают определенный уровень организации при изменении внешних и внутренних условий ее функционирования;
- процессы самоорганизации, связанные с развитием ценностей, которые способны накапливать и использовать прошлый опыт.

Таким образом, самоорганизация социальных и аксиологических явлений объективно ведет к универсализации логико-методологических средств.

Это приводит к тому, что в современной науке и социально-философском познании начинают преобладать расширительные трактовки синергетики. «Синергетика – наука (точнее говоря, движение в науке), – отмечает В.Г. Буданов, – о становящемся

бытии, о самом становлении его механизма и их представлении». Он предлагает рассматривать синергетику «как технологию универсалий, реализуемую в практической деятельности» [3, с. 196].

Принцип единства объективного и субъективного в обосновании ценностей. Согласно М.С. Кагану, ценность не есть предмет, явление, процесс; ценность не есть свойство «вещи» или качество «вещи»; ценность не есть также переживание. «Феномен ценности представляет собой именно многомерное, сложно-целостное образование», поэтому «собственно-философский подход предполагает рассмотрение не самой ценности, а целостного ценностного отношения, «полюсами» которого являются ценность и оценка; это отношение образуется особой формой связи объекта и субъекта, и потому несводимо ни к чистой объективности теологического типа, уводящей нас к Абсолютному, ни к «голой» субъективности психологического взгляда, порождающей абсолютную релятивность ценностных суждений» [5, с. 50].

Г.П. Выжлецов уточняет позицию М.С. Кагана следующим образом: «Ценность не сводима ни к значимости как к своему основанию, ни к норме либо идеалу, а является единством значимого и должного, средства и цели, сущего и идеала». Структура ценности включает в себя:

- 1) субъект ценности;
- 2) объект-носитель ценности;
- 3) значимость объекта;
- 4) нормы;
- 5) идеалы.

Ценность «представляет собой не просто необходимую и должную, но и желаемую цель, становящуюся идеалом и уча-

ствующую тем самым в обратном нормативно-регулирующем воздействии на межсубъектные, межчеловеческие отношения, а через них и на социальную практику» [4, с. 58]. Для него ценностные отношения – это межсубъектные отношения по поводу объектов-носителей ценностей: «Объект-посредник отношений между субъектами становится носителем ценности, лишь получив социальную значимость на основе функционирования в данном обществе норм и идеалов» [4, с. 57].

Таким образом, Г.П. Выжлецов различает ценность и оценку: оценочный уровень – это субъект-объектный уровень; результат оценки – та или иная значимость объекта. Ценность же – это социальная значимость объекта, которая определяется на базе социальных норм и идеалов. Следовательно, ценностный уровень – это субъект-субъектный уровень, который отражает культуру как сферу идеалов.

Принцип адекватности состоит в использовании средств и процедур исследования ценностей. Реализация данного принципа позволяет осмыслить функционирование ценностей как сложный процесс, который проявляется в различных областях социальной жизни российского общества. Другими словами, применение исследовательского арсенала должно быть адекватно тем условиям жизнедеятельности людей, в которых функционируют и проявляются ценности.

Принцип аксиологической опосредованности [1, с. 41-44] состоит в том, что ценности с одной стороны, выступают как чисто объективные феномены, а с другой – они субъективно воспринимаются.

маются людьми в процессе их жизни и деятельности. Поэтому аксиологическая опосредованность представляет собой специфическую форму выражения содержания интеграционных ценностных механизмов, которые находят свое отражение в системе ценностей современного российского общества.

Данный принцип позволяет избегать однозначности и дает возможность трактовать осмысление и формирование ценностей, по крайней мере, как триединый процесс. Это означает, что он получает воплощение: а) в области науки; б) в аксиологии; в) в различных областях деятельности. Принцип аксиологической опосредованности находит свою реализацию в терминах целеполагания, целесообразности, дифференциации, интеграции, нормирования, обоснования путей развития и соответствующих им общественных проектов и программ.

В качестве промежуточного вывода отметим, что для обоснования и развития ценностей имеются определенные методологические предпосылки, в качестве которых рассмотрены принципы, характеризующие основные аксиологические парадигмы. Это позволяет не только выявить и обосновать новейшие идеи науки и социально-философского познания, но и способствовать комплексному освоению потенциала различных исследовательских позиций.

Давая краткую характеристику основным ценностным парадигмам, необходимо заметить, что предлагаемый анализ использует диалектические положения об относительной самостоятельности ценностей по отношению к социальным носителям и об активном принятии их людьми в качестве своих личностных ориентаций и устремлений. Это позволяет сделать акцент на вну-

тренней логике развития ценностей, их возникновении, развитии и функционировании. Наряду с общими принципами выделяют те их разновидности, которые характеризуют аксиологический срез ныне существующего общественного сознания, то есть он выступает частью экономической, социальной, политической и духовной жизни общества.

Список литературы

1. Бондаренко О.В. Ценностно-аксиологические факторы выбора моделей экономического поведения // Вестник ЮРГТУ (НПИ), 2008. № 1. С. 41-44.
2. Бормотов И.В. Особенности функционирования ценностей молодежи в современном российском обществе // В мире научных открытий. – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2013. № 5.2(41) (Гуманитарные и общественные науки). С. 307-326.
3. Буданов В.Г. Синергетические механизмы роста научного знания, и культура // Философия науки. – М., 1996. Вып. 2. С. 196.
4. Выжлецов Г. П. Аксиология культуры. – СПб, 1996. 152 с.
5. Каган М.С. Философская теория ценности. – СПб: ТОО ТК «Петрополис», 1997. 205 с.
6. Куляскина И.Ю. Аксиология: место в системе знания // Вестник Московского ун-та. Серия 7. Философия, 2002, № 3. С. 90-96.
7. Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ. И.З. Налетова. Общ. ред. и послесл. С.Р. Микулинского и Л.А. Марко-

- вой. – Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. 288 с.
8. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. – М.: Издательство МГУ, 1981. 584 с.
9. Лукьянов, В.Г. Аксиологическая мысль в Петербурге: две парадигмы – возможен ли синтез? // Культурное пространство Петербурга: история и современность. – СПб., 2001. С. 29-32.
10. Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. 896 с.
-
-

**МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ
В СИСТЕМЕ КОНТРОЛЯ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ**

Сукало С.А.

*Санкт-Петербургский гуманитарный
университет профсоюзов,
г. Санкт-Петербург, Россия*

**MANIPULATIVE TECHNOLOGIES
AND SOCIO-CULTURAL PRACTICE IN THE CONTROL
OF MASS CONSCIOUSNESS**

Sukalo S.A.

*Saint-Petersburg humanitarian university of trade unions,
Saint-Petersburg, Russia*

В статье раскрываются особенности использования манипулятивных технологий и социокультурных практик в целях формирования и контроля массового сознания и публичного политического дискурса. Автор систематизирует и описывает природу манипулятивных технологий как средства изменения эпистемологических и культурных матриц в политическом пространстве России.

Ключевые слова: *манипуляция сознанием; манипулятивные технологии; эпистемологическая матрица; культурный код; социально-культурные технологии; окна Д. Овертона; технология «мягкой силы».*

The article describes the features of the use of manipulative technologies and practices in order to create and control the mass consciousness and public political discourse. The author gives systematization and describes the essence of manipulative technologies as a means of changing epistemological and cultural matrices in the political space of Russia.

Keywords: *manipulation of mind; manipulative technologies; epistemological matrix; cultural code; social-cultural technology; windows of D. Overton; «soft power» technology.*

В большинстве современных государств во второй половине XX начале XXI века борьба за власть осуществляется преимущественно средствами информационно-психологических технологий, главной целью которых является манипуляция сознанием. Россия в этом отношении не стала исключением. В отечественной многонациональной культуре становление организационных

форм борьбы за власть исторически развивалось от использования явного прямого насилия (террор народовольцев, эсеров и др., вооруженного восстания, революции и т.п.) к технологиям, основанным на использовании средств неявного манипулирования сознанием людей посредством информационных и социокультурных технологий.

В контексте динамики российского политического пространства информационно-манипулятивные технологии представляют интерес как практики, востребующие символы, образы, тексты, ориентированные на модификацию основ национальной культуры. С учетом культурно-антропологических особенностей российского многонационального и многоконфессионального социума, характеризующегося также относительно высокой степенью образованности населения, традиционным бытовым укладом, элитарностью сознания, определенной психологической усталостью и разочарованием от реформ использование многих средств манипулирования сознанием оказывается малоэффективным. Культурный базис и обретенный опыт способствовал формированию определенного иммунитета к информационным вбросам, обещаниям политических лидеров, различного рода дезинформации.

В такой ситуации особое значение обретают технологии, ориентированные на изменение эпистемологических матриц и культурных кодов. Основной упор делается на практики скрытого манипулирования методом двойного воздействия. Исследователь данных практик и публицист С.Г. Кара-Мурза отмечает: «Природа манипуляции состоит в наличии двойного воздействия – наряду с посылаемым открыто сообщением манипулятор посы-

дает адресату «закодированный» сигнал, надеясь на то, что этот сигнал разбудит в сознании адресата те образы, которые нужны манипулятору. Это скрытое воздействие опирается на «неявное знание», которым обладает адресат, на его способность создавать в своем сознании образы, влияющие на его чувства, мнения и поведение. Искусство манипуляции состоит в том, чтобы пустить процесс воображения по нужному руслу, но так, чтобы человек не заметил скрытого воздействия» [4, с. 57].

Тактика и методы информационно-психологического манипулирования опираются на фундаментальные научные исследования в области социологии и психологии масс, широко используются в целях информационно-психологического воздействия как на психику отдельного человека, так и групповое и массовое сознание.

Как технология тайного принуждения личности «манипуляция сознанием» относится, безусловно, к насильственным практикам. Однако, провести разграничение «принуждаемых» действий от ненасильственных изменений поведения человека практически невозможно. В данной ситуации огромное значение обретает фактор мастерства манипулятора. Большинство манипулятивных операций может скрываться под завесой идей прав и свобод человека, постулатов веры, защиты тех или иных ценностей. Показателен в этом отношении пример вербовки террористическими организациями Аль-Каида и ИГИЛ молодых боевиков из числа потомков эмигрантов родившихся и выросших в странах Западной Европы.

Особое место в манипулятивных практиках занимают социально-культурные технологии. Современная «встроенность» че-

ловека в общественные процессы, его «зависимость» от множества факторов обеспечения жизнедеятельности, удовлетворения нарастающих потребностей обуславливает возрастание роли социального управления. Социальная технология, как возможность операционального влияния на качество, воспроизводство и тиражирование различных сторон общественной жизни и конкретных видов деятельности, не может быть эффективно реализована вне учета действия многочисленных культурных факторов. В свою очередь, она также является своего рода культурным продуктом, т.к. обеспечивает сохранение, изменение и трансляцию различных элементов культуры общества.

Социально-культурные технологии рассматриваются в качестве научно обоснованного и операционально обеспеченного способа достижения целей, имеющих общественную значимость. Большой частью они реализуются в информационных, культурно-досуговых, творческих практиках и проектных технологиях. Значимость использования технологий социально-культурного конструирования реальности осознавалась большинством политических акторов еще с начала XX века. Это обусловило и проведение исследований в области массовой психологии (Г. Блуммер, Э. Канетти, Г.Д. Лассуэлл, Г. Ле Бон, Х. Ортега-И-Гассет и др.) [2; 3; 5; 6; 7], разработку концепций и технологий изменения национальных культурных кодов и замены эпистемологических матриц.

Особую технологию манипулирования общественным сознанием представляет модель «Окон» Джозефа Овертона [9], политтехнолога, бывшего вице-президентом Макинского центра публичной политики (США). Эта технология достаточно хорошо

известна специалистам в области информационных коммуникаций. Основная цель «окон Овертона» – легализация в общественном сознании представлений, запретов, выработанных и табуированных в процессе развития человеческой цивилизации. Изменение отношения к идеалам, ценностям, взглядам, просто популярным точкам зрения достигается посредством поэтапного «сдвига» мнений. Отсюда и понятие «окон», открываемых одно за другим. Сначала диагностируется общественное мнение в отношении той или иной идеи. Создается некое терпимое или даже позитивное отношение к ней. Когда отношение общественного мнения к объекту становится вполне приемлемым и даже институализированным, то уже оно берется за первооснову и осуществляется следующий сдвиг «окна».

Стандартным механизмом осуществления такого продвижения являются средства массовой коммуникации. В этих целях организуются дискуссии, приглашение экспертов, научные публикации, ток-шоу и другие акции в результате которых производится подмена понятий (например, каннибализм – антропофилия). Итогом манипулятивных действий становятся искаженные и «перевернутые» концепты, представления, правила, которые обретают уже в ином качестве нормативный статус и используются в конкретных политических целях.

«Окна Овертона», как технология, предусматривает пять основных этапов.

На *первом этапе* (условно обозначим его как этап «первичной трансформации мнений») явно неприемлемая и табуированная идея переводится в область радикального мнения. Возможность и даже необходимость обсуждения заявленной проблемы, явления

аргументируется необходимостью соблюдения прав человека, свободой слова, толерантностью и аналогичной аргументацией. Обсуждение предмета вводится в широкий оборот, организуется «реакция мнений» авторитетных лиц. В ходе дискуссий предмету придается и некий флер «респектабельности».

На *втором этапе* (этап «модификации мнений») осуществляется пересмотр позиций от явно негативного отношения к более позитивному. Происходит разрушение однозначности оценки проблемы или явления и формируются некий спектр «оттенков серого».

На *третьем этапе* (этап «легитимации») – проблема или явление переводятся в ранг «возможного», легитимируются. Здесь возможно создание мифа, изменение обозначения, аргументируется необходимость «узаконить» и «рационализировать» продвигаемый предмет.

Четвертый этап (этап «популяризации») – новое понимание сущности предмета манипулирования тиражируется посредством СМИ, «встраивается» в культурное пространство. При необходимости обсуждаемая проблема ассоциируется с образами популярных личностей, запускается механизм самовоспроизведения предмета манипуляции в СМИ, приводятся доказательства наличия огромного количества сторонников нового видения обсуждаемой проблематики.

Пятый этап (этап «институализации») характеризуется тем, что предмет обретает нормативный статус. Далее он может использоваться в целях политической манипуляции, различных проектах, входит в общественное сознание в качестве культурной нормы. Данный этап также предусматривает и экспансию

в инокультурное пространство вновь утвердившегося норматива, осуществление акций в целях его популяризации (например, гей-парадов).

Особенностью использования технологии «окон Овертона» является ее латентность. Необычайно трудно дифференцировать действительно актуальную проблему от манипулятивного концепта.

В последние десятилетия в сюжетах многих художественных фильмов и телесериалов романтизация и героизация отрицательных персонажей (например Саша Белов, «Бригада») или «осквернения» социальных институтов (сериал Гай Германики «Школа») получили название «технологии моральной инверсии» [1, с. 68-73]. Посредством художественных образов у молодого поколения формируется определенная система негативных взглядов и деструктивных ориентаций. Создается обладающая значительным фрустрационным потенциалом нигилистическая система представлений и формируется психологическая готовность к агрессивным действиям. Она стимулируется определенными, как правило, песенными текстами, содержащими своеобразные символические лозунги: «Кто хочет стать милиционером? Вы где?»; «Убей мента! Сколько стоит твоя свобода?»; «Мы ждем перемен»; «Не стоит прогибаться под изменчивый мир, пусть лучше он прогнется под нас»; «Мама – Анархия, Папа-стакан портвейна» и др. Музыкальные ансамбли и отдельные исполнители на данном этапе обретают для данной части молодежи статус символических референтов.

Иллюзия возможности получить ответы на сложные вопросы жизни чревата тем, что на данном этапе «примеряются на

себя» многочисленные протестные и националистические символы. Масса обретает готовность к действиям, становится злобно-агрессивной и готова идти за вожаками, как правило, заранее подготовленными против любых институтов власти и управления, иных социальных групп, представителей других этносов.

Промежуточными звеньями использования «технологии моральной инверсии» могут являться такие как: формирование социокультурных стилей повседневности; моды на товары и услуги, активное продвижение определенной кино-видео, музыкальной продукции и др., ненавязчиво сопровождаемые либеральными концептами и лозунгами. Опыт «цветных переворотов» свидетельствует, что именно молодежь являлась социальной базой «старта» активных антиправительственных действий. Впоследствии реальных социально-экономических преобразований в странах «победивших революций» не происходило. Подъем энтузиазма сменялся депрессией, разочарованием, сменой идентификационных доминант.

В политических и манипулятивных технологиях художественный образ и текст в качестве символов-конденсатов, обладают колоссальным мобилизационным потенциалом. Примером могут служить «Марсельеза», «Интернационал», ставшие впоследствии национальным и партийным гимнами. Фактически национальный гимн и флаг, являясь и культурными символами, выполняют главную функцию, связанную с формированием национально-культурной идентичности.

Манипулятивно-мобилизационный ресурс «лозунга-мифа», как правило, используется с добавлением устоявшейся традиционной (национально-культурная, например, флажки) или новой

символики – определенных видов цветов, ленточек, зонтиков. В этот момент происходит размежевание на «Мы» и «Они», психологически закрепляется та или иная идентичность. Никакие логические аргументы, призывы к спокойствию, апелляции к разуму не действуют. Ситуация срывается при возникновении жертвы-символа. Пролитая кровь мученика сакрализирует массовые настроения и побуждает на активные действия. Первоначально неявное наличие внутри массы организаторов, выполняющих задачи провокации, распространения и поддержания протестных настроений, приводит затем к открытым призывам к действиям и проведению акций.

Достижение целей не всегда осуществляется посредством политических переворотов. Одно из направлений установления контроля над объектом воздействия является манипулятивная технология, получившая название «мягкой силы». Сформировавшись как политическая практика, реализуемая, прежде всего, как совокупность явных и тайных дипломатических усилий и используя накопленный опыт деятельности неправительственных организаций, она ориентирована на «борьбу за умы». Данная технология многоаспектна, динамична, мобильна в выборе средств и методов достижения поставленных целей. В определенном смысле, в ней системно интегрированы технологии тайного принуждения и манипуляции сознанием, социокультурные практики, «окна Овертона», дипломатические усилия, теневое влияние. Использование технологии «мягкой силы» осуществляется, в основном, по следующим направлениям:

1. Формирование привлекательного имиджа государства. Главной задачей данного направления деятельности является

создание позитивного образа государства, применяющего «мягкую силу» в своих целях. Это достигается посредством ангажированных СМИ, проведением культурных акций, налаживанием связей с элитами, отдельными политиками, бизнесом, учеными, поощрения грантами. Влияние на социум обеспечивается распространением тенденциозной информации, рекламой научных и социальных достижений, образа жизни, преимуществ типа общественного устройства. Для различных социальных групп создается психологическая возможность сравнения своего настоящего с неким идеализированным образом жизни в ином государстве – возможностями в получении доходов и уровне потребления, получении образования, доступа к культурным благам и т.п. Реализуемый политический замысел – вызвать недовольство своим настоящим и ощущение бесперспективности личного будущего в своей стране и, как следствие, сформировать готовность к активным протестным действиям.

2. Налаживание контактов и подкуп правящей элиты. Реализация данного направления использования «мягкой силы» осуществляется посредством тщательного отбора лиц, способных оказать влияние на принятие решений, являющихся авторитетными специалистами или обладающих возможностями формирования общественного мнения. Это могут быть политические деятели, придерживающиеся оппозиционных взглядов, ученые, литераторы, деятели культуры. Технология применения «мягкой силы» не допускает прямого подкупа или шантажа. Здесь практикуется создание площадок обмена мнениями, проведения щедро оплачиваемых заказных экспертиз, приглашения на различного рода мероприятия, предложение членства и участия в деятельно-

сти престижных элитарных клубов, публикация «нужных» заказчику материалов. В элитарном социальном слое, таким образом, формируются группы влияния.

3. Некоммерческие организации и общества. Институты гражданского общества – неправительственные, некоммерческие организации, различные общественные объединения, фонды также используются в качестве инструментов реализации технологии «мягкой силы». Поскольку они не связаны с государством, декларируют различные гуманитарные цели и реализуют социально-ориентированные проекты, то подходят для различного рода лоббистской деятельности, способны влиять, особенно на региональном уровне, на принятие решений, организовывать различные акции.

4. Диверсификация в сфере образования новых моделей и интеграция образовательных учреждений.

Решение данной задачи предусматривает повышение роли образовательных и научных учреждений в комплексе решения проблем использования «мягкой силы». Изменение эпистемологических матриц предполагает реформирование сферы образования. Прежде всего, это касается системы гуманитарного знания. В этих целях используется совместное издание научных публикаций, обмен преподавателями, обучение студентов за рубежом, введение в образовательную практику курсов, позволяющих сформировать привлекательный культурный имидж иной страны, назначение стипендий и получение различных грантов. Одним из важных аспектов использования технологии «мягкой силы» является организация «утечки мозгов» и результатов научных исследований. Для этого используются различные «благо-

творительные» проекты, типа программ, реализуемых во многих странах фондом Д. Сороса.

5. Молодежная политика и формирование пространства «культуры детства» как направление реализации технологии «мягкой силы» реализуется, преимущественно, как масс-культурная стратегия. Это и формирование привлекательного образа жизни, распространение художественной продукции, реклама актеров, музыкантов, новинок игровой индустрии, культовых брендов, распространение моды, инициация молодежных общественных объединений.

Особое место в реализации данных целевых практик отводится формированию пространства «культуры детства». Это привлекательные мультипликационные персонажи, широкий диапазон музыкальных произведений, речёвки-символы, культурные стереотипы, комиксы, детские книги, игрушки, продукты и напитки в определенной упаковке и т.п. Эффект импринтинга используется манипуляторами с целью иметь в перспективе не только лояльный слой граждан в стране-объекте, но и формировать потребительские предпочтения в отдаленной перспективе а, следовательно, и рынок сбыта.

Существенным компонентом в структуре комплексного использования технологии «мягкой силы» занимают различного рода информационные вбросы. Данная практика широко используется в целях вызова резкой эмоциональной реакции на сообщение. Как средство коммуникации, этот способ не является новым, до достаточно действенным. Слухи, сплетни, небылицы и т.п. всегда являлись вызывающим особый интерес средством коммуникации. Интернет-коммуникации в этом отношении оказались

идеальным средством распространения новостной информации такого рода. Слухи о личной жизни (конечно, с определенным оттенком подачи материала) политических и общественных деятелей, их заболеваниях и сумасшествиях, неблагоприятных поступках, пристрастиях ориентированы на дискредитацию и создание недоверия к данным лицам и их конкретным решениям.

Подводя итоги структурного анализа системы манипулятивных технологий и практик контроля сознания масс возможно констатировать следующее:

1. В современных условиях политическая и культурная конкуренция, обусловленные совокупностью различных геополитических, экономических, национально-культурных, социальных и иных факторов, призванная обеспечить доминирование одной из сторон реализуется, преимущественно, в практиках обеспечения контроля сознания масс на основе использования манипулятивных технологий. Как правило, это выражается в использовании способов прямого (пропагандистские акции, продвижение культурных брендов, рекламные кампании и т.п.) и скрытого влияния на умы посредством системы манипуляций, призванных изменить эпистемологическую матрицу национально-культурного сознания, коды культуры, сформировать определенные психологические установки.

2. Сложившиеся манипулятивные технологии и практики, в отличие от предшествующих исторических периодов, представляют целостную систему гибридного воздействия на избранный объект. Они включают: информационные технологии, ориентированные на изменение эпистемологических матриц и культурных кодов (информационно-психологические, тайного принуждения);

социально-культурные технологии (научно-информационные, культурно-досуговые, творческие, проектные, конструирования реальности, осквернения ценностей, моральной инверсии); «окон» Джозефа Овертона; технология «мягкой силы».

3. Активное противодействие акторам манипулятивных практик и технологий возможно при следующих условиях:

- формирования культурно-политического пространства общества на основе общецивилизационных и национально-культурных кодов и ценностей, что ограничивает возможности манипулятивного доктринального использования универсальных символов-конденсатов (демократия, свобода слова, права человека, права меньшинств и т.п.);
- осуществления комплекса мер в сфере культурной политики государства, ориентированных на ценностно-содержательное наполнение пространства «культуры детства»; реализации целевых программ в сфере молодежной политики, поддержки национальных культур на основе ценностно-символических констант российского социума;
- объективной, достоверной, оперативной, многоаспектной информации о реальных фактах и событиях (правда факта, «страх правды»), ограничивающие возможности их манипулятивного истолкования или обвинений в подлоге и подделках;
- проведение фундаментальной научной экспертизы и оценки реализуемых заинтересованными акторами проектов, информационных вбросов, социокультурных практик и введение в информационное пространство результатов экспертных заключений.

Список литературы

1. Андреева, Н.П. Моральное инверсирование в средствах массовой информации и насильственные практики в подростково-молодежной досуговой среде [Текст] / Н.П. Андреева, А.А. Сукало // В мире научных открытий. – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2014. № 5(53). (Социально-гуманитарные науки). С. 68-73.
2. Блумер, Г. Коллективное поведение [Текст] / Г. Блумер // Американская социологическая мысль / Сост. Е.И. Кравченко; под ред. В.И. Добренькова. – Москва: Изд-во МГУ, 1994. С. 90-115.
3. Канетти, Э. Масса и власть [Текст] / Э. Канетти. – Москва: Изд-во: Ad Marginem, 1997. 528 с.
4. Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием [Текст] / С.Г. Кара-Мурза. – Москва: Изд-во: Эксмо, 2005. 832 с.
5. Лассуэлл, Г.Д. Психопатология и политика [Текст] / Г.Д. Лассуэлл. – Москва, Издательство РАГС, 2005. 352 с.
6. Лебон, Г. Психология народов и масс [Текст] / Г. Лебон. – Санкт-Петербург: Изд-во: «Макет», 1995. 311 с.
7. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс [Текст] / Х. Ортега-и-Гассет. – Москва: Изд-во: АСТ, 2008. 347 с.
8. Технология «Мягкой силы» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://pereformat.ru/2014/09/staraya-kak-mir-novaya-tehnologiya/#more-5248> (дата обращения: 20.02.2015). – Загл. с экрана.
9. The Overton Window. A Model of Policy Change [Электронный ресурс] // URL: <http://www.mackinac.org/12887> (дата обращения: 10.01.2015).

**КОЛОКОЛА И ЗВОНЫ БОГОРОДИЦЕ-КАЗАНСКОГО
ХРАМА ГРАДА НОВО-НИКОЛАЕВСКА
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Талашкин А.В.

*Сибирский центр колокольного искусства
Новосибирской Митрополии, Новосибирск, Россия;
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

**BELLS AND BELL RINGING OF THE CHURCH
DEDICATED TO THE KAZAN ICON OF MOTHER OF GOD
IN NOVONIKOLAEVSK TOWN IN EARLY 20TH CENTURY**

Talashkin A.V.

*Siberian center of bell ringing art of the Novosibirsk Metropolia,
Novosibirsk, Russia;
Altai State University, Barnaul, Russia*

В статье на основе архивных источников изучен процесс приобретения набора колоколов завода П.И. Оловянишникова приходом Богородице-Казанского храма города Ново-Николаевска в начале XX века. Рассмотрено влияние звонов храма на звуковую атмосферу города. Проанализированы сохранившиеся в Новосибирске колокола производства Оловянишникова.

Ключевые слова: *колокол; колокольные звоны; история колокольного искусства; колокола в Сибири; завод Оловянишникова; Богородице-Казанский храм Ново-Николаевска.*

The article describes the process of the purchase of a set of bells manufactured by Olovyianishnikov plant by the church of the Kazan Icon of Mother of God in early 20 th century. The Influence of the bell ringing of the church on the sound atmosphere of the town has been considered. The bells, manufactured by Olovyianishnikov plant, which were preserved in Novosibirsk, have been analyzed.

Keywords: *bells; bell ringing; history of bell ringing art; bells in Siberia; Olovyianishnikov plant; the church of Kazan Icon of Mother of God in Novonikolaevsk.*

С конца XX века в Российской Федерации наблюдается активизация интереса общества к традиционным формам религиозности. Особую значимость имеет православная традиция, к которой причисляет себя большая часть жителей России. В связи с этим повсеместно наблюдается строительство новых и восстановление старых храмов. Существует немалое количество исследований, посвященных архитектуре церковных зданий, что позволяет исторически достоверно воспроизводить образы восстанавливаемых храмов. Однако, важной частью храмоздательства является организация колокольного звона, формирующего звуковую среду окружающего пространства. Но в этой области наблюдается значительный недостаток научных исследований, которые могли бы способствовать использованию исторического опыта в современной практике храмового строительства. Рассмотрим особенности организации колокольного звона в начале XX века на примере Богородице-Казанского прихода в Ново-Николаевске.

Богородице-Казанская церковь была построена на средства прихожан в 1907 году. Согласно клировой ведомости за 1916 год [1, л. 92-93 об.], деревянное здание церкви стояло на каменном фундаменте, церковь была просторна и светла, с трехъярусным иконостасом, благолепна, но без излишка. В 1916 году причт состоял из двух священников и двух псаломщиков. Богослужение совершалось ежедневно. В приходе насчитывалось 2770 душ мужского пола и 2635 женского. Состав прихода был смешанный: часть прихожан – горожане Закаменской части города Ново-Николаевска, другая часть – жители деревни Усть-Иня. Благотворительность была преимущественно направлена на благоустройство храма. Политика интересовала очень немногих, большинство прихожан – верные сыны Церкви, газет выписывалось очень мало. Труда много, труд оплачивается очень хорошо и страшной бедноты среди трудящейся массы не замечено.

Первое упоминание о колоколах храма встречаем в документах 1911 года. Протоиерей Виктор Россов пишет рапорт благочинному градо-Ново-Николаевских церквей протоиерею Николаю Заводовскому о жертвователях Андрее Васильевиче Ельдештейне и Иване Петровиче Кривцове. Первый пожертвовал икону святителя и чудотворца Николая в киоте стоимостью 300 рублей, а второй – колокол весом в 28 пудов стоимостью 500 рублей. Настоятель просит благочинного донести о таком крупном пожертвовании епархиальному начальству [2, л. 96]. Таким образом, в 1911 году Богородице-Казанский приход имел, по крайней мере, один колокол-благовестник.

В этот благовестник совершался звон, о чем удалось найти документальное свидетельство. Благочинный протоиерей Николай

Заводовский направляет причту Богородице-Казанского храма распоряжение о праздновании 1600-летия издания Миланского эдикта 14 сентября 1913 года. На городской площади планировалось совершение молебна Честному и Животворящему Кресту Господню и равноапостольному царю Константину. Для совершения молебна причту предписывалось в этот день начать благовест к Литургии за $\frac{1}{4}$ до 10-го часа, а после Литургии к 11 часам с крестным ходом быть у собора, после чего к 11 с $\frac{1}{2}$ часам с таким же крестным ходом шествовать к площади. После молебна отец благочинный предписывает совершить целый дневной церковный звон [3, л. 41-42 об.]. Следует указать, что одиночные колокола на звонницах православных храмов использовались и вне богослужения в качестве средства информационного оповещения населения. Об этом свидетельствуют, в частности, воспоминания старожилов. Поводом для этого являлись пожары, большие морозы или другие явления или события, грозящие обернуться бедствиями [4, с. 168].

Сведения о колоколе, пожертвованном Кривцовым позволяют нам выяснить еще одну немаловажную деталь: узнать цены того времени на колокола и рассчитать стоимость 1 пуда колокола (17 рублей 85 копеек), что важно для дальнейшего повествования.

В 1913 году звонница храма значительно обогатилась. Попечительство Богородице-Казанской церкви града Ново-Николаевска заказало в Торгово-промышленном товариществе П.И. Оловянишникова набор колоколов и церковной утвари. Масштаб приобретения можно оценить по его стоимости – 2722 рублей 86 копеек. Судя по последующей переписке, количество церковной утвари в данном заказе невелико, поскольку указанная сумма

чаще всего называлась как долг за колокола. Предположим, что вся сумма в 2722 рубля 86 копеек – это стоимость колоколов. Воспользовавшись информацией о стоимости колокола, купленного мещанином Кривцовым за два года до рассматриваемых событий (1 пуд = 17, 85 р.) можно установить, что Богородице-Казанский приход приобрел колокола общим весом около 150 пудов, что примерно составляет две с половиной тонны.

Согласно публикуемым в российской прессе объявлениям, товарищество «П.И. Оловянишникова сыновей» занималось реализацией на рынке «церковной утвари (полное оборудование церквей, часовен и склепов), парчи, колоколов, церковной живописи и иконописи. В преискурант входили иконостасы, гробницы и кiotы, изделия церковной утвари из золота, серебра, драгоценных камней, бронзы, кости, дерева, мрамора и железа во всех стилях. Готовые художественные предметы церковного обихода в стилях христианской эры, начиная с первых веков христианства (катакомб) до наших дней. Стильная парча и другие шелковые ткани для облачений и церковных предметов. Художественное шитье золотом, серебром, жемчугом и бисером плащаниц, воздухов, пелен, хоругвей и завес для царских врат. Иконостасы бронзовые, деревянные резные, крашенные, мраморные и басменные» [5, с. 504]. Широкий ассортимент Товарищества говорит об устойчивом положении на рынке и, предположительно, хорошем качестве церковной утвари. Колокола Товарищества Оловянишникова и сегодня встречаются в большинстве крупных городов Сибири, имеют высокое качество звука, обработки изделия. Колокольная продукция Оловянишникова дважды занимала первые места на

всероссийских торгово-промышленных выставках и была отмечена Высочайшими наградами. Колокола этой фирмы поставлялись не только российским заказчикам, но и для православных храмов за рубежом.

Наличие колоколов является важным элементом богослужебной деятельности не только в крупных городских приходах, но и в отдаленных сельских храмах. Основатель Алтайской духовной миссии архимандрит Макарий (Глухарев) на крыльце самого первого молитвенного дома Горного Алтая повесил небольшой колокол [9, с. 15]. В Чемальской женской общине при отсутствии колокольной колокола были развешаны на сосне [10, с. 150]. Начальник Алтайской миссии архимандрит Владимир (Петров) даже в миссионерские поездки брал с собой, по крайней мере, один колокол, которым оповещал кочевников о службах в походном храме. Судя по отчетам миссионеров, звук колокола имел колоссальное влияние на интерес коренных жителей юга Западной Сибири к церковным обрядам и способствовал более активному обращению местного населения к Церкви.

Однако для прихода Богородице-Казанского храма города Ново-Николаевска приобретение полноценного комплекта колоколов обернулось серьезными финансовыми проблемами. Константин Иванов, поверенный Торгово-промышленного товарищества П.И. Оловянишникова (создано в 1868 году) направил в Томскую Духовную консисторию ходатайство о взыскании с приходского попечительства 2722 рублей 86 копеек неуплаченного долга за колокола и разного рода церковную утварь, о чем консистория издала указ № 32342 от 18 ноября 2013 года [3, л. 63-63 об.]. Для храма это была весьма значительная сумма, поскольку превышала

годовой доход прихода (400 рублей в год из казны получал клир, 1500 рублей в год жертвовали прихожане [1, л. 92 об.]).

С декабря 1913 года благочинный церковью града Ново-Николаевска протоиерей Николай Заводовский входит в диалог с Попечительством храма по возникшему делу, но в течение всего 1914 года не может получить внятного ответа, будет ли оплачен долг Оловянишникову. Дело в том, что колокола приобрел бывший уполномоченный по делам постройки церкви некто Селиванов, совершенно не согласовав свои действия с Попечительством. Колокола были доставлены из Ярославля в Ново-Николаевск, освящены и подняты на колокольню. Когда выяснился факт наличия долга, вернуть колокола производителю уже не было никакой возможности, да и вряд ли этот вариант устраивал Оловянишникова. А приход, по своей бедности был просто не в состоянии быстро собрать такую большую сумму. Ситуация зашла в тупик.

Настоятель Богородице-Казанского храма протоиерей Виктор Россов употребил все доступные ему административные рычаги: обращался к приходу с амвона, оплачивал (пусть и мизерные суммы) в счет долга, писал сельскому старосте приходского села Усть-Иня с просьбой собрать средства, неоднократно пытался собрать общее приходское собрание, взывал к прихожанам в присутствии отца благочинного, писал ходатайства в Общество взаимного кредита, привлекал благодетелей. Причин возникших затруднений было несколько:

- 1) тяжелейшая политическая и экономическая ситуация во время Первой мировой войны;
- 2) относительно невысокий уровень достатка прихожан;
- 3) нежелание брать на себя решение проблемы, созданной неким Селивановым.

Однако и расстаться с колоколами приход, скорее всего, не согласился бы. Томская консистория также не поддержала бы демонтаж освященных и действующих колоколов.

К 1915 году, наконец, дело сдвигается с мертвой точки, средства постепенно изыскиваются. 26 января отец настоятель пишет рапорт благочинному протоиерею Николаю Заводовскому: «Имею честь донести Вашему Высокоблагословию, что на собрании Попечительства по вопросу уплачивать долг г. Оловянишникову не по 200 рублей в год, а по 400 рублей, бывшем 11 января сего 1915 года, постановлено: за 1915 год является возможным в два срока уплатить четыреста (400) руб., а на будущее время уплачивать не более 200 рублей в год. Деньги, выданные церковным старостой в сумме пятнадцати (15) рублей, согласно просьбе «неизвестного» человека в зачет уплаты долга г. Оловянишникову засчитаны не будут, а принимаются старостою на свой счет. На днях будут препровождены Оловянишникову переводом деньги (200) рублей» [6, л. 17-17 об.].

Последним, имеющимся в нашем распоряжении документом по данному делу, является приказ Томской Духовной консистории № 11436 от 29 апреля 1915 года. Консистория просит немедленно прислать первоначальное прошение поверенного Торгово-Промышленного Товарищества «Оловянишникова сыновей» Константина Иванова и сведения [об уплаченных суммах] с собственным заключением [7, л. 114].

Дело об уплате долга за колокола было начато 18 ноября 1913 года и к 14 мая 1915 года (дата получения приказа в приходе) завершено еще не было. Разбирательство длилось более 19 месяцев. Между тем, в отчетных документах прихода 1916 года ука-

зывается: «под судом и следствием никто из членов прихода не состоял и не состоит» [1, л. 92 об.], «церковных долгов нет» [1, л. 55]. Следовательно, в 1915 или 1916 году произошло следующее: либо в Ново-Николаевске нашелся благотворитель, оплативший всю необходимую сумму, либо Товарищество Оловянишникова простило остаток долга приходу, например, по ходатайству Консистории.

Сведений о точном количестве колоколов и весе колокольного подбора найти не удалось, однако, учитывая номенклатуру колокольного литья начала XX века, можно предположить следующее. Приобретенные 150 пудов можно условно распределить на девять колоколов следующего веса: 70, 45, 15, 10, 5, 3, 1 пуд, 2/3 пуда, 1/3 пуда. Если учесть, что имелся колокол весом в 28 пудов, приобретенный ранее, то получим полноценный, хотя, по дореволюционным городским меркам, достаточно скромный колокольный подбор для осуществления всей «палитры» церковных звонов. Теперь прихожане могли слышать не только благовест, но и будничные, и праздничные звоны, а также звоны, подчеркивающие особо значимые дни, касающиеся каждого из прихожан, когда совершались венчальные, погребальные и иные обряды.

Таким образом, даже относительно скромный набор колоколов имел особое значение в жизни прихода. Храм обретал полноценный голос, «оживал». С приобретением подбора колоколов звон храма, как и во всех церквях, начал выполнять не только призывную функцию, но и настраивал на богослужение, выражая степень его торжественности.

Несмотря на финансовые разбирательства, жизнь на приходе продолжалась, совершались уставные богослужения, звонили

церковные колокола. Исполняющий обязанности благочинного Ново-Николаевских церквей священник Михаил Безсонов направляет 30 июня 1914 года причту Богородице-Казанского храма уставные рекомендации, касающиеся произведения церковного звона. В частности, причту предлагается производить звон в определенном порядке (табл.). В дни царских праздников предлагалось посещать молебны в соборе. Настоящее предписание предлагается исполнять причту в точности для соблюдения одновременности звона [3, л. 148].

Таблица

***Уставные рекомендации,
касающиеся произведения церковного звона [3, л. 148]***

День	Ко Всенощному бдению	К Литургии	Продолжительность звона
В воскресные и праздничные дни	в 5 с ½ часов вечера	в 8 с ½ часов утра	½ часа
В высокотожественные дни и праздники со славословием	в 5 часов вечера	в 8 часов утра	½ часа
В будничные дни	в 4 часа дня	в 8 часов утра	¼ часа

В постановлении Общего собрания духовенства города Ново-Николаевска 14 апреля 1917 года была выработана программа на случай принятия участия в празднике 18 апреля (накануне Ново-Николаевск получил статус уездного города): «К назначенному времени направляются крестные ходы на указанное место, где служится молебен. После молебна крестные ходы направляются по Николаевскому проспекту в общем шествии, затем расходятся

по церквам. Целодневный звон» [1, л. 105]. Следует предполагать, что в общем ликовании колоколов Ново-Николаевских храмов были слышны и голоса Богородице-Казанской церкви.

Постановлением Облисполкома № 469 от 20 марта 1939 года Богородице-Казанская церковь, расположенная в Новосибирске по адресу ул. Сузунская, 16 оборудована под городской кинотеатр. Судьба церковных колоколов неизвестна. Однако, в настоящее время в храмах Новосибирской Митрополии сохранилось несколько колоколов Торгово-промышленного товарищества «П.И. Оловянишникова сыновей»: два колокола в Вознесенском кафедральном соборе (самый большой из исторически сохранных в Новосибирске, весом в 21 пуд 30 фунтов и малый, вес не указан); один на колокольне храма в честь Сретения Господня в Бердске, вес 4 пуда 10 фунтов; один в воскресной школе собора в честь Рождества Иоанна Крестителя в Куйбышеве, весом 27 $\frac{1}{4}$ фунта [8], один малый на солее Сергиево-Казанского храма в поселке Краснообск и один в Музее колокольного звона, весом 3 пуда $\frac{1}{4}$ фунта (передан из епархиального музея, без истории). Не исключено, что какой-то из указанных колоколов мог принадлежать звоннице Богородице-Казанского храма.

Таким образом, еще раз можно говорить об особой значимости колоколов для богослужения и молитвы в храме, что подтверждается готовностью прихожан и попечителей на значительные пожертвования для их приобретения. Устав колокольного звона определялся не только местными приходскими предпочтениями, но и циркулярными распоряжениями Консистории.

Проведенное исследование может быть использовано в восстановлении и возрождении Богородице-Казанского храма. Кро-

ме того, важной и требующей возрождения, с нашей точки зрения, является традиция использования колокольного звона в народных торжествах, относящихся не только к религиозным праздникам, но и к государственным событиям, особенно с доминирующей патриотической составляющей.

Список литературы

1. ГАНО. Ф. Д-159. Оп. 1. Д. 16.
2. ГАНО. Ф. Д-159. Оп. 1. Д. 35.
3. ГАНО. Ф. Д-159. Оп. 1. Д. 21.
4. Крейдун Ю.А. Храмы Горно-Алтайска и его предместий в XX – начале XXI века. – Барнаул, 2010.
5. Глушецкий А.А. Колокольное дело в России во второй половине XVIII – начале XX века. Энциклопедия литейщиков. – М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2010. 588 с.
6. ГАНО. Ф. Д-159. Оп. 1. Д. 84.
7. ГАНО. Ф. Д-159. Оп. 1. Д. 62.
8. В 2014 году колокол передан в Музей колокольного звона Новосибирской Митрополии.
9. Крейдун Ю.А. Улалинский миссионерский стан как центр духовного просвещения Горного Алтая в XIX – начале XX вв. // Макарьевские чтения. Материалы IV Международной конференции. 2005. С. 13-23.
10. Крейдун Ю.А. Монастыри Алтайской духовной миссии во второй половине XIX – первой трети XX в. / История Алтайского края XVIII-XX вв. Науч. и документ. материалы // Ред. кол. Щеглова Т.К. (отв. ред.), Контев А.В. – Барнаул, 2004. С. 108-154.

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ
ПРОБЛЕМ У ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ**

Тальчук А.В.

*Тюменская государственная академия культуры искусств
и социальных технологий,
г. Тюмень, Россия*

**REGIONAL FEATURES OF SOCIAL PROBLEMS
IN PUBLIC SERVICE PROFESSIONALS**

Talchuk A.V.

*Tyumen state academy of culture, arts and social technologies,
Tyumen, Russia*

Статья посвящена региональным особенностям социальных проблем государственных служащих, работающих и проживающих на территории Тюменской области. Выявлены следующие показатели: целостность системы государственной службы; высокая текучесть кадров; неэффективность действующих антикоррупционных мер и их слабая разработанность; несовершенство законов и неэффективная система государственной кадровой политики. В результате субъективная потребность государственных служащих объединять нормы права с моралью в работе приведет к эффективному осуществлению их деятельности.

Ключевые слова: *социально-профессиональные группы; государственный служащий; мораль; текучесть кадров; мотивация; государственная кадровая политика.*

This article is about social problems particularly about the public officers who work and live in the territory of the Tyumen region. The author examines many criterions; from which the integrity of the civil service, the high staff turnover, the inefficiency of the existing anti-corruption measures and their weak elaboration, the imperfect laws, the inefficient system of state personal policy. As a result of the subjective needs of public officers to combine the law with morality in the work will lead to the effective implementation of activities

Keywords: *socio-professional groups; public officer; morale; turnover; motivation; state personnel policy.*

Региональные особенности социальных проблем государственных служащих связаны со спецификой региона проживания. Согласно пункту 2, статье 77 Конституции Российской Федерации «в пределах ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации образуют единую систему исполнительной власти в Российской Федерации» [2]. Тем не менее, подходы к управлению субъектами Российской Федерации различны, в связи с отличием имеющихся ресурсов и возможностей региона, однако функционирование края, области

или автономного округа неизбежно сопровождается рядом трудностей, присущих именно данному месту.

В статье будут освещены региональные особенности социальных проблем государственных служащих, работающих и проживающих на территории Тюменской области, а именно юге Тюменской области, Ханты-Мансийском автономном округе-Югра и Ямало-Ненецком автономном округе.

Изучив данные, представленные социологами в области проблем государственной службы, проанализируем следующие показатели: целостность системы государственной службы; высокая текучесть кадров; неэффективность действующих антикоррупционных мер и их слабая разработанность; несовершенство законов; неэффективная система государственной кадровой политики, а также рассмотрим положение государственного служащего при сложившихся проблемах.

В выборочную совокупность исследования вошли сотрудники банковской сферы, нефтегазовой отрасли, учителя, студенты, работники культуры, юристы, всего в количестве 1000 респондентов, проживающих на территории Тюменской области. Целью такого выбора послужило определение взгляда социума на государственную службу.

Также в изучении поставленной проблемы изнутри, задействованы государственные служащие, выступавшие экспертной группой. Основным критерием для отбора было наличие стажа государственной службы (не менее 5 лет), всего 50 экспертов.

Согласно сведениям, представленным средствами массовой информации, следует, что отношение населения к государственным служащим не однозначное и не всегда положительное. Рас-

смотрим этот вопрос. Ниже приведено отношение населения к чиновникам и то, как государственные служащие определяют престиж их профессии (рис. 1). Интересно, что общество более лояльно относится к этому виду деятельности, чем сами служащие, что говорит о высоких показателях функционирования системы государственного аппарата управления. Хотя остается высоким процент негативного отношения к системе. Кроме того, респонденты утверждают, что престиж государственных структур зависит от сотрудников, потому что у каждого индивида индивидуальный подход к работе.

Рис. 1. Отношение населения к государственным служащим (в %)

В ходе анализа проблем государственной службы, среди представителей указанных социально-профессиональных групп были выявлены следующие показатели согласно представленным в статье критериям:

1. Целостность системы государственной службы представлено в оценке респондентов положительно, хотя некоторая доля

недоработанности присутствует. Изучив статьи в журналах о государственной службе, следует отметить, что в настоящее время эта проблема решается путем налаживания обратной связи между руководством, находящимся в Москве и сотрудниками в других городах, а именно: проводятся совещания с участием обеих сторон, также можно вносить свои письменные предложения, которые будут рассмотрены. Действует практика проведения совместных совещаний между ведомствами одного уровня для передачи опыта, обсуждения новшеств и разбора сложных ситуаций, которые могут сложиться или уже имеют место на государственной службе.

2. Высокая текучесть кадров – это актуальная проблема, выделенная экспертами. В этом случае причины могут быть разные. Например, отсутствие перспектив для некоторых работников или недовольство оплатой труда, не четко поставленные цели и служащие не видят перспектив развития, и не до конца понимают конечный результат, также существует проблема стабильности.

В ходе анализа выявлено, что из высоких показателей текучести кадров вытекает другая проблема, а именно, малочисленность работников высокой квалификации, что негативно сказывается на функционировании системы.

3. Большинство работников социально-профессиональной группы, не имеющей отношение к государственной службе, отмечают проблему малой эффективности действующих антикоррупционных мер и их слабой разработанности, в то время как чиновники отмечают высокий и теоретический, и практический уровни антикоррупционного законодательства. Тем не менее в области

борьбы с коррупцией в последние несколько лет Правительством Российской Федерации были приняты законы, ужесточающие осуществление чиновником иной оплачиваемой деятельности, разработаны ряд мер по предоставлению сведений о доходах и расходах государственного служащего и членов его семьи, ограничение по получению подарков и ряд других мер, включенных в Национальный план противодействия коррупции.

4. Несовершенство законодательства, как острую проблему отметили больше половины государственных служащих, участвующих в опросе, хотя законодатель периодически вносит поправки в нормативно-правовые акты и дает разъяснения в виде писем. Внутриполитическая и внешняя ситуация меняется с течением времени и предусмотреть все варианты развития ситуации иногда невозможно.

5. Респонденты отметили недочеты в системе государственной кадровой политики. Работа с кадрами сложна, для того чтобы понять уровень работника нужно время, для того чтобы удержать хорошего сотрудника нужна мотивация и стимул. Сложность в том, что человека побуждают к работе разные факторы, в этом вопросе не существует стандартного решения.

Неоднозначность вопроса мотивации работников и необходимость выяснить влияние материальных и нематериальных факторов на мотивацию сотрудника привела к трудам Д. МакГрегора и Ф. Герцберга. Ученый Д. МакГрегор искал наиболее эффективные пути управления сотрудниками в организации. В теории X и Y ученый вывел два типа работников, первый из них (X) это индивиды, не стремящиеся к эффективному выполнению заданий,

взятия на себя ответственности, их мало волнует результат работы. Другой же тип (Y) это ценные сотрудники для организации, которые нацелены на эффективное выполнение своих обязанностей. В связи с этим для разных типов служащих нужно применять определенные виды руководства, например, авторитарный или демократический.

Ф. Герцберг продолжал изучать проблему мотивации. Ученый рассмотрел служащего в совокупности с внешней средой (рабочим местом). В двухфакторной теории мотивации, разработанной им, Ф. Герцберг утверждал, что некоторые факторы такие как кадровая политика в организации, условия труда или уровень заработной платы сами по себе не мотивируют сотрудника на повышение производительности труда, но в совокупности с мотиваторами, такими как признание, возможность повышения и некоторыми другими могут побудить сотрудника к достижению высоких показателей эффективности труда.

В учреждении всегда будут присутствовать разные типы сотрудников, поэтому руководителю нужно учитывать потребности служащего. Причем, что положительно влияет на одного сотрудника может вызвать негативную реакцию у другого. Данная проблема, также коснулась и системы государственной службы.

Для полного представления результатов в разрезе различных социально-профессиональных групп представим сравнительную таблицу наиболее ярких проблем государственной гражданской службы (рис. 2).

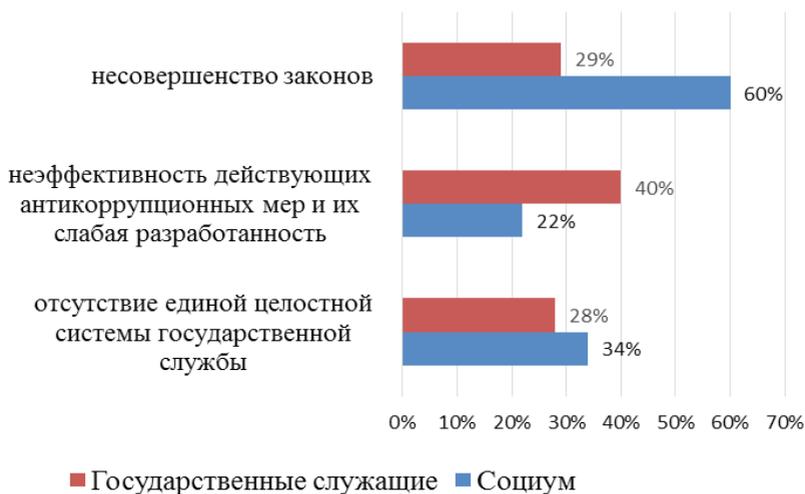

Рис. 2. Основные проблемы государственной гражданской службы

На основании диаграммы можно утверждать, что мнение социума и чиновников различны, что говорит о слабой обратной связи между обществом и государством.

Также экспертам была предоставлена возможность изложить проблемы, которые они считают наиболее важными, среди ответов были следующие:

- а) низкая мотивация труда;
- б) отсутствие социальных гарантий;
- в) нет стабильности;
- г) нечетко поставлены цели;
- д) нет перспектив;
- е) малочисленность специалистов, имеющих высокую квалификацию;
- ж) низкая оплата труда.

Важно, что проблемы, отмеченные респондентами, связаны с целями и перспективами, работники хотят знать конечные результаты, к которым они должны стремиться, вместе с тем, отмечается низкая мотивация труда и недовольство уровнем социальных гарантий.

В свою очередь, определив основные трудности, нужно осветить ситуацию, сложившуюся на государственной службе в настоящее время.

Проанализировав данные, было выявлено, что система материального и нематериального стимулирования успешно функционирует в данной сфере, это могут быть благодарственные письма и почетные грамоты. Нематериальное поощрение работников, в совокупности с материальным дает сотруднику понять свою значимость и ценность со стороны управляющего состава, что повышает производительность труда. Также в данной структуре распространена система наставничества, что обеспечивает сплоченность в коллективе и быструю адаптацию к новому месту работы, как молодых сотрудников, так и работающих долгое время в учреждении. Освоение рабочего процесса за короткий срок также положительно влияет на результаты деятельности организации в целом.

Гипотеза, выдвинутая в ходе исследования о том, что большинство людей ожидают от своей работы каких-либо результатов и реакции со стороны руководства, в виде поощрения подтверждается бихевиористской теорией, сформулированной американским психологом Д. Уотсоном. Согласно данной теории психика сводится к различным формам поведения, понятого как совокупность реакций организма на стимулы внешней среды. Все психи-

ческие явления сводятся к реакциям организма, преимущественно двигательным: мышление отождествляется с речедвигательными актами, эмоции – с изменениями внутри организма и так далее. За единицу поведения принимается связь стимула и реакции. Законы поведения, согласно Бихевиоризма, фиксируют отношения между тем, что происходит на «входе» (стимул) и «выходе» (двигательный ответ) системы организма [1].

Таким образом, разработав действенную систему поощрений и мотиваций для государственных служащих можно решить ряд проблем.

Дополним, что деятельность чиновников регламентирует не только законодательные аспекты, но и принципы морали.

Результаты, полученные в ходе анализа анкет экспертов, совпадают с мнением Э. Дюркгейма, изложенным в книге «О разделении общественного труда». Социолог утверждал, что «всякое общество-моральное общество» [3, с. 215]. Правовое регулирование не может быть единственным источником регламентации функционирования социума.

Также Э. Дюркгейм считал, что «...человек моральное существо только потому, что он живет в обществе, ибо нравственность состоит в том, чтобы быть солидарным с группой...» [3, с. 370]. Индивид независимо от сферы деятельности связан с моральными принципами, которые нужно соблюдать, чтобы быть принятым в той или иной социальной группе.

В связи с вышенаписанным следует отметить, что в законодательстве невозможно предусмотреть моральных аспектов поведения, которым безусловно должен следовать государственный служащий, наряду с исполнением норм права.

Список литературы

1. Большая психологическая энциклопедия [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – URL : <http://psychology.academic.ru>.
2. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law.
3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. – М.: Наука, 1991. 575 с.
4. Herzberg, F., Mausner B., Snyderman B.B. The Motivation to Work. – New York: John Wiley, Sons, 1959. 157 p.
5. McGregor D. The Human Side of Enterprise. – New York: McGraw-Hill, 1960. 246 p.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЖИЛИЩНОЙ ПОЛИТИКИ В ГОРОДАХ БУРЯТИИ (КОНЕЦ 1950-Х – 1980-Е ГГ.): ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

Тихонов А.Л.

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
г. Улан-Удэ, Российская Федерация*

**HISTORICAL EXPERIENCE OF REALIZATION OF STATE
HOUSING POLICY IN CITIES OF BURYATIA (END
OF 1950S – 1980S): HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM**

Tikhonov A.L.

*Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ulan-Ude, Russian Federation*

В статье представлен анализ работ советских и современных российских исследователей, посвященных изучению советской государственной жилищной политики в городах Бурятии в 1950–1980-е годы; прослежена эволюция взглядов ученых на проблему в зависимости от изменяющейся политической ситуации в стране, оценена глубина и значимость исторических исследований, определена их историографическая ценность.

Ключевые слова: государственная жилищная политика; историография; городское население; Бурятия; жилищное строительство.

This article presents an analysis of soviet and contemporary Russian studies on the subject of soviet state housing policy in the cities of Buryatia in 1950s-1980s. Also, it shows an evolution of scientific perception of the problem based on the political state environment. The article offers an evaluation of historical studies and their historical significance.

Keywords: state housing policy; historiography; urban population; Buryatia; housing.

Жилищный вопрос – один из наиболее социально значимых, поскольку на всех этапах исторического развития человеческой цивилизации жилищная проблема была одной из самых важных:

иметь жилище – базовая потребность *homo sapiens*. Жилищный вопрос требует постоянного внимания к себе со стороны властей, поскольку его состояние во многом определяет социальное благополучие страны и регионов. Поэтому вполне закономерно, что решение жилищной проблемы, обеспечение каждого гражданина достойным жильем является важным направлением государственной политики. Для ее успешной реализации необходимо ясное понимание истоков и причин возникновения жилищной проблемы, знание истории государственной политики, направленной на ее решение.

Жилищная проблема, ещё до революции представлявшая собой одну из самых трудноустраняемых, особенно обострилась в 1930-е годы в связи с начавшейся индустриализацией, ставшей катализатором роста городского населения. Нарастающие темпы жилищного строительства в годы второй и третьей пятилеток не снижали остроты жилищной проблемы, средняя обеспеченность жильем практически не изменялась. Стремительные темпы роста численности индустриального населения не сопровождались аналогичными темпами возведения нового жилья.

Коренной перелом в решении жилищного вопроса получил свое зримое очертание только со второй половины 1950-х гг. Государство стало стремиться разрешить назревший жилищный кризис путем резкого увеличения объемов строительства, что отражено в Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 31 июля 1957 г. «О развитии жилищного строительства в СССР» [13, с. 278-294]. С этого времени начался качественно новый этап решения данной социальной проблемы. По оценкам специалистов, 1960-80-е годы стали этапными и наиболее пло-

дотворными в ее решении, поскольку введение в практику жилищного строительства типовых проектов жилых домов с экономичными квартирами для односемейного заселения позволило значительно улучшить жилищную ситуацию. Именно поэтому исторический опыт осуществления государственной жилищной политики в 1960–80-е годы привлекает к себе пристальное внимание исследователей.

Отечественную историографию традиционно можно разделить на два периода: советский и современный.

В советский период оценки развития жилищной сферы в СССР подчинялись строгим идеологическим и политическим детерминантам. В исследованиях преобладала однотипная схема изображения решения государством жилищной проблемы по восходящей линии при наличии «отдельных недостатков» и «нерешенных вопросов», которые объяснялись трудностями роста. В работах преувеличивались успехи жилищной политики, а также роль КПСС в обеспечении жильем населения страны, давались однозначно положительные оценки созданному жилищному фонду. Вместе с тем, работы этого периода насыщены богатым статистическим материалом, в них представлена динамика жилищного строительства.

Так, проблемы обеспеченности жильем трудящихся масс поднимаются в исследовании Н.Я. Бромля [3]. Несмотря на политическую ангажированность и идеологическую заданность, достоинством работы являются достоверные показатели результатов жилищного строительства. В ряде работ советских ученых (И.П. Прокопчено [23], Ш.Д. Чиквашвили [28]) признается весо-

мая роль жилищно-строительной кооперации в преодолении проблем в жилищной сфере.

В 1970–1980-е гг. исследование государственной жилищной политики стало осуществляться через призму социально-экономического развития СССР, что дало возможность проследить взаимосвязь аспектов жилищной политики с другими сферами жизни общества. Так, проблемы обеспеченности жильем поднимались в работе В.Ф. Майера [16], где доказывалась значимость жилищных условий в общей оценке уровня жизни советских граждан.

Освещение некоторых проблем государственной жилищной политики нашло свое отражение в работах, посвященных истории рабочего класса, где оно подчинено исследованию быта и материального положения рабочих [12; 25].

Региональный круг публикаций представлен, прежде всего, коллективными трудами. Важное место среди них занимают работы по истории рабочего класса Сибири. В них показаны региональные изменения, происходившие в уровне жизни населения Сибири, их отличия от европейских центров страны и общесоюзных тенденций. В связи с этими проблемами рассматривались и изменения, происходившие в жилищном положении рабочих региона. Так, вопросы жилищной политики нашли свое отражение в коллективном издании «Рабочий класс Сибири» [24]. Однако основное внимание в работе уделено позитивным изменениям, происходившим в жилищной сфере, в то время как противоречия и проблемы в ней, степень удовлетворенности населения жильем остались за рамками интересов исследователей.

В монографиях С.С. Букина, написанных самостоятельно и в соавторстве с В.В. Алексеевым [1; 4], изучение государственной жилищной политики также подчинено рассмотрению региональных изменений, происходивших в жизненном уровне рабочих Сибири. Однако внутрирегиональные различия не получили должного исследования в этих работах. Это относится как к выявлению тенденций развития в Западной и Восточной Сибири, так и локальных территорий внутри этих обширных районов, имевших разный уровень индустриального и социального развития.

Государственная жилищная политика в городах Бурятии в указанный период не являлась самостоятельным объектом исследования. Однако на этой важной проблеме останавливались исследователи социально-экономических процессов в республике. Жилищному обеспечению рабочих масс Бурятской АССР в этот период уделяется внимание в исследовании Л.С. Наводкина [19]. Автор отмечает положительную динамику в изменении жилищных условий в республике, а также расширение жилищного фонда, что совпадало с общесоюзной ситуацией в данной сфере.

Особый интерес представляет исследование архитектора Л.К. Минерта [18]. Несмотря на то, что основное содержание его работы составляет научное исследование архитектурных памятников Бурятии, в ней дается обзор государственному участию в возведении жилья, а именно формам и методам осуществления государственной политики. По мнению Л.К. Минерта, государственная жилищная политика, направленная на коренное улучшение организационно-технического уровня строительного производства, ввод в действие новых заводов строительных материалов и изделий, домостроительных комбинатов, позволила

с 1960-х гг. перейти к сооружению многоэтажных зданий индустриальными методами, к комплексной застройке целых жилых районов, что значительно улучшило жилищную ситуацию в городах [18, с. 20].

Оценивая вклад советских исследователей в изучение государственной жилищной политики, нельзя не отметить влияние политической ситуации на историческую науку: жесткие рамки идеологии не позволяли ученым объективно оценивать политику партии и правительства, во многом они повторяли устоявшиеся клише. Однако несомненной заслугой советских ученых стало выделение жилищной проблемы в отдельный предмет исследования, что способствовало росту внимания к этому вопросу со стороны общества и государства.

После распада СССР и глубокого обострения жилищных проблем на постсоветском пространстве в среде ученых стал нарастать интерес к изучению способов их разрешения советским государством. Исследователям стали доступны неопубликованные до сего момента многочисленные источники, но, самое важное, начали отпадать идеологические ограничения на характер обобщений и выводов. На данном этапе заметно возрос интерес к отечественному опыту решения жилищных вопросов. В современной историографии сложилось два подхода к рассматриваемой проблеме: критический и позитивный.

Так, А.М. Сидорин убежден в том, что жилищная политика государства привела к катастрофическому положению в жилищном хозяйстве. В своем исследовании автор подверг критике типологизацию жилищного строительства и качество возводимых жилищ [26]. По мнению М.Г. Мееровича, за годы советской власти

направленность государственной жилищной политики и ее содержание оставались неизменными. Жилище являлось фактором, определяющим сознание и поведение человека, а также степень его зависимости от государства и использовалось как мощное и эффективное средство властного управления людьми [17, с. 295].

Проанализировав советскую политику в области строительства и распределения жилищного фонда, С. Кара-Мурза пришел к выводу о зависимости советских людей от жесткой регламентации и утрате чувства хозяина [11]. Аналогичной точки зрения придерживается Л.Г. Ходов, утверждающий, что массовое жилищное строительство за государственный счет с последующим бесплатным предоставлением квартир в годы советской власти породило психологию иждивенчества и утрате частной инициативы снизу [27].

Исследователи-позитивисты напротив положительно оценивают советскую жилищную политику, указывая на то, что именно в этот период в стране была осуществлена крупномасштабная программа жилищного строительства, позволившая многим гражданам реализовать право на жилье [7; 15].

Одним из новых направлений исторических исследований в конце XX в. стало изучение истории повседневности. Рассматривая повседневную жизнь простых советских обывателей, исследователи особое внимание уделяют их жилищным условиям. Так, работа Н.Б. Лебиной и А.Н. Чистякова содержит анализ изменившихся условий проживания в годы массового хрущевского строительства и перемен в их восприятии населением [14]. Ценность исследований, посвященных изучению повседневных практик советских людей, заключается в том, что они дают воз-

возможность взглянуть на жилищные проблемы глазами простого населения.

Большой вклад в изучение государственной жилищной политики внесен сибирскими учеными В.И. Исаевым и С.С. Букиным [6]. На основе статистических данных, они анализируют советскую жилищную практику, состояние жилищного фонда, исследуют проблемы формирования и функционирования практик коммунальной жизни в условиях советской модернизации. Ощутимый сдвиг в обеспечении жилищных потребностей горожан Сибири, начавшийся во второй половине 1950-х – 1960-е гг., С.С. Букин непосредственно связывает с усилением социальной политики государства. Автор считает, что коренному перелому в решении жилищной проблемы способствовали индустриализация строительства, расширение индивидуальной застройки, внедрение хозяйственного способа возведения домов, развертывание жилищной кооперации. По мнению С.С. Букина, массовое строительство типовых малогабаритных пятиэтажек, через несколько десятилетий получивших обидное наименование «хрущевки», являлось огромным социальным завоеванием, существенным фактором становления индустриально-урбанистического образа жизни в Сибири [5, с. 121-122].

Исторический опыт решения жилищной проблемы в Сибири основательно изучен М.М. Ефимкиным [8; 9]. Автором прослежена трансформация государственной политики по отношению к жилищному строительству в ходе хозяйственного освоения региона на протяжении длительного периода – XX – начала XXI вв., проведен анализ индустриальной адаптации населения Сибири в процессе нарастающей урбанизации. Несомненным до-

стоинством трудов М.М. Ефимкина является, представленная на основе статистических данных, подробная динамика роста жилищного фонда в городах и рабочих поселках Сибири по краям, областям и автономным республикам за 1960-1980 гг., позволившая автору выявить особенности решения жилищного вопроса в сибирских городах.

Государственная жилищная политика в Бурятии не стала самостоятельным объектом исследования и в современной отечественной историографии. Однако освещение некоторых ее аспектов нашло свое отражение в обобщающих трудах по истории Бурятии, а также в работах, посвященных индустриальному развитию республики.

Существенное улучшение жилищных условий в республике в 1961-1990 гг. благодаря вложению в жилищное строительство значительных средств – 1508,9 млн. руб., отмечает в своем исследовании, посвященном индустриальному развитию Бурятии, М.Н. Балдано. По подсчетам автора, за этот период государственными и кооперативными организациями было введено в эксплуатацию 6492,4 тыс. кв. м жилой площади, 693,6 тыс. кв. м – населением за свой счет и с помощью государственного кредита (без жилых домов колхозников) [2, с. 417]. Объективный анализ государственной жилищной политики позволил М.Н. Балдано выделить такие ее достижения, как улучшение благоустроенности жилищ и ликвидацию тяжелого наследия прошлых лет – жилья барачного типа. Вместе с тем, автор особо отмечает, что немало семей продолжало жить в коммунальных, неблагоустроенных квартирах, годами ожидая очереди на получение жилья. В качестве недостатков государственной жилищной политики

исследователь также выделяет срыв строителями планов ввода в эксплуатацию нового жилья и отсутствие должного качества возводимого жилья [2, с. 419].

В 2011 г. вышла в свет «История Бурятии», в третьем томе которой творческому переосмыслению авторов подверглись многие события и проблемы истории Бурятии XX – начала XXI вв., в том числе была максимально объективно оценена результативность советской государственной жилищной политики. Проведенный беспристрастный анализ ситуации в жилищной сфере позволил авторам прийти к неоднозначным выводам. С одной стороны, по мнению исследователей, нельзя не признать, что в 1960–1980-е гг. в Бурятской АССР была осуществлена большая жилищная программа, позволившая рабочим и служащим кардинально улучшить свои жилищные условия. Для улучшения ситуации в жилищной сфере большое значение имели два обстоятельства. Во-первых, почти 2/3 всего нового жилищного строительства в 1960–80-е гг. приходилось на города. Во-вторых, значительная часть нового жилья строилась за счет государственных капитальных вложений. С другой стороны, темпы и масштабы жилищного строительства все равно отставали от возраставших потребностей населения республики. Так, при действующем нормативе обеспеченности общей жилой площадью в 13,5 кв. м, в Бурятии средняя обеспеченность в расчете на одного жителя составляла 11,6 кв. м [10, с. 314].

Исторический опыт решения жилищной проблемы в городах Бурятии анализируется в работах А.М. Плехановой [20; 21; 22]. И хотя автор ограничивает свои изыскания 1920-ми годами, в ее исследованиях обозначены проблемы, потребовавшие разреше-

ния в последующие годы. А.М. Плеханова считает, что при всех своих достижениях в жилищной политике советское государство не смогло (за исключением непродолжительного хрущевского периода массовой застройки городов малогабаритными пятиэтажными домами по типовым проектам) добиться решения жилищной проблемы [21, с. 131]. По мнению исследователя, перспективы решения жилищной проблемы в России, и в Бурятии в частности, не имеют ясных очертаний и на современном этапе, в связи с чем российское государство ставит перед собой задачу разработки эффективной политики в жилищном вопросе.

Таким образом, исследования, появившиеся после распада СССР, стали новым этапом в историографии жилищной политики. Привлечение новых источников, использование различных методов и отмена цензурных рамок расширили горизонты этой темы. Комплексный анализ, характерный для работ этого периода, показывает теснейшую зависимость жилищной проблемы от социальной политики государства. Многие современные исследователи особенно пристальное внимание уделяют повседневности советских людей, где жилищная проблема подчас является ключевым элементом.

При довольно широком круге публикаций, в которых анализируется исторический опыт реализации государственной жилищной политики в конце 1950-х – 1980-е гг., можно сделать вывод, что тема активно разрабатывается, однако проблема изучения государственной жилищной политики в городах Бурятии продолжает оставаться актуальной, так и не став предметом самостоятельного исследования в отечественных исторических трудах. Выявлены общесоюзные тенденции и региональные осо-

бенности в формировании и функционировании советской жилищной системы, представлена подробная динамика жилищного строительства, изучены механизмы распределения жилья, в то же время результативность государственной политики в жилищной сфере в городах республики – Улан-Удэ, Кяхте, Закаменске, Гусиноозерске, Северобайкальске, Бабушкине, имевших разный уровень индустриального и социального развития, уровень обеспеченности жильем разных социальных групп горожан, не получили должного освещения в исторических исследованиях.

Список литературы

1. Алексеев В.В., Букин С.С. Рост благосостояния рабочих Сибири в условиях строительства развитого социализма. – Новосибирск: Наука, 1980. 213 с.
2. Балдано М.Н. Индустриальное развитие Бурятии (1923-1991 гг.): достижения, издержки, уроки. – Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ВСГАКИ, 2001. 431 с.
3. Бромлей Н.Я. Уровень жизни в СССР. 1950-1965 // Вопросы истории. 1966. № 7. С. 3-8.
4. Букин С.С. Жизненный уровень рабочей семьи в Сибири (1946-1960 гг.). – Новосибирск: Наука, 1984. 272 с.
5. Букин С.С. Социальный перелом: жилищное строительство в городах Сибири на рубеже 1950–60-х гг. // Опыт решения жилищной проблемы в городах Сибири в XX – начале XXI вв. – Новосибирск: Параллель, 2008. С. 104-214.
6. Букин С.С., Исаев В.И. Урбанизация Сибири в XX веке: закономерности и особенности // Хозяйственное освоение Си-

- бири в контексте отечественной и мировой истории. – Новосибирск, 2005. С. 140-167.
7. Дворецкий С.Б. Жилищная проблема в СССР и пути ее решения. – М.: Профиздат, 1990. 32 с.
 8. Ефимкин М.М. Жилищный фактор в процессе индустриальной адаптации Сибири в XX–XXI вв. // Опыт решения жилищной проблемы в городах Сибири в XX – начале XXI вв. – Новосибирск: Параллель, 2008. С. 3-45.
 9. Ефимкин М.М. Рабочие Сибири. Конец 1950-х – середина 80-х гг. – Новосибирск: Наука, 1990. 222 с.
 10. История Бурятии: В 3-х т. Т. 3. XX-XXI вв. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 464 с.
 11. Кара-Мурза С. Разруха в домах или умах? // Городское управление. 2008. № 6. С. 70-76.
 12. Клопов Э.В. Рабочий класс СССР: Тенденции развития. – М.: Мысль, 1985. 336 с.
 13. КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1971. Т. 7. 558 с.
 14. Лебина Н.Б., Чистяков А.Н. Обыватель и реформы: картины повседневной жизни горожан в годы НЭПа и хрущевского десятилетия. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 339 с.
 15. Литовкин В.Н. Жилищное законодательство. – М., 1991. 102 с.
 16. Майер В.Ф. Уровень жизни населения СССР. – М.: Мысль, 1977. 261 с.
 17. Меерович М.Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917-1937 гг.). – М.: РОССПЭН, 2008. 303 с.
 18. Минерт Л.К. Памятники архитектуры Бурятии. – Новосибирск: Наука, 1983. 248 с.

19. Наводкин Л.С. Деятельность партийных организаций Восточной Сибири по повышению материального благосостояния трудящихся (1959-1965 гг.) (На материалах Иркутской и Читинской областей, Бурятской АССР): Дис. ... канд. ист. наук. – Иркутск, 1973. 226 с.
20. Плеханова А.М. Бурятия в 1920-е гг.: опыт социально-экономической модернизации. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 400 с.
21. Плеханова А.М. Государственная жилищная политика в городах Бурятии в 1920-е годы // Власть. 2011. № 10. С. 127-131.
22. Плеханова А.М. Исторический опыт социально-экономической модернизации национальных районов Восточной Сибири в 1920-е гг. (на материалах Республики Бурятия): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Улан-Удэ, 2012. 45 с.
23. Прокопченко И.П. Жилищно-строительные кооперативы в СССР. – М.: Стройиздат, 1965. 126 с.
24. Рабочий класс Сибири. 1961-1980 гг. – Новосибирск: Наука, 1986. 355 с.
25. Сенявский С.Л., Тельпуховский В.Б. Рабочий класс СССР: (1938-1965 гг.). – М.: Мысль, 1971. 533 с.
26. Сидорин А.М. Взгляд на жилищную проблему сквозь призму прав человека // Архитектура и строительство в России. 1999. № 4-5. С. 4-22.
27. Ходов Л.Г. Задачи российской государственной политики в области жилищного строительства // Жилищное право. 2003. № 1. С. 3-7.
28. Чиквашвили Ш.Д. Жилищно-строительная кооперация в СССР. – М.: Юрид. лит., 1965. 200 с.

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ ЛИЧНОСТИ
В ОБЩЕСТВЕ РИСКА**

Храмова К.В., Азаматов Д.М., Моджина Н.В.

*Башкирский государственный медицинский университет,
Башкирский государственный университет,
г. Уфа, Россия*

**POLITICAL SELF-CONSCIOUSNESS PERSONALITY
IN THE RISK SOCIETY**

Khramova K.V., Azamatov D.M., Modzhina N.V.

*Bashkir State Medical University,
Bashkir State University,
Ufa, Russia*

Статья посвящена оценке влияния современного общества риска на процесс формирования политического самосознания личности. Подчеркивается, что изменения в социально-экономическом статусе человека, влияют на его отношение к политической власти и к проводимой ею социальной политике. Таким образом, определяется связь целостного политического самосознания с общим социально-культурным контекстом.

Ключевые слова: *Самосознание; Политическое самосознание; Личность; Риск; Общество риска.*

Article is devoted to assessing the impact of modern society on the risks of the formation of political self-consciousness

of the person. Emphasizes that changes in the socio-economic status of the person affect its relationship to political power and social policy. In this way revealed interaction political self-consciousness and the socio-cultural context.

Keywords: *Self-consciousness; political self-consciousness; personality; Risk; Risk Society.*

Государственная политика является одним из инструментов преобразования общественных отношений и личности включенной в данные отношения, а конкретно ее самосознания. Согласно Фихте, «с точки зрения нравственного закона, государство должно в будущем отмереть. Вместе с тем нравственность, понятая как «община всех разумных существ», или духовность, ведет к безусловному превалированию общественного (фактически государственного) начала над личностью» [5, с. 165].

Это подтверждает утверждение того, что обретение политической идентичности и политического самосознания, выступает необходимым условием формирования личности современного человека. Целостное политическое самосознание, обусловлено обширным социально-культурным контекстом. На его становление оказывает влияние развитость политического сознания в целом, уровень политической культуры общества, и т.д. Политическое самосознание человеком формируется, развивается, уточняется, корректируется в обстоятельствах духовного, материального или предметного обмена социально-политической деятельностью между субъектами социально-политических взаимоотношений, в ходе которых индивид «смотрится, как в зеркало, в другого человека» (К. Маркс).

Обогащение политического сознания в целом и выработка собственного политического мировоззрения в частности, происходит с помощью выделения и обособления себя от окружающих социально-политических отношений. Политическое же самосознание, является основой формирования самостоятельного политического мышления. В результате развития политического самосознания, происходит «отделение человека от самого себя как субъекта социально-политической деятельности, и от самой этой деятельности и ее продуктов» [11, с. 29]. Сознательно направляя ее на достижение различных целей, человек делает политическую деятельность предметом своего сознания и воли. В то же время, следует отметить, что развитое политическое самосознание, приводит к концентрированности в политике волевых качеств субъектов политического самосознания, а наличие нескольких таких субъектов превращает ее в борьбу волевых устремлений и арену политических столкновений.

Изменения в социально-экономическом статусе человека, обусловленные типом государственного правления, развитостью гражданско-правовых отношений, экономической ситуацией в стране, влияют на его отношение к политической власти и к проводимой ею социальной политике. Рост социальной дифференциации стимулирует различного рода противостояния, что отражается на механизмах идентификации. Только на почве осознания различных политических интересов может сформироваться политическое самосознание личности, а, следовательно, способность к реалистической оценке себя и своего положение в обществе и политике, силы и влияния противников и союзни-

ков. Именно политика и сфера государственно-правовых отношений, формируют «...сознание (и в данном случае, самосознание – К.Х.), которое должно соответствовать постоянно изменяющейся ситуации и адекватно отражать реалии эпохи» [8, с. 99].

Влияние политической системы на самосознание личности обусловлено тремя аспектами, в которых реализуется сфера взаимоотношений личности и государства – это аксиологический, эмоционально-перцептивный и познавательный аспекты.

Аксиологический аспект проявляется, прежде всего, в стремлении повысить посредством участия в политической деятельности свою самооценку, завоевать уважение, обрести или укрепить авторитет, приобрести влияние, и в конечном счете – власть. Реализуется это в разных формах, например, в качестве борьбы за голоса народа кандидатом на тот или иной пост, в данном случае это уровень индивидуального субъекта политического самосознания. Групповой уровень, связан с теми или иными лоббистскими тенденциями, связанными с продвижением своих представителей к власти. Массовое стремление, угнетенных социальных слоев к социальным революциям, которые могут радикально поменять его положение в социально-политической системе, выражается на социальном макро-уровне.

Из всех относительно устойчивых социальных стереотипов этнических, нравственных и других, носящих, как принято полагать, стихийный характер и, безусловно, влияющих на выбор индивида, является его поведение [2, с. 30], правовые стереотипы – наименее устойчивые образования, что обусловлено спецификой правовой действительности, мобильностью правового пространства.

На наш взгляд, правовые стереотипы, с одной стороны, можно представить в виде некоего «информационно-правового хранилища», резервуара прав, включающего «ментальные монады» конкретного субъекта. С другой стороны, социальные, в частности, правовые стереотипы, накладывая отпечаток на образ мышления, поведения субъекта в обществе, все же являются механизмом саморегуляции в социуме. И в этом мы видим главную функциональную роль правовых стереотипов.

Мы исходим из того, что правовые стереотипы, как проявление своего «Я», Эго, защищают личность, придавая ей при этом правовой статус, некую свободу и положение в обществе. Чем прочнее и устойчивее будут правовые знания, и на их основе правовые навыки, тем реальнее будет вхождение личности в правовое общество, правовое поле, что поможет субъекту упрочить свои правовые позиции, чувствовать себя комфортно в любых жизненных ситуациях. Эта уверенность в своих «правовых» силах особо важна субъекту в межличностных отношениях. Можно утверждать, что правовые стереотипы будут служить гарантом самоуважения личности, а также национального самосознания [11, с. 26] с, в котором нет ничего, на наш взгляд, дурного. Тем более что Россия, находящаяся на стадии социокультурной трансформации, нуждается в «homo activus», ориентированном на многоаспектность, многомерность человека как био-социокультурного существа [4, с. 5].

В последнее десятилетие наметилась явная тенденция модернизации структуры ценностей россиян. В этом смысле общественные процессы приобретают характер социокультурных: социальные отношения не только влияют на культуру, но в ряде

стран испытывают более сильное воздействие со стороны культуры [3, с. 25].

На индивидуальном уровне наблюдается существенное изменение положения человека в обществе как целостной системы. Индивид постепенно перестает быть преимущественно объектом воздействия со стороны государства и других безличных институтов, продуктом, так называемой институциональной среды, он становится все более самостоятельным субъектом в своих взаимоотношениях с властями, обретает разностороннюю свободу, индивидуализированную многомерность и плюралистичность взглядов. И тогда дело жизни человека предстает как серия его собственных выборов, посредством которых индивид сам контролирует и реализует себя как личность. Конечно, среда, в которой формируется личность, продолжает влиять на нее, но это влияние в значительной степени находится под его собственным контролем, изменяя в некоторой степени и саму среду посредством пересмотра системы ценностей [6, с. 69-70].

Эмоционально-перцептивный аспект проявляется в наличии определенного эмоционально окрашенного субъективного отношения к информации о своем политическом статусе. Этот статус может нравиться или не нравиться, оцениваться как низкий или высокий, неблагоприятный или благоприятный. С этим аспектом политического самосознания, непосредственно связаны политическое самоуважение или самоуничижение, а так же политическое себялюбие. Политическое самоуважение в первую очередь свойственно представителям господствующих сил, политическое самоуничижение отличает обычно тех социальных групп, которые смирились со своим угнетением и подчинением. Политиче-

ское себялюбие характерно политическим деятелям, стремящимся к личной власти, и проявляется оно в основном на уровне их индивидуальных амбиций [13, с. 79].

Познавательный аспект указывает на имеющийся информационный уровень, который позволяет сопоставить информацию об окружающей социально-политической среде с теми представлениями о своей собственной роли, способностях и возможностях в данной среде. Немаловажную роль в данном процессе имеет образование. В первую очередь образование в условиях высшей школы. Однако препятствием на данном пути является своеобразное «отчуждение», регулирующее отношения социального субъекта и общества [9, с. 1213].

Получается, что при политической социализации происходит процесс формирования политического самосознания отдельного индивида. Это происходит в ходе усваивания и сопоставления нормативных социально-политических знаний с собственными возможностями влияния на них. Индивид уясняет, например, что в первую очередь это связано с наличием права голоса и другими атрибутами «политического гражданина».

Одной из проблем современного информационного общества, по мнению И.В. Соловей, является то, что реальность политического поглощается тем, что ее производит – средствами массовой информации. В пространстве массмедиа политика утрачивает принцип реальности [10, с. 1374].

Это накладывает свой отпечаток на формирование политического самосознания. Однако, в любом случае, для человека когнитивные аспекты политического самосознания включают знания о существовании двух значимых этапов развития. Первый этап

происходит до обретения соответствующего статуса, а последний после. Соответственно этому и происходит процесс развития политического самосознание в целом [7].

Все три вышеперечисленных аспекта самосознания в своей совокупности способствуют формированию целостного политического образа самого себя. Хотя и на разных уровнях развития, этот образ характерен фактически всем субъектам социально-политической жизни.

Обращаясь к проблемам политико-правовой сферы Российской Федерации, нужно отметить в первую очередь, что в настоящий момент индивидуалистические ориентации личности, нивелирование традиционной социально-классовой солидарности усугубляющаяся обострением межличностной конкуренции и формированием нестойких и конъюнктурных идентичностей в рискованных ситуациях провоцирует перекладывание ответственности за все происходящее в стране исключительно на государственные структуры. В тоже время целые пространства Российской Федерации поражены техногенными и социогенными рисками. Назвав эти пространства зонами экологических и социальных бедствий, государство реагирует на них рядом целевых программ и законодательных актов. Но даже при условии достаточного финансирования и успешности адресной помощи населению мы не можем с полным правом говорить об успешности решения данных проблем [12, с. 237].

В данном случае мы сталкиваемся с рисками, которые накапливаясь в природной среде десятилетиями, впоследствии приобретают либо социогенный характер, либо техногенный характер. Опасности накапливаются в среде обитания человека и как

результат его непосредственной технологической деятельности, так и в ходе социальных реструктуризаций или деградаций в ходе реформ. Усиленная эксплуатация природных благ, за счет которой выживают граждане нашей страны, производит и накапливает средовые риски.

Для нас принципиально важно, что при нарастании производства рисков изменяется и социальная структура общества и политический режим. Так как даже если одни социальные группы получают выгоду от производства рисков, а другие имеют дело с их негативными последствиями, риски современности все же носят всеобъемлющий характер.

Россия, как и остальные страны мира, столкнулась с потерей общества сензитивности к чрезвычайным ситуациям как таковым. Различные катастрофы и аварии стали восприниматься как неизбежный элемент повседневной жизни. Ликвидация последствий уже наступивших событий, лежащая в основе экологической политики государства, не только малоэффективна, но и просто опасна для общества, так как при этом затрагивается сам источник повторяющейся опасности.

Реакцией государства на производство риска должно стать создание многополюсной и подвижной системы политических сил. Еще У. Бек говорил о том, что в «обществе риска» появляется множество агентов политической активности за пределами легитимных политических институтов. Эти агенты возникают либо как компенсация недостаточной эффективности политических институтов, либо в противовес им [1, с. 164].

Все это можно назвать своеобразной формой коллективной рефлексивности. Коллективные субъекты формируются самим

обществом для нейтрализации опасностей для своего существования. Вероятность появления таких коллективных социальных и политических субъектов повышается с увеличением опасностей в обществе [14, с. 302].

Таким образом, необходимо подчеркнуть, что всесторонне развитая личность не может оставаться в стороне от политики. Активное и осознанное участие в общественно-политической жизни, выступает не только в качестве одного из механизмов формирования самосознания личности, но и является способом возвышения человеческого в человеке. В рамках данной статьи мы подчеркнули наиболее ключевые характеристики формирования политического самосознания личности в условиях современного общества. Мы приходим к выводу о том, что дальнейшее изучение данной проблематики будет способствовать раскрытию новых ее граней, так как в настоящее время анализ особенностей политического самосознания приобретает особую значимость для устойчивого и гармонического развития нашей страны.

Список литературы

1. Бек У. От индустриального общества к обществу риска // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 164.
2. Гусейнов А.А. Сослагательное наклонение морали // Вопросы философии. № 5. 2001. С. 3-32.
3. Лапин Н.И. Проблема социокультурной реформации в России: тенденции и препятствия // Вопросы философии. № 5. 1996. С. 21-26.
4. Лапин Н.И. Проблемы социокультурной трансформации // Вопросы философии. № 6. 2000. С. 5.

5. Лукьянов А.В. Философии Иоганна Готлиба Фихте. – Оренбург: ОГАУ, 1997. С. 165.
6. Моджина Н.В. Роль права как ценностного феномена в формировании личности // Монография. – Уфа: РИО БашГУ, 2009. 148 с.
7. Ольшанский Д. Основы политической психологии // Интернет-ресурс. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Olsch/2_2.php (дата доступа 18.05.2011).
8. Рахматуллина З.Я. Башкирский национальный дух (социально-философский очерк). – Уфа, 2002. С. 99.
9. Самардак М.В., Мишин Ю.Д. Принуждение к отчуждению как смысл политики модернизации отечественной высшей школы // В мире научных открытий. 2014. № 11.3. С. 1213-1244.
10. Соловей И.В. Трансформация политического бытия в пространстве медиа-реальности // В мире научных открытий. 2014. № 11.3. С. 1374-1393.
11. Френкин А.А. Уровни правого сознания // Вопросы философии. № 9. 2001. С. 29.
12. Храмова К.В. Особенности социальных рисков постиндустриального общества // В мире научных открытий. 2011. № 4. С. 234-241.
13. Храмова К.В. Самосознание личности в обществе риска. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. 268 с.
14. Яницкий О.Н. Модернизация в России в свете концепции «общества риска». Куда идет Россия? Трансформация социальной сферы и социальная политика / Под ред. Т.И. Заславской. – М.: Дело, 1998. 384 с.

**ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ КУМУЛЯТИВИЗМА
КАК СЛЕДСТВИЕ ПОСТПОЗИТИВИСТСКОЙ
«РЕВОЛЮЦИИ» В ИСТОРИОГРАФИИ НАУКИ**

Шадрина Е.Н.

*Первый МГМУ им. И.М. Сеченова,
г. Москва, Россия*

**RECONSIDERATION OF KUMULYATIVIZM
AS A CONSEQUENCE OF THE POSTPOSITIVIST
«REVOLUTION» IN THE HISTORIOGRAPHY OF SCIENCE**

Shadrina E.N.

*I.M. Sechnov First Moscow State Medical University,
Moscow, Russia*

Основной тип историографического исследования формируется на основе особенностей господствующей в данное время философской парадигмы. Критическое переосмысление основ позитивистской философии науки (во многом благодаря деятельности философов «исторической школы») обуславливает соответствующие изменения историографических построений. Признание социальной и культурной детерминации научного знания рассматривается как важнейшая особенность современной историографии науки.

Ключевые слова: *позитивизм; кумулятивизм; историография науки; наука; субъект науки; научное творчество; парадигма.*

Basic type of historiographical research is based on the contemporary dominant philosophical paradigm features. A critical reassessment of the foundations of positivist philosophy of science (largely thanks to the work of philosophers «historical school») causes a corresponding change in historiographical constructions. Recognition of the social and cultural determination of scientific knowledge is seen as the most important feature of modern historiography of science.

Keywords: *positivism; kumulyativizm; historiography of science; science; the subject of science; scientific work; paradigm.*

Тот смысл, который мы вкладываем, как правило, в понятие кумулятивизма, соответствует стремлению сделать историю науки сугубо научной. Апологеты позитивизма с их верой в неизменный научный прогресс и обосновывали предположение, что история должна быть такой же точной наукой, как, например, механика или астрономия, и должна подчиняться строгим законам. Излишне «рационализированное» представление об истории развития научной мысли, акцентирующее только одну сторону взаимоотношений науки и социума, обусловило построение историко-научных моделей, не учитывающих всю действительную сложность и многогранность научного знания. История науки интерпретировалась, соответственно, в позитивистских концепциях как процесс, наделенный чертами поступательности, непрерывности, прогрессивности.

Таким образом, кумулятивизм породил в свое время образ неизменной и статической истории науки. То, что он рассматривает

накопление знания как их рост, не имеет в данном случае принципиального значения, поскольку весь накопленный историей запас знаний практически никогда не подвергается пересмотру, оставаясь без движения и изменения. Добавление новых знаний к уже имеющимся ничего не меняет.

Изменение ситуации в историографии науки связано, главным образом, с осознанием того факта, что познавательный процесс всегда выступает в качестве опосредованного определенными мировоззренческими установками, исследовательскими традициями. Познание, даже если речь идет о формах, свойственных донаучным, архаическим эпохам, никогда не начинается с неких неоформленных ощущений или единичных наблюдений. Оно исходит из всей полноты познавательного опыта, структурированного определенными общими представлениями о реальности. Тем более это очевидно для научного познания.

Прежде чем включиться в познавательную деятельность, человек, как правило, должен освоить накопленный наукой материал, социализироваться в определенном научном сообществе, воспринять существующие в нем, а также в науке в целом нормы и эталоны производства знания, картину мира, стиль мышления. Таким образом, субъектом познания выступает уже не отдельный изолированный индивид, которому от природы даны некие познавательные способности, а человек, включенный в определенные научные программы и традиции с характерными для них исторически конкретными предпосылками и образами знания, отличающимися их от предшествующих и последующих традиций.

Разумеется, и раньше, при создании и оценке тех или иных схем и моделей познания в какой-то степени использовался исто-

рико-научный материал. Однако исходной точкой при этом служило предположение, что существует некая единая универсальная, в своих основных чертах независимая от истории и социально-культурных различий структура научной рациональности, которую можно, конечно, иллюстрировать отдельными эпизодами из истории познания, но можно представить и чисто логически. В результате историю научного познания рассматривали скорее с точки зрения современного состояния науки, стремясь «уложить» ее в рамки указанной исторически инвариантной рациональности науки, воплощенной в ее методе, канонах эмпирической проверки, логической доказательности и обоснованности. Такой «презентизм», характеризующийся, прежде всего, как стремление усматривать в истории лишь то, что соответствует современному образу научности, пытался преодолеть, в том числе, американский философ и историк науки Томас Кун.

По мнению, например, немецкого исследователя науки Пауля Хойнингена-Хюне, главной заслугой Куна в области историографии науки можно считать то, что своими работами он во многом заставил пересмотреть общепринятый на тот момент способ исторического реконструирования научного знания. «В рамках более ранней формы историографии науки (автор, очевидно, подразумевает как раз кумулятивистский вариант историографического исследования – Е.Ш.) ложное представление о развитии научного знания, возникающее в связи с тем, что наука прошлого в содержательной своей части приравнивается к науке сегодняшнего дня, объясняется прежде всего особой манерой, свойственной данному типу историографического описания. Во-первых, наука прошлого описывается в современных научных понятиях,

и в связи с этим не принимается в расчет возможная историчность этих понятий; во-вторых, актуальные в современной науке постановки вопросов принимаются в качестве данности, в связи с чем возможная контекстуальная отнесенность исследовательских проблем как бы «выносятся за скобки»; наконец, в-третьих, определяющие научные нормы, которые регламентируют допустимость тех или иных ответов на вопросы исследования, также лишаются возможности исторического изменения... Возникает в целом такая картина развития науки, которая постулирует его (развития) внутреннюю будто бы непрерывность... Цель куновской теории, напротив, заключается в том, чтобы, воссоздавая общую картину развития научного знания, учитывать, по возможности, все нюансы прошлого, в особенности, акцентируя внимание на переломных (кризисных) эпохах в развитии науки» [1, с. 510-511].

В качестве исходной единицы научного исследования Кун, как известно, выдвигает парадигму – некую систему разнородных установок, правил действия, образцов и других элементов, которыми пользуются ученые, обуславливающую понимание всех сторон научной деятельности ученых. Кун обращает особое внимание на зависимость их парадигмальных представлений от общего интеллектуального климата той или иной эпохи, рассматривая «мир ученого» как «воплощенный в парадигме опыт расы, культурной группы и, наконец, профессии» [2, с. 229].

Поскольку любые формы научного познания, включая познание новых свойств и отношений объективной реальности, происходят, таким образом, в рамках и под непосредственным влиянием разнородных теоретических положений, «... естествоис-

пытатели, принимающие разные парадигмы и теоретические системы, будут, очевидно, видеть совершенно различные объекты, хотя условия восприятия и строение органов чувств этих ученых можно считать одинаковыми» [3, с. 232]. Иными словами, именно принятие различных теоретических установок, предпосылок и основополагающих компонентов парадигм, сформированных в разных социально-исторических контекстах, приводит к совершенно различному «прочтению» одних и тех же объектов.

В парадигмальную структуру научного знания Куна вносится, таким образом, элемент дискретности. В отличие от кумулятивистской модели науки, предполагающей наличие одной парадигмы, одной программы, в рамках концепции Куна в истории познания происходит революционная смена ряда фундаментальных программ. На место единого для всех эпох разума приходят различные исторические типы рациональности.

Дискредитируя, таким образом, кумулятивизм, Кун порождает вместе с тем и новую, достаточно фундаментальную для познания проблему, проблему соизмеримости научных программ. Переход от одних парадигмальных установок к другим происходит у него вне всякой зависимости от экспериментально-опытной деятельности ученых, да и вообще находится, по-видимому, за пределами возможности рационального осмысления. Пытаясь объяснить этот переход, Кун использует, как известно, взятую им из области психологии аналогию с гештальт-переключением. Отсюда такая характеристика революционного изменения в науке: «... Новая парадигма или подходящий для нее вариант, обеспечивающий дальнейшую разработку, возникает всегда сразу, иногда среди ночи, в голове человека, глубоко втянутого в водоворот кризиса» [4, с. 126].

Несмотря на то, что модель науки Куна построена на взаимодействии различных парадигм, сам механизм этого взаимодействия, перехода от одной достаточно замкнутой парадигмы к другой не подлежит, согласно Куну, объяснению средствами рационального мышления, а выносится им в область психологии. Примечательно, что такой подход к рассмотрению развития знания и послужил как раз причиной многочисленных впоследствии обвинений позиции Куна, а также Фейерабенда, постулировавшего идею несоизмеримости теорий, в иррационализме и «психологизме».

Как бы то ни было, важно здесь выделить следующий момент: утверждая взгляд на развитие науки как «последовательность связанных между собою узлами традиций периодов, прерываемых некумулятивными скачками» [5, с. 262], Кун фиксирует вместе с тем внимание исследователей на особенностях, присущих науке каждой определенной исторической эпохи. В историографии науки, соответственно, широкое распространение получает метод, согласно которому, во-первых, историческое развитие той или иной научной дисциплины начинает рассматриваться как процесс дискретный, предполагающий в обязательном порядке чередование периодов равномерного, поступательного развития и так называемых «кризисных эпох» (в центре внимания исследователей науки оказывается при этом феномен научной революции); и, во-вторых, изучение тех или иных научных проблем, возникающих на определенном этапе развития науки, и конкретных способов их решения осуществляется с учетом общих социально-культурных и психологических детерминант. Например, особый акцент делается на изучении общего интеллектуального «духа» эпохи, а

также мировоззренческих установок и личностных особенностей конкретных выдающихся ученых, с чьими именами связаны наиболее важные вехи на пути развития науки.

Рассуждая об особенностях нового типа историко-научных исследований, связываемого обычно, с так называемой «революцией в историографии науки», нельзя не упомянуть имя известного французского философа и историка науки Александра Койре, «одного из немногих ученых, кому удалось переписать историю по-новому и как бы заново» [6, с. 216]. Между прочим, Томас Кун в своей книге «Структура научных революций» причисляет Койре к числу тех лиц, которые оказали значительное влияние на его духовное развитие.

Если попытаться предельно кратко охарактеризовать роль А. Койре в развитии методологии исторических исследований, то в конечном итоге ее можно свести к разработке нескольких фундаментальных принципов, во многом и теперь определяющих лицо современной историографии науки.

Исходной посылкой для историко-научных исследований Койре явилось его убеждение в единстве человеческой мысли, особенно в единстве ее наиболее развитых форм. «Мне казалось невозможным, – писал он, – отделить историю философской мысли от истории мысли религиозной» [7, с. 45]. Впоследствии такое убеждение трансформировалось в принцип исследования, который позволил Койре не только лучше представить себе состояние современной научной мысли, но и пересмотреть в определенном смысле позицию современной науки по отношению к ее «предшественницам».

Соглашаясь в принципе с позитивистами по поводу известного влияния науки на философию, признавая ее конструктивную роль в разработке той или иной философской концепции, Койре, вместе с тем, решительно расходится с представителями позитивистской историографии в том, что касается так называемого «обратного влияния». Стремясь опровергнуть распространенную кумулятивистскую схему, согласно которой ученые того времени «отказались от бесплодных схоластических умствований и обратились к непосредственному изучению природы» [8, с. 70], он показывает в своих исследованиях, что «непосредственно обратиться» к исследованию природы, собственно говоря, и нельзя. Эмпирическое изучение объекта, эксперимент всегда представляет собой своеобразный «диалог» с природой, который, в свою очередь, предполагает некоторый язык. Термины же этого языка связаны с философской и мировоззренческой ориентацией данного ученого и – шире – с общекультурной ситуацией его времени.

Отмечая, таким образом, опосредованный характер научного знания, указывая на взаимообратное влияние науки и ее социокультурного контекста (в противоположность «односторонним» суждениям позитивистов), Койре в существенной степени меняет традиционный взгляд на историю становления науки.

Сформулированный Койре принцип единства человеческого познания позволяет ему значительно расширить границы внутренней истории науки. Объясняя, например, коперниканскую революцию, французский историк большое значение придает общему духовному климату рассматриваемой эпохи, который в немалой степени определяется философией и религией. Он предполагает, что одним из решающих факторов, обусловивших вели-

кую астрономическую революцию, были как раз эстетические и метафизические соображения. Гелиоцентризм Коперника объясняется тем, что астроному Солнце казалось разумом, управляющим миром и в то же время созидающим его.

Таким образом, реализация принципа единства человеческой мысли позволяет, по мнению Койре, представить ход научных идей в их творческом имманентном развитии. Формулируя теорию истории научного знания, Койре пишет: «... История науки не является хронологией открытий или, наоборот, каталогом заблуждений... но историей необычайных приключений, историей человеческого духа, упорно преследующего, несмотря на постоянные неудачи, цель, которую невозможно достичь, – цель постижения или, лучше сказать, рационализации реальности. Историей, в которой в силу самого этого факта заблуждения, неудачи столь же поучительны, столь же интересны и даже столь же достойны уважения, как и удачи» [9, с. 12].

Рассматривая историю науки, Койре фиксирует прежде всего момент дискретности, резких качественных скачков, научных революций, которые, наряду с постепенным, непрерывным характером ее развития в определенные периоды, образуют подлинную картину движения научной мысли. Как это следует из занимаемой им позиции, он не принимает кумулятивистского тезиса о неизменной в истории структуре разума.

Характерной чертой Койре-историка является стремление сочетать в своем подходе преемственность и прерывность. Рисуя историю научного познания как скачкообразную смену метафизических парадигм, он утверждает вместе с тем, что «победа» нового учения вовсе не означает полного и безоговорочного заб-

вения прежнего. То есть научная теория никогда не строится, что называется, «на пустом месте», путем простого отрицания прошлого. Любая революционная новация, как правило, абсорбирует элементы прежних интеллектуальных концепций, объединяя их в новый качественный синтез. Новая научная картина мира, таким образом, формирующаяся не только в результате революционных трансформаций научного знания, но и предполагающая изменение определенных философских и мировоззренческих предпосылок, обнаруживает при ближайшем рассмотрении «следы влияния» предшествующей научной культуры.

В периоды глобальных научных революций, когда разрушается один мир (мир в представлении людей) и происходит его замена другим миром (впоследствии эту идею взял на вооружение Т. Кун, который также рассматривал научную революцию как изменение взглядов на мир), такой механизм «транслирования» знания обнаруживается с особенной ясностью, позволяя выявить глубинные структуры, определяющие тот или иной тип научной теории.

В том как раз и заключается, по мнению, например, отечественного исследователя науки В.Н. Катасонова, главная заслуга А. Койре, что, приступая к изучению генезиса научного знания, «..он предложил особое внимание уделять именно «переломным», кризисным эпохам, поскольку в такой момент определяется как способ конкретного видения мира, так и логические возможности данного вида научной теории» [10, с. 37]. Другой немаловажной заслугой Койре стала его попытка связать изменения, относящиеся к имманентной структуре научного знания, с изменениями исходных философских и мировоззренческих

предпосылок и указать тем самым на необходимость изучения последних в контексте общего исследования науки.

Таким образом, во многом благодаря деятельности философов «исторической школы» (Куна, Койре и многих других) в научном сообществе подверглась серьезному критическому переосмыслению кумулятивистская модель науки, да и в целом, конечно, основы позитивистской концепции. В свете новых установок – идеи непосредственной включенности в историко-научный процесс субъекта научной деятельности, признания так называемых «личностных признаков» (помимо сугубо научных) любых научных новаций – творческий характер приобретает и сама историография науки. Прошлое науки перестает рассматриваться как нечто замкнутое и статичное. «Историк, – читаем мы у Койре, – проектирует в историю интересы и шкалу ценностей своего времени и только в соответствии с идеями своего времени и своими собственными идеями он производит свою реконструкцию. Именно поэтому история каждый раз обновляется, и ничто не меняется более быстро, чем неподвижное прошлое» [11, с. 95].

Список литературы

1. Hoyningen-Huene P. von Wissenschaftsentwicklung und Wirklichkeit in der Theorie Thomas S. Kuhns // Deutsche Zeitschrift für Philosophie. J37, Н. 6, 1989. Pp. 510-511.
2. Кун Т. Структура научных революций. – М., 2003. 229 с.
3. Кун Т. Структура научных революций. – М., 2003. 232 с.
4. Кун Т. Структура научных революций. – М., 2003. 126 с.
5. Кун Т. Структура научных революций. – М., 2003. 262 с.

6. Черняк В.С. Принцип единства мысли в историографии Франции // Принципы историографии естествознания: 20 век. – СПб., 2001. 216 с.
7. Койре А. Очерки истории философской мысли. – М., 1985. 45 с.
8. Койре А. Очерки истории философской мысли. – М., 1985. 70 с.
9. Койре А. Очерки истории философской мысли. – М., 1985. 12 с.
10. Катасонов В.В. Философия науки Э. Мейерсона и историко-научная концепция А. Койре // Вопросы истории естествознания и техники. 1989. №3. 37 с.
11. Койре А. Очерки истории философской мысли. – М., 1985. 95 с.

**СОЗДАНИЕ МИЛИЦИИ
(ВНУТРЕННИХ ВОЙСК ИЛИ ОПОЛЧЕНИЯ)
В ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ 1806-1807 ГГ.**

Шамрина Е.А.

*Старооскольский филиал Белгородского государственного
национального исследовательского университета,
г. Старый Оскол, Российская Федерация*

**CREATING POLICE (INTERNAL TROOPS OR MILITIA)
IN VORONEZH PROVINCE 1806-1807**

Tshamrina E.A.

*St. Oskol branch of Belgorod State University,
Stary Oskol, Russian Federation*

Статья посвящена рассмотрению создания милиции в Воронежской губернии в 1806-1807 гг. Проанализированы документы, регламентировавшие создание милиции, а также порядок ее формирования. Описаны факты из истории создания милиции в Воронежской губернии, роль общественности в решении материальных вопросов милиции.

Ключевые слова: *милиция; ополчение; Отечественная война 1812 г.; Воронежская губерния; дворянство; ратники; рекруты; Россия.*

This paper is devoted to the creation of police in Voronezh province in the 1806-1807 biennium. Analyzed documents that regulated the creation of the police, as well as the procedure of its formation. Described the facts of the history of the police in Voronezh province, the role of the public in solving issues of material militia.

Keywords: *police; militia; the Patriotic War of 1812; Voronezh Province; nobility; warriors; recruits; Russia.*

Война 1812 года осталась в сознании русского народа как война Отечественная. В этой войне русский народ не только отстаивал целостность русского государства и независимость своего отечества. Отечественная война 1812 года была решающим зве-

ном борьбы всех народов Европы против стремления Наполеона утвердить гегемонию Франции и создать мировую империю [1, с. 3].

Исключительным стало влияние этой войны на исторические судьбы России. В тяжелую минуту народной жизни правительство приняло решение вернуться к исконной форме вооруженных сил – народному ополчению.

Вместе с тем, первая страница в истории формирования народного ополчения 1806-1807 гг. остается в исторической науке малоизученной. До сих пор нет полного представления о том, что представлял собой первый опыт формирования милиции, что лежало в основе их формирования и комплектования.

Таким образом, недостаточные изученность данной темы в исторической науке, а также роль дворянского ополчения в Отечественной войне 1812 года обуславливают актуальность дальнейших исследований. А опубликованные новые документальные материалы позволяют полнее проанализировать обстановку того времени, пролить свет на некоторые спорные вопросы.

Не ставя перед собой задачи провести историографический обзор данной проблемы в рамках настоящей статьи, отметим что исследования история создания ополчения 1806-1807 года затрудняется в большей степени недостаточной его освещенностью в исторических источниках. Центральные архивы так же не сохранили значительного материала по данной теме. Например, фонд «Земское ополчение 1806-1807 гг.» Российского Государственного военно-исторического архива насчитывает всего 28 единиц хранения. Накануне празднования 200-летнего юбилея победы над Наполеоном опубликован значительный массив ар-

живных материалов, что в некоторой степени преодолеть имеющуюся скудость источниковой базы и послужит побудительным мотивом для исследователей к дальнейшему изучению этой страницы российской истории.

В конце 1806 года, в условиях, когда победы наполеоновской армии и не совсем искренние отношения союзников России привели русскую армию к ряду крупных неудач, Александр I принял решение усилить вооруженные силы страны для дальнейшей борьбы с могущественным и опасным противником. 30 ноября 1806 года был издан Манифест о созыве всеобщего ополчения, или как тогда его именовали – «Милиции» [2, с. 12]. Созыв временных ополчений или, как его называли, земского войска был вызван защитой интересов государства в Европе, которое в сражениях потеряло значительную часть своей армии и не могло ее пополнить за счет существующих в то время рекрутских наборов.

При создании Милиции преследовалась цель – «создав солдат, сохранить в то же время землевладельцев». Эта мысль четко выражена в тексте «Манифеста»: «Когда благословением Всевышнего усилия наши и верноподданных наших на защите Отечества... увенчаны будут вожделенными успехами ... и тогда... эти ополчения наши положат оружие, возвратятся в свои дома и семейства, собственным их мужеством защищенные, где вкусят плоды мира, столь славно приобретенные» [2, с. 14].

По Манифесту в основу Милиции входили все сословия: дворянство, горожане, купечество, мещане, казенные крестьяне и свободные хлебопашцы.

Для составления внутренней временной милиции страна была разделена на семь областей. Воронежская губерния вошла

в состав пятой области. Воронежским земским войском руководил Действительный Статский Советник Василий Иванович Лисаневич.

Правительство при создании ополчения рассчитывало составить таким образом внутри страны силу в 612000 ополченцев [3, с. 23]. В Воронежской губернии следовало собрать 18 000 чел.

Командующие губернской милицией избирались «дворянством каждой губернии из особ, отличившихся в военной службе и, буде можно, из прибывающих в той губернии». Штаб и обер-офицерский состав избирался «буде можно из тех, которые находились с честью в полевой службе, а за недостатком таковых из неслуживших или из других сословий» (разночинцев, имевших классные чины). Для комплектования милиции рядовым и унтер-офицерским составом сохранялись правила рекрутского набора: «Гражданские губернаторы с предводителями дворянства по спискам сим и по ведомостям о коронных и помещичьих крестьянах и мещанах определяют, сколько в назначенное по росписи количество губернской милиции следует собрать казенных и помещичьих крестьян и мещан», т.е. помещик сам определял, кто именно из его крестьян пойдет служить в милицию. «Дворянские собрания, получа чрез предводителей сведения о числе следующих к поставке на временную службу Отечеству людей, распределяют по сделанному расчислению сколько кому следует дать их надлежит. По учинении такой росписи каждый помещик и имеющий крепостных людей приготовляет в две недели положенное с него число совсем вооруженных и по возможности снабженным огнестрельным оружием из приобвыкших, где таковые есть, владеть оным, как-то из егерей, охотников и прочих, одев их приличным

времени года образом и дав на каждого единовременно по 3 руб., заготовляют притом для них провиант на 3 месяца» [4, с. 892-897].

Максимальное число ратников в Воронежской губернии было собрано в Старобельском уезде – 1823 чел. Архивные материалы Воронежского губернского музея сохранили подробную ведомость, кому именно из помещиков в 13 уездах было назначено поставить ратников в земское войско.

Кроме того, Манифест объявлял сбор пожертвований для организации милиции как деньгами, так и оружием, а также продовольствием [2, с. 13].

В отношении обмундирования ратников «особое Высочайшее повеление от 6 декабря 1806 года» предписывало, чтобы крестьяне на временное служение были снаряжены обыкновенною крестьянскою одеждою.

Сложнее дело обстояло с вопросом вооружения милиции. 9 декабря 1806 года по Указу императора для решения вопросов организации земского губернского войска или милиции был учрежден особый Комитет [1, с. 5]. В состав Комитета вошли: граф Салтыков, министр военных сухопутных сил Вязьмитинов, граф Кочубей, министр иностранных дел Будберг, тайный советник Новосильцев. По стране начались поиски старого оружия. В письме военного министра Воронежскому губернатору от 17 сентября 1806 года высказан приказ «пушку медную и свинец отдать в артиллерию, когда потребованы будут; знамена снять от древков и переслать в ближайшую комиссию, из бердышей с древками переслать в Санкт-Петербург по зимнему пути в количестве 700 шт.». Данное письмо послужило призывом к сбору

оружия в Воронежской губернии. В уездах все имеющееся оружие направлялось к дворянским предводителям и уездным начальникам, а в городах – в думы и к городничим. Для крестьян в удельных селениях, назначенных во временное земское войско, оружие изготовлялось местными экспедициями. Оружие это должно было состоять из ружей со штыками, копьев и кос. В Воронежской губернии требовалось изготовить такого вооружения на 23 человека [2, с. 13].

В случае недостатка оружия предписано было вооружать ратников копьями, пиками, изготовление которых не вызывало трудностей. Порох, пушки, ядра и другие воинские снаряды предполагалось доставлять из государственного арсенала.

Однако уже скоро выяснилось, что эти формирования невозможно осуществить за недостатком оружия. В 1807 году удалось вооружить лишь часть и тогда же в Англии было заказано 160000 новых ружей. К концу 1807 года численность войск ополчения была доведена до 200 000 человек. Если принять во внимание, что в 1806 году Указом от 18 сентября был произведен набор по 4, а по указу 11 ноября того же года еще дополнительный набор по 1 человек с каждых 500 душ всей крестьянской массы, то будет вполне понятно солидность принятых мер и тяжесть жертвы, которую понесла народная масса [2, с. 14]. Особенно это коснулось дворянства, т.к. все тяготы организации ополчения коснулись главным образом помещичьих дворянских крестьян и менее – государственных и экономических. В Воронежской губернии дворяне с 179 696 душ, находившихся в их владении передавали 6 592 чел в милицию, с рекрутских наборов – еще около 1800 человек, таким образом всего – 8392 чел. Кроме того, содержание

милиции, пока она не выступала в поход, а также обмундирование и снаряжение, кроме оружия, так же осуществлялось за счет средств дворянства. Снаряжение и обмундирование 1 человека обходилось около 40 руб., что составило на всех 6 592 значительную сумму в 263 680 руб. Общая же сумма, израсходованная дворянством на содержание милиции, не может быть точно определена, т.к. не сохранилось точных данных, на основании которых можно провести подобную калькуляцию. Кроме того, по выборам в дворянских собраниях, в ряды милиции было определено 260 дворян, возраст которых составлял от 23 до 48 лет. В каждой губернии были выборные начальники губернского земского войска подчиненные главнокомандующему округом [2, с. 42].

Содержание выборных начальников земского войска также осуществлялось за счет местных средств. Так, губернскому земскому начальнику милиции полагалось 3000 руб. в год, на канцелярию его – по 1000 руб., 13 окружным начальникам каждому по 800 руб., а их канцелярии – по 200 руб. и т.д. Общая сумма средств, необходимая на содержание чиновников в Воронежской губернии составила 139 100 руб. Воронежское дворянство решило следующим образом собрать указанную сумму: с мелкопоместных, которые не поставляли ратников в ополчение, по 2 рубля с души ($10\ 863 * 2$ руб. = 21 723 руб.); со всех помещичьих крестьян губернии по 70 коп. ($179\ 966 * 70$ коп. = 125 787 руб. 20 коп.). Общая сумма сбора в таком случае составляла 147 500 руб 20 копеек. Из этой сумму предполагалось выделить на ратников – 5 180 руб., а остальную сумму оставить в уездных казначействах.

Уцелели и сведения о пожертвованиях сделанных на содержание милиции. Так, богучарский предводитель дворянства под-

полковник Самуил Николаевич Бедряга представил губернатор рапорт о пожертвованиях: 1) надворный советник Бедряга – 150 четвертей ржаной муки, 2000 пудов сена; 2) коллежский асессор Бедряга 50 четвертей ржи; 3) титулярных советник Подольский – 25 четвертей ржаной муки и 5 четвертей пшеничной крупы; 4) дочери умершего коллежского асессора Лофицкого Мария и Александра – по 25 четвертей ржи каждая; 5) коллежский протоколист Голубцов – 50 четвертей ржаной муки. Сам же предводитель поставил 50 четвертей ржаной муки и 500 пудов сена. Господин 7 класса Иракий Алексеевич Левшин, узнав об учреждении милиции, пожертвовал 1000 руб. О пожертвованиях других сословий на милицию сведений не сохранилось, однако о том, что такие пожертвования были свидетельствуют материалы личных переписок. Так, купец 1 гильдии Михаил Бородин пожертвовал 1000 четвертей хлеба, 500 фур для развозки провианта [2, с. 43].

Зимние сражения 1806-1807 гг. не дали решающего преимущества Наполеону. Однако русская армия в обоих случаях отошла. Получив значительные подкрепления, командующий русской армией Бенигсен 4 июня 1807 г. начал наступление. Наполеон с армией в 125 тыс. чел. перешел в контрнаступление, угрожая Кенигсбергу, в который англичане доставили все необходимое для действий русской армии. Бенигсен с армией в 85-100 тыс. человек попытался перекрыть французам дорогу к Кенигсбергу. Однако Наполеон атаковал его в излучине реки Алле при Фридланде 14 июня 1807 г. Русской армии не было места развернуться и она была разбита. Потери убитыми, ранеными и пленными превышали 25000 [5, с. 45]. Французы захватили почти всю артил-

лерию. Гвардия потеряла треть своего состава. Через несколько дней был захвачен и Кенигсберг со всеми запасами. Продолжать войну, несмотря на собранную громадную милицию, было невозможно. 8 июля 1807 г. был подписан Тильзитский мирный договор. Россия обязывалась разорвать все отношения с Англией и присоединиться к континентальной блокаде.

Заключение мира и вступление в союз с Наполеоном делало существование милиции излишним. В начале 1808 г. милиция прекратила свое существование [6, с. 18].

Все же Александр I специальной грамотой выразил благодарность дворянству Воронежской губернии за его активное участие в создании милиции. 7 ноября 1807 года последовал рескрипт на имя Лисаневича со следующим содержанием: «Особые труды и усердие, оказанные Вами по должности губернского начальника вверенной Вам милиции Воронежской губернии, обратили Наше Монаршее к Вам благоволение, во изъявление которого пожелали Мы Вас кавалером ордена святого равноапостольного князя Владимира 3 степени...». Ранее, 28 сентября 1807 года, было принято решение наградить все чиновников пятой области земского войска золотыми медалями.

Оружие собранное в губернии, после упразднения милиции, частью было направлено в Московское депо (в 1809 г.), а часть осталась в Воронеже. В 1814 г. шт.-капитану Сатчикову и секретарю Селехову поручено было составить подробную опись оставшегося оружия. Предполагалось составить из этого оружия арсенал.

Что касается денежных средств, собранных на содержание милиции, то к 25 марта 1807 года имелось 34 697 руб. 56 коп.

Данная сумма оставалась в губернии на содержание служащей милиции.

Несмотря на явную неудачу в создании первого ополчения (милиции), полученный опыт был использован в 1812 г., когда ополчение Воронежской губернии оказалось одним из лучших в стране.

Список литературы

1. Апухтин В.Р. Народная военная сила. Дворянские ополчения в Отечественную войну. – М., 1912. 124 с.
2. Бабкин В.И. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. – М.: Соцэкгиз, 1962. 212 с.
3. Воронежское дворянство в Отечественную войну: репринтное издание. – Воронеж, 2012. 416 с.
4. Лапина И.Ю. Земское ополчение России 1812-1814 годов. – СПб.: СПбГАСУ, 2007. 252 с.
5. Манифест 30 ноября 1806 г. «О составлении и образовании повсеместных временных ополчений или милиции» // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собр. 1. – СПб., 1830. Т. XXIX.
6. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года / Сб. док. Под ред. Л.Г. Бескровного. – М., 1962. 547 с.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://www.nkras.ru/vmno/guidelines.html>)

В журнале публикуются статьи проблемного и научно-практического характера, представляющие собой результаты завершённых исследований, обладающие новизной и представляющие интерес для широкого круга читателей журнала. В журнал принимаются статьи для опубликования основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук в соответствии с требованиями ВАК.

Журнал «В мире научных открытий» выходит с 2008 года и с 2014 года издается в двух тематических сериях: «Социально-гуманитарные науки», «Естественные и технические науки».

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7-24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7-10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0

Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.
2. Цель работы.
3. Материалы и методы исследования.
4. Результаты исследования и их обсуждение.
5. Заключение.
6. Информация о конфликте интересов.
7. Информация о спонсорстве.
8. Благодарности.

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

Рецензент:

Фамилия и инициалы, должность, ученая степень, ученое звание, место работы

AUTHOR GUIDELINES

(<http://www.nkras.ru/vmno/en/guidelines.html>)

The journal covers the topical issues of modern humanities, natural and technical sciences. The journal contains original articles of topical, scientific and practical nature presenting results of completed research and being novel and interesting for a wide circle of readers.

The expected audience of the journal is Russian and international scholars, academic teaching staff and graduate and undergraduate students interested in the recent results of research in different disciplines.

In the World of Scientific Discoveries has been published since 2008 and since 2014 in two topical series: «Humanities and Social Sciences», «Natural and technical sciences».

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7-24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7-10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0

Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

DO NOT USE FOOTNOTES AS REFERENCES

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.

2. Objective.

3. Materials and methods.

4. Results of the research and Discussion.

5. Conclusion.

6. Conflict of interest information.

7. Sponsorship information.

8. Acknowledgments.

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

*Материалы IX Международной
научно-практической конференции
студентов, аспирантов и молодых ученых
«Научное творчество XXI века»
(18 апреля 2015 г.)*

ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

ОБРАЗ РУССКОГО НАЦИОНАЛИСТА КАК ФАКТОР
ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ИМИДЖА РОССИИ
В 1990Х ГОДАХ: ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕЧАТНЫХ СМИ
ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ГЕРМАНИИ

Афанасьев М.В. 1548

ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
НЕЗАКОННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СРЕДСТВ
ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ В ГРАЖДАНСКОМ И
УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Батыков В.В. 1562

О КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОДХОДАХ К ИССЛЕДОВАНИЮ
РОЛИ НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА В РОССИЙСКОЙ
МОДЕРНИЗАЦИИ

Бодрова Е.В., Калинов В.В. 1570

ТРАДИЦИОННЫЙ КОСТЮМ ЮЖНЫХ (НАРЫМСКИХ)
СЕЛЬКУПОВ В XIX-XX ВВ.

Бодрова А.Ш. 1585

ОБРАЗЫ СТАРОСТИ

Бухалова Н.А. 1599

ХАРАКТЕРИСТИКА МОДНОЙ ИНДУСТРИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА 1950–70-Х ГОДОВ

Виниченко И.В. 1614

ИНФОРМАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ КАК ЭТАП
ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В СИСТЕМЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Гордеева Т.Н., Матафонова Ю.А. 1625

МОЛОДАЯ СЕМЬЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ

Денисова Т.С. 1635

ПРЕДЕЛЫ СВОБОДЫ В УСЛОВИЯХ ТЕХНИЧЕСКОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИИ

Денисова Т.Ю. 1648

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ: ДОСТОИНСТВО ЧЕЛОВЕКА
В ОБЫДЕННОЙ ЖИЗНИ

Добродеева И.Ю. 1663

КАЗАЧЕСТВО РЕГИОНОВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
К АНАЛИЗУ СОСТОЯНИЯ РАЗВИТИЯ ОБЩНОСТИ

Ерохин И.Ю. 1676

МЕНТАЛЬНО-ТЕМПОРАЛЬНАЯ МАТРИЦА:
МАТРИЧНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ КУЛЬТУРЫ

Ильинская Е.А. 1692

ЗАЧЕМ И КАК УЧИТЬ МУЗЫКЕ

Клипп О.Я. 1706

РАЗНОВИДНОСТИ ДУХОВНОЙ МУЗЫКИ
СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ: ИХ ИСТОКИ, ВЛИЯНИЕ
НА ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДЖАЗОВОГО И ЭСТРАДНОГО
МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА

Клипп О.Я. 1713

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО
КОНТРОЛЯ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ:
ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Коваленко С.В., Сазонова Л.А. 1726

ОСОБЕННОСТИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ВЫБОРА
ЙОДИРОВАННОЙ СОЛИ КАК УНИВЕРСАЛЬНОГО

СРЕДСТВА ПРОФИЛАКТИКИ ЙОДНОГО ДЕФИЦИТА Ковальжина Л.С.	1741
АДЕКВАТНОСТЬ ПОЛОЖЕНИЙ ФИЛОСОФИИ ПОСТМОДЕРНИЗМА ДЛЯ ПОНИМАНИЯ ФЕНОМЕНОВ ОБЩЕСТВА ПОСТМОДЕРНА (НА ПРИМЕРЕ НЕФОРМАЛЬНОЙ МОЛОДЕЖНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ) Левикова С.И., Пилюгина Е.В.	1756
О КРИЗИСЕ ПОСТМОДЕРНА, ПОСТМОДЕРНИЗМЕ И НОВЫХ ОЖИДАНИЯХ «КОНЦА ИСТОРИИ» Левикова С.И., Пилюгина Е.В.	1771
«СОБЫТИЙНЫЙ ЧЕЛОВЕК» В СОБЫТИЙНОЙ РЕАЛЬНОСТИ ПОСТМОДЕРНА Левикова С.И., Пилюгина Е.В.	1787
ДЕМОГРАФИЯ В ПРЕДМЕТНОМ ПОЛЕ СОЦИОЛОГИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ Мамижева З.Х., Блягоз Э.Г.	1803
ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ – ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА Маслобоева О.Д.	1816
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УТОПИИ МАРКСИЗМА Митина Н.Г.	1831

МЕЦЕНАТ ИЗ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКА

Несмиян О.А. 1847

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
ПРЕДПРИЯТИЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ
(НА ПРИМЕРЕ ПРИМОРСКОГО
ОКЕАНАРИУМА ДВО РАН)

Прокопчук А.В., Пермякова О.Г. 1854

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА
СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА СССР В 1965-1985 ГГ.

Афонасьева О.В., Короткова И.И. 1867

ОСНОВНЫЕ ЦЕННОСТНЫЕ ПАРАДИГМЫ РОССИЙСКОГО
ОБЩЕСТВА

Бормотов И.В. 1879

МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ В СИСТЕМЕ КОНТРОЛЯ
МАССОВОГО СОЗНАНИЯ

Сукало С.А. 1892

КОЛОКОЛА И ЗВОНЫ БОГОРОДИЦЕ-КАЗАНСКОГО ХРАМА
ГРАДА НОВО-НИКОЛАЕВСКА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Талашкин А.В. 1908

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ
ПРОБЛЕМ У ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ

ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ**Тальчук А.В.** 1920**ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЖИЛИЩНОЙ ПОЛИТИКИ
В ГОРОДАХ БУРЯТИИ (КОНЕЦ 1950-Х – 1980-Е ГГ.):
ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ****Тихонов А.Л.** 1930**ПОЛИТИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ ЛИЧНОСТИ
В ОБЩЕСТВЕ РИСКА****Храмова К.В., Азаматов Д.М., Моджина Н.В.** 1945**ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ КУМУЛЯТИВИЗМА КАК СЛЕДСТВИЕ
ПОСТПОЗИТИВИСТСКОЙ «РЕВОЛЮЦИИ»
В ИСТОРИОГРАФИИ НАУКИ****Шадрина Е.Н.** 1956**СОЗДАНИЕ МИЛИЦИИ (ВНУТРЕННИХ ВОЙСК ИЛИ
ОПОЛЧЕНИЯ) В ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ 1806-1807 ГГ.****Шамрина Е.А.** 1968**ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ** 1979

CONTENTS

*Материалы IX Международной
научно-практической конференции
студентов, аспирантов и молодых ученых
«Научное творчество XXI века»
(18 апреля 2015 г.)*

**HISTORY, PHILOSOPHY, SOCIOLOGY
AND CULTURAL STUDIES**

THE RUSSIAN NATIONALIST'S PORTRAIT AS A FORMATION
FACTOR OF RUSSIA'S INTERNATIONAL IMAGE IN 1990S.
ACCORDING TO THE BRITISH AND GERMAN PRINT MEDIA
RESOURCES

Afanasyeva M.V. 1548

PROSPECTS FOR THE SOCIOLOGICAL EVIDENCE
OF ILLEGAL USE OF MEANS OF INDIVIDUALIZATION
IN THE CRIMINAL PROCEDURE

Batykov V.V. 1562

ON CONCEPTUAL APPROACHES TO THE STUDY
OF THE ROLE OF OIL AND GAS IN RUSSIA'S
MODERNIZATION

Bodrova E.V., Kalinov V.V. 1570

TRADITIONAL COSTUME SOUTH (NARYM) SELKUPS
IN XIX-XX CENTURIES

Bodrova A.Sh. 1585

IMAGES OF AN OLD AGE

Bukhalova N.A. 1599

THE FEATURES OF FASHION INDUSTRY
IN SOVIET UNION 1950–70-S

Vinichenko I.V. 1614

INFORMATION MODEL AS THE PHASE OF STUDY SOCIAL
INTERACTION IN LOCAL GOVERNMENT SYSTEM

Gordeeva T.N., Matafonova Y.A. 1625

YOUNG FAMILY IN A MODERN RUSSIAN SOCIETY:
STATE AND PROBLEMS

Denisova T.S. 1635

THE LIMITS OF THE FREEDOM IN THE TERMS
OF TECHNICAL CIVILIZATION

Denisova T.Y. 1648

DAILY ROUTINE: HUMAN DIGNITY IN EVERYDAY LIFE Dobrodeeva I.Yu.	1663
COSSACKS REGIONS OF MODERN RUSSIA: TO ANALIZE THE STATE OF DEVELOPMENT OF COMMUNITY Erokhin I.Ur.	1676
MENTAL-TEMPORAL MATRIX: MATRIX APPROACH IN STUDYING OF CULTURE Ilinskaya E.A.	1692
WHY AND HOW TO TEACH MUSIC Klipp O.Y.	1706
VARIETIES OF SPIRITUAL MUSIC IN NORTH AMERICA: THEIR ORIGINS, IMPACT ON THE EMERGENCE OF JAZZ AND POP MUSIC ART Klipp O.Y.	1713
FORMATION OF A SYSTEM OF SOCIAL CONTROL IN THE FAR EAST: TRENDS AND PROSPECTS Kovalenko S.V., Sazonova L.A.	1726
FEATURES OF CONSUMER CHOICE OF IODIZED SALT AS A UNIVERSAL MEANS OF PREVENTING IODINE DEFICIENCY Kovalzhina L.S.	1741

THE ADEQUACY OF THE PROVISIONS OF THE PHILOSOPHY
OF POSTMODERNISM FOR UNDERSTANDING
THE PHENOMENA OF THE POSTMODERN SOCIETY
(ON THE EXAMPLE OF INFORMAL YOUTH SUBCULTURE)

Levikova S.I., Pilyugina E.V. 1756

ABOUT THE CRISIS OF POSTMODERNITY,
POSTMODERNISM AND NEW EXPECTATIONS
OF THE «END OF HISTORY»

Levikova S.I., Pilyugina E.V. 1771

«EVENT-MAN» IN EVENT POSTMODERN REALITY

Livikova S.I., Pilugina E.V. 1787

DEMOGRAPHICS IN THE SUBJECT AREA OF SOCIOLOGY:
REGIONAL FEATURES

Mamizheva Z.Kh., Bljagoz J.G. 1803

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY –
THE THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASIS
OF MODERN SCIENTIFIC CREATIVITY

Masloboyeva O.D. 1816

SOCIOCULTURAL FEATURES OF UTOPIA OF MARXISM

Mitina N.G. 1831

MAECENAS OF IVANOVO-VOZNESENSK

Nesmiyan O.A. 1847

CULTURALLY-ENLIGHTENED POTENTIAL

OF SOCIO-CULTURAL ENTERPRISE

(PRIMORSKY AQUARIUM FEB RAS FOR EXAMPLE)

Prokopchuk A.V., Permyakova O.G. 1854

STATE SUPPORT OF AGRICULTURE OF THE USSR

IN 1965 TO 1985

Afonasyeva O.V., Korotkova I.I. 1867

THE KEY PARADIGMS OF THE RUSSIAN SOCIETY

Bormotov I.V. 1879

MANIPULATIVE TECHNOLOGIES AND SOCIO-CULTURAL

PRACTICE IN THE CONTROL OF MASS CONSCIOUSNESS

Sukalo S.A. 1892

BELLS AND BELL RINGING OF THE CHURCH DEDICATED

TO THE KAZAN ICON OF MOTHER OF GOD

IN NOVONIKOLAEVSK TOWN IN EARLY 20TH CENTURY

Talashkin A.V. 1908

REGIONAL FEATURES OF SOCIAL PROBLEMS IN PUBLIC

SERVICE PROFESSIONALS

Talchuk A.V. 1920

HISTORICAL EXPERIENCE OF REALIZATION OF STATE

HOUSING POLICY IN CITIES OF BURYATIA (END OF 1950S –

1980S): HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM

Tikhonov A.L. 1930

POLITICAL SELF-CONSCIOUSNESS PERSONALITY
IN THE RISK SOCIETY

Khramova K.V., Azamatov D.M., Modzhina N.V. 1945

RECONSIDERATION OF KUMULYATIVIZM
AS A CONSEQUENCE OF THE POSTPOSITIVIST
«REVOLUTION» IN THE HISTORIOGRAPHY OF SCIENCE

Shadrina E.N. 1956

CREATING POLICE (INTERNAL TROOPS OR MILITIA)
IN VORONEZH PROVINCE 1806-1807

Tshamrina E.A. 1968

RULES FOR AUTHORS 1979

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «ЛитераПринт»
г. Красноярск, ул. Гладкова, 6, офис 0-10
Подписано в печать и дата выхода: 25.05.2015.
Заказ ВМНО5.52015.
Тираж 5000. Усл. печ. л. 32,8. Формат 60×84/16